

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

№ 1 / 2017

Март-Август

Журнал «Знание – сила» 2017

Коллектив авторов
Литературное приложение
«Знание-сила:
Фантастика. №01/2017

«Знание-сила»

2017

Коллектив авторов

Литературное приложение «Знание-сила: Фантастика». №01/2017 / Коллектив авторов — «Знание-сила», 2017 — (Журнал «Знание – сила» 2017)

Журнал «Знание-сила» связывают с фантастикой давние, тесные узы. Многие славные имена встречались на страницах журнала: братья Стругацкие, Кир Булычев, Станислав Лем, Георгий Гуревич, Леонид Платов, Анатолий Днепров и многие другие. После долгого перерыва журнал возобновил в 2005 году публикацию фантастики. Но портфель журнала намного превосходит возможность знакомить читателей с достойными произведениями. Эту задачу призвано решить литературное приложение «Знание-сила: Фантастика», оно выходит с 2006 года. В приложение «Знание-сила: Фантастика» публикуются как начинающие, так и уже ставшие известными авторы. Главный критерий отбора произведений – качественная проза. За прошедшие годы в приложении были опубликованы повести и рассказы таких фантастов, как Сергей Лукьяненко, Александр Громов, Владимир Ильин, Сергей Синякин, Андрей Лазарчук, Степан Кайманов, Игорь Пронин, Александр Силецкий, Сергей Филипский, Александр Юдин и многих других. Приложение печатает как опытных, так и начинающих авторов. Критерий отбора произведений один – высокое качество литературы. В год выходит два номера литературного приложения «Знание-сила: Фантастика»

© Коллектив авторов, 2017

© Знание-сила, 2017

Содержание

Будущее	6
Евгения Халь, Илья Халь	6
Андрей Лободинов	15
Александр Юдин	19
Космос	29
Алексей Семяшкин	29
Контакт	34
Александр Филичкин	34
Иные реальности	43
Александр Уразов	43
Михаил Белозёров	70
Андрей Скоробогатов	82
Ненаучная фантастика	89
Эля Латыпова	89
Дмитрий Шатилов	95
Юморкон	100
Андрей Силенгинский	100
Сергей Филипский	107
Ефим Гаммер	110

Литературное приложение «Знание-сила: Фантастика. № 01/2017

Будущее

Евгения Халь, Илья Халь Имитаторы

Никита Макаров не любил пустого трепа на работе. Он мог часами наблюдать за жертвой, почти не двигаясь. Человек-струна, человек-пистолет с взведенным курком. Зато напарник Никиты Андрей болтал за двоих:

– Никитос, я думал, ты сегодня отпуск возьмешь. Все-таки у сына день рождения, нужно мальцу праздник устроить. Зоопарк, аттракционы, кафешка – туда-сюда.

– Успеется, – буркнул Никита, не отрывая взгляда от дверей ночного клуба. Яркая неоновая вывеска призывно мигала в робкой темноте сумерек, отбрасывая цветные блики на лица фанатов, столпившихся возле входа в клуб, и отражалась в сплошном зеркале льда, сковавшем тротуар. Ночью шел дождь, а в полдень вдруг ударил мороз, и улицы Москвы превратились в каток. Девчонки топтались на месте, дробно стучали высокими каблуками сапог по льду, пытаясь согреться. Время от времени одна из них поскользнулась, хватаясь за спешащих мимо прохожих.

– Да что ты к клубу глазами прилип? – Андрей щелкнул зажигалкой, прикуривая сигарету, – к нашему клиенту все равно наружка прицеплена, ребята звякнут за пару минут до того, как он подъедет. Тем более, что эта звездюлька с такой помпой прибудет – слепой и тот увидит. Как же! Первый концерт после трехмесячной поездки на Тибет! Кстати, какого черта им понадобилось придумывать эту историю о духовном просветлении? Он и без того раскручен дальше некуда.

– Потому что наша звезда так старательно гробила себя с раннего возраста, что даже имитатору понадобилось три месяца, чтобы привести тело в порядок. У этих паразитов тоже есть свой предел регенерации.

– Ну и дождался бы нормального донора. На черта ему этот конченный нарकोша, переделанный пластическими хирургами со всех сторон?

– Не донора, а симбионта. Это, во-первых. А во-вторых, наверное, ждать было нельзя. Имитатор был то ли очень старым, то ли очень слабым, в общем, первым на очереди. А очередь у них там – как я слышал – ох, какая длинная.

Мобильник в кармане Никиты тихонько зажужжал, на экране высветился мамин номер. Макаров с тихим вздохом выключил телефон – это был единственный способ избавиться от длительных нравоучений. Он заранее знал все, что она скажет: в день рождения сына можно было взять выходной. Все родственники и друзья уже давно поздравили мальчика – лишь родной отец так и не объявился до вечера, а ребенок страдает без матери, и внимание папы для него особенно важно. Никита испытал укол вины, привычный, как хронический насморк.

– Сколько твоему Антошке? – спросил Андрей.

– Пять.

Напарник немного помолчал и тихо сказал:

– Пять лет... возраст, в котором возможен первый симбиоз. Ты предупредил мать, чтобы она твою бывшую на порог не пускала?

– Совсем с ума сошел? – взорвался Никита, – какой симбиоз? Что ты мелешь?

– Да я же просто...

– Так что нам теперь каждого пятилетнего ребенка подозревать? И о какой бывшей ты говоришь? Моей бывшей жены уже нет! Лина умерла! Вместо нее осталась тварь, паразит, ленточный червь! А ты меня спрашиваешь, подпущу ли я ее к своему сыну? Да я ей башку разнесу, если она только к двери подойдет! – Никита замолчал, тяжело дыша.

– Никитос, ты меня прости! Я это... ляпнул, не подумав, честно! Просто я за пацаненка твоего переживаю, подстраховать хочу. Одно дело на работе, когда чужих людей выслеживаешь, и совсем другое, когда свои – можно сказать – в группе риска. Никто ведь не знает, что в ней осталось от Лины, а что сожрал имитатор. Материнский инстинкт – это такая мощная штука, покруче атомной бомбы. Вот и выходит, что каждая женщина – это потенциальная Хиросима, а может быть, и вместе с Нагасаки, – Андрей неуверенно хохотнул, пытаясь сгладить ситуацию. Но Никита не улыбнулся шутке.

Внезапно ожила рация в машине:

– Они подъезжают. Удачи, ребята!

– Спасибо! – Никита погладил снайперскую винтовку, лежащую на коленях. Винтовка была прикрыта курткой – обычная мера предосторожности от взглядов любопытных прохожих. Андрей завел мотор машины. Из-за угла медленно и торжественно выплыл белый лимузин. Толпа у входа в клуб оживилась. Фанатки завизжали, подпрыгивая от нетерпения. Из гущи толпы вынырнул юркий парень с фотоаппаратом. Он остановился на краю тротуара, внимательно посмотрел на противоположную сторону улицы, туда, где стояла машина Андрея и Никиты. Андрей кивнул парню. Фотограф едва заметно кивнул в ответ.

Из лимузина вышли два широкоплечих охранника. Несколько самых отчаянных поклонниц бросились к машине, пытаясь забраться внутрь. Охранники осторожно, но решительно отгеснили их в сторону, на минуту повернувшись спиной к дверям лимузина. Фотограф ловко проскочил за спинами телохранителей, вплотную подошел к машине и быстро отснял несколько кадров.

– Никаких фотографий! Немедленно уберите этого придурка! – истерически завопил король российской поп-музыки, закрывая лицо руками. Один из телохранителей обернулся на крик, схватил парня, пытаясь оттащить в сторону, но фотограф намертво вцепился руками в дверь машины, загородив певцу выход. Водитель выскочил из лимузина, открыл дверь с другой стороны, и певец, чертыхаясь, вышел. Он стоял напротив машины Андрея и Никиты, на противоположной стороне улицы, зябко кутаясь в роскошное пальто из леопарда. Лицо его выражало бесконечную скуку и презрение. Момент настал!

Этого имитатора они выслеживали целый месяц. Обычно Макаров любил работать спокойно и неторопливо: выбрать место на крыше напротив дома, где часто бывала жертва, заранее пристреляться, а потом затаиться, терпеливо ждать, как минимум, несколько часов, отработать, и тихо уйти. Но этот имитатор был очень осторожен: установил пуленепробиваемые стекла в квартире, от машины к дверям студии звукозаписи перемещался бегом, старался всегда находиться в толпе. А у охотников был строгий приказ: посторонние не должны пострадать. Поэтому пришлось импровизировать: устроить спектакль, чтобы изолировать имитатора от людей хотя бы на несколько минут.

Никита вскинул винтовку. И в этот момент певец посмотрел в глаза Макарову. Их разделяла трасса с едущими по ней машинами, и он не никак мог видеть лицо стрелка так же ясно, как видел его Никита через оптический прицел. Но Макаров знал: имитатор почувствовал охотника и посмотрел в глаза смерти. Может быть, в первый раз за всю свою долгую, нескончаемую – по человеческим меркам – жизнь. Красная пунктирная линия пролегла

между охотником и жертвой, от вен к венам, через бешеный пульс ненависти Макарова. Он ненавидел имитаторов, поэтому всегда безошибочно узнавал их в толпе. Они были повсюду: на улице, на экране телевизоров, в метро. Неузнанные, неотличимые от обычных прохожих, те, кто всегда рядом. Но для Никиты они были помечены особым знаком: чужеродностью. Он кожей ощущал притаившегося в человеческом теле паразита, и никогда не ошибался. Он не нуждался в приказах начальства, сведениях агентов, которые следили за имитаторами, фотографиях и видеосъемках на закрытых совещаниях в Министерстве Обороны. Макаров мог бы просто ходить по улицам и отстреливать их всех по очереди. Но это было бы шагом в пропасть, скольжением в хаос, поэтому Никита подчинялся приказам. Хотя иногда, в особо тоскливые и злые ночи, когда память жадным суккубом вползала в одинокую постель, он отправлялся на свою собственную охоту в каменных джунглях большого города. Винтовка оставалась дома, человек-пистолет становился человеком-ножом. В кармане лежали несколько жележных конфет-червячков, которые он оставлял на месте убийства. Это был своеобразный код, понятный только Никите и имитаторам. Макаров называл их паразитами, ленточными червями, и они знали об этом. А наутро комментаторы новостей со скорбными лицам сообщали о новой жертве «конфетного маньяка», и большой город вздрагивал, зябко передергивая плечами мостов.

Макаров выстрелил. Андрей немедленно рванул машину с места.

* * *

Уютная обстановка, запах жареной картошки, столы, накрытые клетчатými скатертями – дом, милый дом. Так приятно сидеть здесь, за столиком в дальнем углу столовой и наблюдать за ними. Борис Резников, главврач и владелец небольшой частной клиники, а также верховный советник рактров Лесс, отпил глоток компота из сухофруктов и поморщился: слишком сладко для него, но хорошо для пациентов. Их истощенные организмы нуждаются в глюкозе.

Пациенты принарядились к ужину, как могли. Мужчины просто побрились и причесались, что само по себе было признаком торжественности и первым шагом к возвращению в нормальную жизнь. Зато женщины расстарались вовсю, хотя их понятия о красоте и моде были бесконечно далеки от реальности. Для них не существовало долгих лет, прожитых от дозы к дозе. Это как годы, проведенные в анабиозе: человек заснул двадцатилетним и проснулся тоже двадцатилетним. И неважно, что возле глаз собрались гусиные лапки морщин, а первые снежинки седины посеребрили виски. Тем, кто начал в двадцать-двадцать пять, сейчас за сорок. Сделав шаг из освещенного круга во тьму, а потом снова вернувшись к свету через много лет, для себя самих они остались двадцатипятилетними.

Седые девочки укладывают волосы в ультрамодные прически, взятые из журналов для молодежи, украшают себя гроздьями дешевой бижутерии – так они имитируют благополучие. Этот мир энергичен и громогласен. Чтобы занять в нем свою нишу, нужно быть ярким, броским, выбрать неповторимый имидж. И они старательно создают: короткие курточки с яркими бляшками и двухцветными капюшонами, джинсовые миниюбки, броские туфли на огромных каблуках, украшенные стразами – в них так болят опухшие ноги, но постаревшие девочки мужественно вышагивают от двери столовой до столиков и облегченно вздохнув, присаживаются на стулья.

– Отдохните, девчонки, я сама справлюсь, – любимица Бориса Лина порхала по столовой, украшая стены воздушными шариками и бумажными гирляндами. Ее молчаливый друг Кнаан внес стремянку, собираясь подвесить гирлянды к потолку. Сегодня у них праздник: сыну Лины исполнилось пять лет. Возраст, когда впервые возможен симбиоз человека и рактра. Заметив нежный взгляд Бориса, Лина подбежала к нему, грациозно присела на краешек

стула. Прямая спина, сильные балетные ноги, светло-русые волосы рассыпаны по плечам, тонкий профиль – двадцатипятилетняя красавица, которая случайно забрела в дом потерянных жизней. И лишь старческие руки, увитые набухшими узлами вен, так странно и чужеродно смотревшиеся на идеальном теле балерины, выдавали тайну ее недавнего прошлого, разделенного не на дни и ночи, как у нормальных людей, а на дозы и междозье.

– Как дела, Лесс? – прошептала она.

– Борис, – поправил он. – Я теперь Борис, а ты – Лина, а не Элайя.

– Я помню, – ответила она.

Борис тоже помнил тот дождливый день три месяца назад, когда он возвращался домой, в клинику. Машины медленно ползли под холодными струями октябрьского ливня. И вдруг Борис увидел высокого смуглого парня, который нес на руках девушку. Она была без сознания, голова ее безвольно свесилась назад, длинные светлые волосы почти касались грязного тротуара. Парень весь вымок, но словно не замечал этого. Он нес на руках не девушку. Он нес на руках свою северную принцессу. Борис вошел в общее ментальное поле, проскользнул между мыслями прохожих, дотянулся до смуглого парня, просмотрел его прошлое и настоящее.

Его звали Кнаан. Тягучее, горячее, словно красная глина земли хаананской, имя. Такое же обветренное, как его растрескавшиеся губы, навсегда запекшиеся от невыносимой жары. Черные волнистые волосы, влажные, как маслины, глаза. Душными ночами, когда спящие рядом с ним на тощем матрасе братья мечтали о гибких смуглых красавицах, живущих по соседству, Кнаан грезил северной принцессой. У нее были светлые волосы, голубые глаза, хрупкими руками она изящно придерживала балетную пачку, точь-в-точь, как маленькая куколка-балеринка на шкатулке с украшениями, что стояла в спальне его матери. Шкатулку привезли из далекой снежной страны, в которой учился его дядя. С тех пор Кнаан каждую ночь видел во сне, как где-то там, за тридевять земель кружится маленькая балерина среди белых вихрей метели...

Возле Кнаана остановилась черная машина, в которой сидели три коротко остриженных парня с бычьими шеями. Боковые стекла опустились.

– Помогите! – с надеждой сказал Кнаан, – подвезите нас до больницы!

– Сдохни, чурка! – заорал парень, сидящий на заднем сиденье машины.

– Только здесь не сдыхай, чтобы падалью не воняло! Вали в свой Чуркистан и шалаву с собой захвати! – осклабился второй парень, запустив в Кнаана пустой банкой из-под пива. Они засвистели и завизжали, машина рванула с места, окатив Кнаана волной грязи. Он стоял, замерев от отчаяния, от громады большого города, который пережевывал стальными челюстями бесконечный поток машин и пешеходов. В большом городе пощады не жди. Упал – отползи и спрячься, иначе по тебе пройдут торопливые ряды тех, кто, в отличие от тебя, устоял на ногах. Пройдут, не замечая хруста позвоночника под сапогами, втаптывая тебя в жирную грязь.

Борис затормозил возле смуглого парня, выскочил из машины, открыл заднюю дверь.

– Я отвезу вас в больницу, – сказал он. – Давайте положим девушку на заднее сиденье, – Борис протянул руки, чтобы помочь, но Кнаан лишь молча покачал головой и осторожно сел в машину, продолжая прижимать к себе Лину.

– Подождите минутку, я позвоню в клинику, чтобы сотрудники подготовились к нашему приезду, – Борис отошел в сторону, повернулся спиной к машине, достал из кармана мини-передатчик величиной со спичечный коробок. На крошечном экране появился светящийся сгусток: его помощник Эрг.

– Я нашел симбионта. Кто следующий на очереди?

– Ваша сестра Элайя, советник Лесс.

Сердце Бориса сделало один лишний удар. Наконец-то! Он очень боялся, что сестра, больная и слабая, не доживет до симбиоза. Но впереди была длинная очередь из тех, кто старше и слабее, и больше нуждался в новом теле. И даже он, Лесс, верховный советник, глава цивилизации рактров, не мог сделать исключение для своей сестры. Рактры, или имитаторы, как их называют люди – это одна большая семья, разделенная на несколько кланов. А в семье все равны.

– Подготовьте капсулу к выходу на поверхность. Я жду Элайю.

– Координаты прежние?

– Да...

...Борис погладил Лину по волосам. Кнаан слегка напрягся, стоя наверху стремянки. Даже после симбиоза он не избавился от ревности.

– Собирайся, сестричка, поедem к твоему сыну.

– Думаешь, Никита позволит Антону поехать с нами? – в голосе Лины послышалась тревога.

– Думаю, мы сможем его уговорить.

– Мы для него – монстры.

– Потому что он нас боится. Если ты сидишь в темной комнате, каждая тень кажется чудовищем. А мы зажжем свет и покажем твоему Никите, что чудовищ нет, а есть просто люди, непохожие на него, но совсем не страшные. Мы и есть тот самый эволюционный скачок, которого они так давно ждут.

Борис говорил уверенным тоном, но сам он не был уверен в своих словах. Те люди, которые знали о существовании рактров, панически боялись их и всеми силами старались уничтожить.

Рактры прибыли на Землю несколько лет назад и сразу же попытались установить контакт с правительствами разных стран. У них было что предложить человечеству – излечение от многих болезней: рака, СПИДа, наркомании, психических заболеваний, которые считаются неизлечимыми. У рактров не было собственных тел. Они представляли собой сгусток мыслящей энергии. За все время своего существования цивилизация рактров всегда использовала чужие тела, давая взамен панацею от многих болезней. Но цивилизации погибали, симбионты служили недолго, по меркам рактров, которые фактически обладали бессмертием, переходя из одной оболочки в другую. Смерть была для них чем-то непостижимым и отдаленным, пока не возникла проблема с телами. И тогда выяснилось, что даже самые молодые и сильные рактры не могут долго существовать без тела. Смерть заглянула им в глаза, смерть приказала платить по счету.

Сначала земные правительства пришли в восторг. Были созданы тайные лаборатории, в которых изучались возможности симбиоза рактров и людей. Тех, кто согласился на симбиоз, назвали имитаторами. Потому что, вселяясь в тело человека, рактры сохраняли все его мелкие привычки, привязанности и увлечения. А если таковых не было, как, например, у некоторых психических больных, то они создавали новые. Отличить на глаз человека, живущего в симбиозе с рактром, было совершенно невозможно. Кроме того, рактры умели будить спящие в каждом сверхспособности. Одних они наделяли телепатией, других небывалой физической силой. Симбиоз, по сути, был тем самым эволюционным скачком, который давно предсказывали ученые.

Но восторг сменился разочарованием, когда выяснилось, что каждая пара симбионтов уникальна. Иногда рактр доминировал над человеком, иногда наоборот, но в любом случае имитаторами нельзя было управлять. Они подчинялись только старейшинам кланов и верховному советнику. Они были равнодушны к религии, политике, на них не действо-

вала реклама. Кроме того, имитаторы ничем не болели, даже насморком, поэтому фармацевтической промышленности и медицине грозила опасность многомиллионных финансовых потерь. Рактры обладали высокой способностью к регенерации, когда дело касалось центральной нервной системы, психики, крови, обмена веществ, незначительных травм, но они не могли помочь при тяжелых физических увечьях.

Тогда рактрам предложили убраться восвояси, но они не согласились, потому что идти было некуда. Следующим шагом было объявление тайной войны. Специальные подразделения охотников вычисляли и уничтожали имитаторов. Рактры прятались, как могли, и продолжали искать новые тела для тех, кто ждал своей очереди на космических кораблях, лежащих на недоступном для человеческой техники дне океана.

– Чудовищ нет, – прошептала Лина.

Андрей подбросил Никиту до его машины, припаркованной в тупичке, который находился в нескольких минутах езды от дома. Макаров каждый раз устраивал себе короткую передышку по дороге домой, чтобы привести в порядок мысли и чувства. На такой работе необходим буфер для перехода в нормальную жизнь.

Макаров постоял немного, дыша морозным воздухом. Он любил холод, хотя гололед сильно мешал работе: приходилось ездить медленно и осторожно, что для охотников недопустимо. Никита обогнул машину, поскользнулся, едва не упал, достал из багажника яркие свертки с подарками для Антона и переложил их на заднее сиденье. Потом откинул двойное дно багажника, положил в тайник сумку с винтовкой, а из тайника достал пистолет и засунул его за пояс джинсов. Никита сел за руль и позвонил матери.

– Мама, я буду через несколько минут. Отвлеки Антошку, чтобы он не прилип к окну, хочу сделать ему сюрприз.

– Никитушка, Антошка тебя целый день ждал, а сейчас у него гости, – в голосе матери послышалось ликование. – Лина приехала! С ней приехали друзья, они забирают нашего мальчика и везут праздновать к себе, в... – мать слегка запнулась – ну, в центр, где Лина сейчас живет. Это что-то вроде пансионата. У них там сегодня вечеринка в честь дня рождения Антошки.

– Мама! – закричал Никита, заводя мотор, – не дай ей увести Антошку, слышишь?

– Никитушка, я все понимаю, но и ты пойми: ребенку нужна мать, какая бы она не была.

– Это не Лина! Это... я прошу тебя: просто один раз в жизни сделай так, как я тебе говорю, а я потом все объясню! Только не давай им выйти из дома, – Никита дал задний ход, вдавил педаль газа до предела, крутанул руль, разворачиваясь, и машина волчком завертелась на месте.

– Сынок, я не могу! Они уже в лифте. И потом у Лины есть право видеться с ребенком. Да, она, конечно, наломала дров, но ты бы видел, как она изменилась... – Никита, не дослушав мать, прервал разговор, захлопнув телефон-раскладушку.

– Твари! – Никита в ярости ударил кулаком по рулю.

Макаров познакомился с Линой, когда она училась в хореографическом училище. Через несколько месяцев они поженились, Лина забеременела, ей пришлось оставить танцы. Сначала она наслаждалась тихой семейной жизнью с надежным, как кремлевская стена, мужем. Свекровь относилась к ней хорошо. А когда родился Антон, с радостью занялась внуком. Никита целыми днями пропадал на работе, иногда уезжая в длительные командировки, и Лина заскучала. Прежние подруги попадали на гастролях, их жизнь была бесконечным танцем. Днем – на сцене, вечером – в дорогих клубах. Возле красавиц-балерин всегда толпились богатые покровители. Подруги звонили Лине из-за границы, весело щебеча о яхтах и Куршевеле. И Лина учила названия дорогих курортов и изысканных вин, сидя возле

телефона в халатике и домашних тапочках. А где-то была ключом шикарная ночная жизнь, которая начиналась в то время, когда она укладывала ребенка и ложилась спать.

И Лина не выдержала. Она устроилась в танцевальную группу, которая выступала в ночных клубах. Памперсы, бутылочки, каши – все осталось дома, с ней был только танец. И горящие глаза зрителей, и драйв отточенных движений в пульсирующем свете танцпола. На рассвете драйв уходил под шум моторов хлебных и молочных фургонов, растворялся в серых от усталости лицах первых прохожих – работяг-муравьев, спешащих на работу. Лина не хотела быть муравьем, она хотела быть яркой бабочкой в вечном полете. И тогда она нашла средство, чтобы полет никогда не заканчивался: доза. Сначала был чистый кокаин, который придавал внешности изысканную, аристократическую бледность, но ей требовалось все больше. И наркодиллеры вдруг стали смотреть не только на пачку купюр в ее руках, но и принялись откровенно шарить глазами по точеной фигуре. Лина ушла из дома, сняла крошечную комнатку, белая изысканность кокаина сменилась черной повседневностью героина. Поклонники заскучили и разбежались, разочарованные предсказуемостью финала. Только один из них по-прежнему смотрел на нее, как на богиню, вернее, на принцессу. Хрупкую северную принцессу.

Его звали Кнаан. Он приехал из далекой жаркой страны, поступил в мединститут, но на втором курсе его отчислили. Вернуться домой неудачником он не решился, поэтому остался в чужом холодном городе, устроился на работу в больницу, оброс нужными связями и всегда мог достать дозу. А если не мог, то просто крал. И когда в их жизни неожиданно появился спаситель Борис, Кнаан стал одним из немногих людей, кто пошел на симбиоз сознательно...

Никита успел вовремя. Лина стояла возле машины, держа Антона за руку. Кнаан придерживал открытую дверь, мальчик счастливо смеялся, глядя на мать. За рулем сидел Борис. Вдоль тротуара плотными рядами были припаркованы машины, и Макарову пришлось остановиться на другой стороне улицы. Никита так быстро выскочил из машины, что поскользнулся и едва не упал.

– Антон, отойди от них! – крикнул Никита, пытаясь перебежать дорогу. Но машины, как назло, одна за другой проносились по трассе, не собираясь уступать дорогу пешеходу. Мальчик растерянно посмотрел на отца. Улыбка на его лице сменилась растерянностью. Никите, наконец, удалось проскочить между машинами, и он помчался к сыну.

– Эй, ты! Убери свои руки от моего ребенка! – прорычал Никита, приближаясь к Лине. Кнаан встал перед ней, молча закрывая женщину собой. Борис вышел из машины, собираясь поговорить с Никитой, но Лина опередила его:

– Никита, я просто хочу устроить ему праздник. Понимаешь? С ним ничего не случится!

Собственное имя в ее устах резануло слух Макарова, еще больше подчеркивая ее чужеродность. Прежняя Лина никогда не называла его Никитой, а только Ником, когда была серьезной, и ласково – Китом.

– Почему Кит? – шутливо спрашивал Макаров, подхватывая ее на руки. Он заранее знал ответ, но ему нравилось слушать, как она смеется, пытаясь выскользнуть из его объятий:

– Потому что ты такой же большой и осторожный!

Он по-прежнему остался большим мужчиной, но перестал быть осторожным.

– Ему не нужны твои праздники! Мой сын не нуждается в грязных паразитах, высасывающих мозг и тело.

Рактры побледнели. Антон, чувствуя напряженность взрослых, выпустил руку Лины. А Никита откинул полу куртки, демонстрируя рукоятку пистолета, и твердо сказал:

– Антошка, пойдем домой, – Макаров взял сына за руку, но мальчик вдруг вырвался и закричал, топнув ногой:

– Ты – злой! Ты кричишь на маму! Я с тобой не пойду!

– Антошка, сынок, мы с... мамой, – это слово далось Никите с трудом, – просто так играем. Идем домой, я тебе целую гору подарков привез!

– Не хочу! – закричал ребенок, делая шаг назад.

– Ну, что ты, – как можно мягче сказал Никита, шагнув вперед. И в этот момент Кнаан, до этого стоявший молча, вдруг предупреждающе схватил Никиту за рукав. Он первым обратил внимание на то, что не заметили другие в пылу спора: ребенок стоял на обледенелом поребрике. И Кнаан хотел просто предупредить Никиту, чтобы тот не делал резких движений. Но Макаров понял иначе и ударил его кулаком в лицо. Мальчик испуганно вскрикнул, шагнул назад, поскользнулся и упал навзничь, ударившись затылком о бампер припаркованного рядом джипа. Глаза ребенка закатились, изо рта медленно поползла тонкая струйка крови.

Лина тоненько взвыла, зажав руками рот. Никита бросился к сыну, упал на колени, принялся гладить его по лицу, шепча:

– Антошка, ты что, а? Открой глаза, сынок, пожалуйста, открой! Что же ты меня так пугаешь? – он просунул руку под голову ребенка, почувствовал что-то горячее, медленно вытащил ее обратно, поднес к глазам, рассматривая кровь сына на своей руке, и вдруг хрипло вскрикнул, закусывая окровавленный кулак. Вскрикнул и начал раскачиваться вперед-назад, сидя на коленях.

Лина упал на колени рядом с ним, обхватила сына, попыталась приподнять его.

– Лина, нельзя! – Борис остановил ее. – Его нельзя сейчас трогать! Он прощупал пульс мальчика и покачал головой, глядя на Кнаана.

– Я «скорую» вызвал, – тихо сказал Кнаан, наклонившись к Борису, – но боюсь, по таким пробкам они не скоро сюда доберутся.

– Даже если бы они добрались быстро, это бы не помогло, – Борис выразительно посмотрел на Кнаана. – Я вижу только один выход из положения: симбиоз.

– Но это ведь физическая травма, – неуверенно сказал Кнаан, – разве среди нас есть те, кто способен на такую регенерацию?

– Есть молодые и сильные, которые могут справиться с детской травмой. Потому что у детей масса тела меньше, чем у взрослых, так что сил вполне хватит на регенерацию. Просто ты этих рактров ни разу не видел. Пока они ждут своей очереди, сила уходит. Но в этом случае кто-то из них пойдет вне очереди.

– Это ты все подстроил! Специально подстроил, сволочь, чтобы заполучить моего сына! – Макаров медленно поднялся на ноги. За несколько минут он постарел на много лет, глаза лихорадочно горели на вмиг осунувшемся бледном лице. – Вы все виноваты! Чертовы имитаторы! – он схватил Бориса за горло и прошипел ему в лицо. – Ты его не получишь, мразь! Я вас, гадов, всех передую, собственными руками передую, чтобы вы захлебывались своим дерьмом, уроды!

– Это мы уроды? Мы – имитаторы? – Борис с неожиданной силой разжал руки Никиты, и, дрожа от напряжения, медленно опустил их. Макаров попытался вырваться, но Борис держал крепко. – Да это вы имитаторы! Вы – люди! Вся ваша жизнь – имитация: дружба, любовь, семья, помощь близким! Вы клянетесь в верности, но предаете, когда под руку попадается жирный лакомый кусок. Вы кричите о милосердии, открываете бесполезные благотворительные фонды, но торопливо поднимаете стекла машин, когда нищий оборванец, которому не хватает на дозу, бутылку или просто кусок хлеба, протягивает свою грязную руку в чистенькие салоны ваших машин. Вы поете о любви к одним, а спите с другими. Вы умеете любить только тех, кого вы же сами и распяли, а тех, кого еще не доволокли до креста, просто выбрасываете из своей жизни. Потому что жалость вы тоже имитируете, как и саму жизнь. А ты – самый лучший имитатор! Ты ненавидишь нашу расу, потому что чувствуешь в нас собственное нутро! Ты любил женщину, но когда она покатила по откосу, ты отказался

от нее! А теперь готов похоронить своего ребенка из-за дурацких принципов, которые сам себе придумал! Тебе нужен мертвый сын? – голос Бориса вдруг изменился, стал низким, в воздухе пронеслась вибрирующая волна, возникло невыносимо-рокочущее эхо, от которого закладывало уши.

От крика Бориса задрожали стекла машин, с деревьев посыпались сухие ветви, стая ворон, пронзительно крича, взмыла вверх.

Никита опустился на тротуар, сжался в комок, обхватив голову руками.

– Тебе. Нужен. Мертвый. Сын? – повторил Борис.

– Мертвый сын... мертвый сын... – эхом пронеслось по притихшей улице: Макаров медленно покачал головой, посмотрел на ребенка, которого обняла Лина, бросил загравленный взгляд на Бориса и хриплым, дрожащим шепотом сказал:

– Забирайте!

Человек-пистолет дал осечку. Человек-пистолет впервые увидел через прицел не чужую, далекую боль незнакомой мишени, а лицо собственного сына, расколотое черным пунктиром прицельной сетки.

Сидя на тротуаре, он отрешенно наблюдал, как Борис осторожно забрал мальчика из рук Лины, бережно отнес к машине. Кнаан помог дрожащей Лине сесть на заднее сиденье, положил ребенка к ней на колени и сам сел рядом. Макаров поднялся, подошел к машине, заглянул в закрытые глаза сына и вдруг понял: имитаторы помогут. Но когда Антон снова откроет глаза, в них не будет его, Никиты, потому что они окажутся по разные стороны. И вся его ненависть и охота вдруг стали какими-то ненужными, лишены смысла. Словно скучный кинофильм, который смотришь во время бессонницы, чтобы не разглядывать в сотый раз стены пустой спальни.

Потому что вся твоя жизнь теряет смысл, если видишь чужого себя в глазах твоего собственного ребенка.

Борис завел мотор. Никита бросился к машине, открыл дверь, сел рядом с Борисом и сказал:

– Я еду с вами!

Об авторах

Евгения родилась в 1973 году в Украине, в Киеве. В 1993 году переехала в Израиль, медик по первой профессии, в данный момент учится в университете на вторую академическую степень (тройная магистратура) по специальности: социология, политология и международные отношения.

Илья родился в 1963 году в Израиле, военный в отставке, работает в системе безопасности.

Авторы живут в Израиле, в городе Рош ха Айн. Супруги. Публиковались в российских и зарубежных изданиях: «Химия и жизнь», «Техника-молодежи», «Мир фантастики», «Уральский следопыт», «Новый берег» (Дания, журнал российского Пэн-клуба), «Космопорт», «Чайка» (США), «Супертриллер», «Наша Канада» (Канада), «Эдита» (Германия), «Меридиан» (Германия), «Фантаскоп», «Очевидное-невероятное» (Украина), «Новый дом» (Израиль), сборниках различных издательств.

Андрей Лободинов

Три желания капрала Хюпшмана

Хюпшман пил исключительно чистый абсент. Попытка бармена уболтать его на убойный (бедолага так и сказал – убойный) коктейль с абсентом «Звезда Полынь» привела к внезапной вспышке ярости.

– Ты видел, как вспыхивает подбитый корабль, вывозящий людей с обреченной планеты? Нет, не тот, на котором давно, благополучно и тактически правильно свалило всё командование, а самый последний, на котором улетают те, кто прикрывал отход?! Вот это и есть Звезда Полынь! Понял?! А у тебя тут налита шлюхина моча! С приятным послевкусием и воткнутой туда трубочкой! – орал Хюпшман.

Никто не рискнул засмеяться, хотя рожа у бармена стала потешная. Хюпшман может и не такой бывалый, как из себя корчит. То, что в его теле одни биопротезы остались, само по себе еще ни о чём не говорит. Но он самый старший здесь. Да и Метеоритный Крест только за умение пить абсент не дают. А пить Хюпшман умел. Более того, абсент, казалось, оказывал на его мозг положительное влияние – вспышки ярости сменялись почти лиричным настроением.

Выпито было немало, и беседа перешла к той приятной стадии, когда разговор обычно заходит о женщинах.

– Пандора оказалась грёбаным тропическим раем. Океан и острова, покрытые джунглями. Тамошнему правителю, Дагону ибн Дагону, мало показалось титула короля, и он провозгласил себя императором. Все ровно дышали к его титулам, да и к этой Пандоре. Позже выяснилось, что реальная власть была у его бабы, коронованной под именем Соломониэль. К той ровно дышать непросто, баба огонь. Краля эта пошла еще дальше и объявила себя там едва ли не богиней. А мужа своего соответственно – божеством. И до этого цирка никому за пределами Пандоры не было дела. В космосе чего только не встретишь. Позже там, на Пандоре, часть аборигенов в джунглях нас самих за богов приняла. Типа культ карго. В общем, вся планета работала на Соломониэль – драгоценности, наряды, пластика... Она пыталась засветиться и за пределами своей планетки, разве что в опере петь не пробовала... с жиру бесилась по полной. Правда, молодка не старела совсем, но на ту же пластику всё списывали. Уже потом обнаружили пандорит – кристаллы, которые помогают сохранить молодость. Император не захотел ими делиться. Вот тут припомнили ему все грешки, объявили тираном и послали нас. Операция «Рагнарок». Юмор такой, так называлась гибель богов у этих, древних греков вроде. Как всегда, первой волной шла роботехника и для особо деликатных задач – наш отряд. Брофловски, Красавчик Суарес, жирдяй Ван Боммель, Мактавиш, Петренко... нас десантировали у королевской резиденции. – Видимо, забыв, что намеревался рассказать о пандорийской красотке, Хюпшман смочил горло абсентом и продолжил. Будь на его месте кто помоложе, ему бы уже посоветовали заткнуться, но Хюпшмана перебивать не стали. – Десантный модуль припандорился, выходить не спешим, выжидаем. Шутим, как припиндюрим этой Соломониэль. Вокруг непролазные джунгли. Обезьянки забавные, с голубой шерстью прыгают – любопытствуют, значит, и не боятся совсем. Вдали, посреди моря джунглей, видна здоровенная скала, на вершине которой дворец этого грёбаного монарха. Наконец, накрыли нас напалмом. Так, слабенько накрыли. До заварушки на Инферно далеко. Зверюшек только жалко, обезьянок этих... джунгли сгорели, а наши с неба в ответ накрыли их огневые точки.

Стало ясно, что второй волны напалма уже не будет. Наш выход. Вокруг выжженная земля. Продвигаемся к дворцу. Красиво идём, разве что ковровой дорожки нет. С воздуха прикрывают так, что можно детский сад на прогулку выпускать. На вершину, прямиком ко

дворцу ведёт вырубленная в скале лестница, полная сюрпризов от защитников. Вот по ней подняться трудно. Устанешь и покалечишься. А туда никто и не лезет. Наша задача – быть рядом, на подхвате. Залегли, пялимся на эту скалу, ждём, пока нашего дважды Дагона выкурят оттуда.

В скале, по обоим сторонам лестницы, вырезаны львы, драконы и местные твари, мантикоры вроде. Время идёт, мы уже заскучали, Ван Боммель с Суаресом как всегда лаяться между собой начали. Ван Боммель говорит, мол, голубые обезьянки не твои родичи были? Суарес оскалился и грозитя жирдяя на сало пустить и Петренко скормить. Петренко вроде не возражает, если только под водку.

Вот не понимаю я таких вещей. Ясный пень, что Суарес обезьяна, а Ван Боммель жирный хряк. Но зачем об этом постоянно напоминать? В общем, когда из пещер в скале полезли эти твари – пандорианские мантикоры, мы почти обрадовались. Твари похожи на тех, что у лестницы в скале вырезаны. Не знаю, может это местный вид. Эндемичный, так сказать. Но надпись «Без ГМО» я бы на них точно не прилепил. Те еще уродцы. Прут и прут, как зомбяк в заварушке на Эмбере. Пришлось буквально размазать их по камню. За нами не заржавело, размазали.

Смотрю, ребята повеселили, подобались малёх. Вот только так их в тонусе держать и можно. Обычная муштра таких уже не берёт. Элита, мать её. Десантники. Глянул на них и думаю, вот через пару часов всё закончится, а торчать нам на этой Пандоре еще неделю, как на грёбаном курорте. Мактавиш, Петренко и Брофловски забухают на троих. Красавчик Суарес вопреки всем инструкциям за местными юбками гоняться будет, а Ван Боммель хуже всего – расползётся, как та жаба на пеньке, и будет целыми днями трындеть, Суареса доставать... Но дело свое жирдяй знает. Как и любой в отряде. Ничто не могло остановить нас. Нет в Галактике того камня, об который сломалась бы наша коса. И уж точно не об эту скалу царька-экзота.

Ничто не могло остановить нас, кроме людской глупости. По официальной версии, когда Дагон ибн Дагон понял, что это конец, то приказал уничтожить все запасы пандорита, из-за которого началась вся заварушка. Наше командование, узнав, что пандорит уничтожат, напустило в штаны и приказало немедленно брать скалу штурмом. Нам – прорваться хотя бы на первую террасу. Любой ценой.

Вот теперь стало не до шуток. Понятное дело, огневая подготовка была. Эту скалу вообще в пыль растереть не вопрос, но там же – пандорит! Как бы то ни было, до первой террасы мы почти добрались. Ребята сражались как львы, а каменные львы равнодушно взирали на наши подвиги из своих ниш. Где непосредственно выход с подъёма на террасу, мы попали под шквальный огонь из уцелевшего блиндажа. Прорваться в том месте можно только лобовой атакой, но буквально нельзя было поднять головы. Нас прикрывали сверху, с тыла враг не зайдёт, но задача то была – прорыв наверх... Ван Боммеля ранили. Я приказал ему отойти и ждать, пока подберут свои, но у жирдяя проснулась профессиональная гордость. Остался с нами. А толку с него? Огонь врага стал перед нами непроходимой стеной.

Я приказывал согласно уставу, потом орал на них благим матом. Я кричал, что если они останутся лежать, то загорят, как та местная шалава Соломониэль, и что потом их также вздрючат, потому что они не бойцы, а бабы.

Элита... одно дело сражаться под практически стопроцентным прикрытием. Когда ты на коне, а враг – мясо. И другое – встать под огнём, подчиняясь глупому приказу, зная, что скорее всего погибнешь. Многие из наших врагов на разных планетах, то самое пресловутое «мясо», сражались и умирали за свои грёбаные идеи. А за что должны были умереть мы тут?

Никто не встал. Я их понимал. Но у нас был приказ.

Активированный взрывной механизм жалобно запищал, отсчитывая секунды. Сначала никто даже не поднял голову. Лишь Ван Боммель хрюкнул в общий эфир «отсюда ты не

достанешь их, командир». Проворчав, чтоб он заткнулся, я ждал. Постепенно взоры моих залёгших орлов обратились в сторону этого звука. И тогда я кинул гранату. Назад. Поскольку мы лежали чуть выше, то оказались в прямой зоне её поражения.

Что еще сказать. Это была хорошая атака. Можно сказать, образцовая. Казалось, мы летели вверх по лестнице. Мы выполнили задачу – подавили огневую точку, проложив путь тем, кто пойдет за нами. И заплатив за это свою цену. Мактавиша сняли сразу. Потом осел на ступеньки здоровяк Брофловски – получив ту же порцию, что и Мактавиш, он сделал еще пару шагов. Затем покатился вниз Красавчик Суарес. Раненый Ван Боммель, которого вдобавок едва не накрыло вдогонку взрывом моей гранаты, дошёл до самого верха. Просто повезло. Умирая, он еще успел выдохнуть проклятие в мой адрес. Ну, это он не со зла, я не держу на него обиды. Уверен, что он на меня – тоже. Мы же профессионалы, мать его. Петренко с его звериным чутьём на опасность всегда везло. В этот раз везенья не хватило самую малость. Он умер молча. Из всего отряда на Пандоре выжил только я. За тот бой мне и дали Метеоритный Крест, – подвёл итог Хюпшман.

Все молчали, пока тишину не прервала чья-то приглушённая пивная отрыжка.

– Вы наверно ни разу не одевали его? – уважительно спросил кто-то из молодых.

– С какого бы хрена? Конечно одевал, – искренне удивился Хюпшман. – Ты хочешь сказать, я его не заслужил?!

Задавший вопрос кадет изменился в лице. К его облегчению, Хюпшман выжрал уже изрядно абсента и настроен был благодушно, не став заострять вопрос, а продолжив своё повествование.

– Мы задачу выполнили, и на остальное мне плевать, но по большому счёту всё оказалось зря. Запасы пандорита защитники успели уничтожить. Дагон ибн Дагон покончил с собой. А баба его, Соломониэль, жить хотела, аж из юбки выпрыгивала, и ударилась в бега. В итоге девку поймали за её божественный зад в джунглях, когда гоняли там, как мух полотенцем, недобитков-повстанцев. К тому времени оккупационная администрация уже отчаялась обнаружить пандорит. Мне то всё равно – мне его при любом раскладе не видать. Как и любому из вас, салаги. Мои парни полегли там для того, чтоб кто-то из верхушки снял сливки. Но речь не о том. У Соломониэль нашли кусок пандорита. Понятное дело – нелегко женщине расстаться с вечной молодостью. Она прятала его там, где только баба может спрятать. Как по мне, там ему было самое место. – смочив в очередной раз горло, Хюпшман продолжил. – Метеоритный крест мне вручал новоиспеченный король Пандоры. Король со всеми регалиями – вроде как уважение победителей к традициям и суверенитету свободной Пандоры. По сути – марионетка, понятное дело. Тут же стоят наши армейские чины – те, кто дёргают за веревочки. Король говорит мне – что может сделать для вас Пандора в благодарность за ваш подвиг? Смотрю я на этого болванчика – у того в глазах страх и ненависть к «освободителям». Он то думал, что я себе кусочек пандорита клянчить буду. А мне после того, где этот пандорит прятали, брезгливо как-то. Говорю ему – я всего лишь выполнял свой долг. Но раз такое дело, хотелось бы мне вашу экс-королеву, Соломониэль, попользовать чуток. – Хюпшман выдержал паузу, наслаждаясь оживлённой реакцией слушателей.

– Смотрю, у наших армейских чинов глаза округлились. Полкан наш только оценил ситуацию, ухмыльнулся... правда тут же сделал рожу кирпичом. Нормальный мужик, наверху такие редкость. Король же чуток позеленел. На Пандоре к монархии особый пиетет, а тут такое... отвечает, мол, этого я обещать не могу. Экс-королеву публично обезглавят за преступления против народа Пандоры. А попользовать ни до, ни после никак не получится – противоречит этическим нормам, так сказать.

Ладно, говорю, может это и к лучшему, вот слышал я, у Дагона ибн Дагона был платиновый унитаз. А есть у меня, так сказать, голубая мечта – справить малую нужду в платиновый унитаз. Тут все заулыбались натужно, вроде как остаётся всё в шутку перевести.

Король тоже улыбнулся, но совсем уж вяло – будто его на смертном одре пощекотали. Ответил, впрочем твёрдо – тоже не выйдет. Унитаз пустили на переплавку. Нужно поднимать разрушенную экономику планеты.

Я киваю понимающе, но с капелькой разочарования, дескать, два отказа не прошли бесследно. Пауза, король обреченно смотрит на меня в ожидании очередной солдафонской издёвки, наши едва ли не семафорят мне – хватит, мол. И тогда я попросил, чтобы меня бросили в яму с пандорианской мантикорой.

При этих словах Хюпшмана слушатели, только что хохотавшие на весь бар, с недоумением уставились на него. Тот продолжил, как ни в чём ни бывало.

– Из оружия чтобы дали только штык-нож. Дальше ничего интересного. Яма как яма, мантикора как мантикора. Пожелание это выполнили, подозреваю, не без содействия короля, больно я его достал предыдущими просьбами. Все, и я в том числе думали, что мне конец. А убить мантикору оказалось не так уж сложно – если отрубить ей хвост, тварь сходит с ума от боли и бессмысленно мечется по яме. Правда потрепать она меня успела изрядно, а потом еще кислота, которая у неё хлестала вместо крови, выжгла мне глаз. Но это мелочи... кое-как подлечили за армейский счёт, после чего без лишнего шума списали в запас. – Хюпшман явно скомкал концовку, показывая, что рассказ завершён. Повисла тишина.

– Хюпшман, какого хрена? – не выдержал наконец один из его приятелей. – Первые два желания понятно, поддел ты их чётко. Но какого хрена ты забыл в яме с мантикорой?!

Хюпшман, уже собиравшийся вставать, внезапно осунулся и уставился на дно стакана.

– Да я же рассказывал, что этот жирдяй, Ван Боммель, успел шепнуть мне пару тёплых слов перед смертью. Так и сказал: «чтоб тебя в яму к мантикоре сунули с одним лишь штык-ножом». Это же практически последнее желание умирающего. А их принято выполнять... вот и я тоже подумал: так какого хрена?

Об авторе

Родился в 1981 году в городе Усолье-Сибирское, близ Байкала. Через пару лет родители переехали в Севастополь – город, который когда-то оборонял дед Андрея, кубанский казак. Получил высшее образование по специальности «Финансы», окончив Московскую академию труда и социальных отношений. Проработал по специальности в банковской сфере более десяти лет. В 2014 году в Крыму последовали известные перемены. В свете изменившейся ситуации, и внутреннего стремления к новому, поменял сферу деятельности, устроившись корреспондентом в газету. В сфере журналистики работает по сей день. Писать начал 2011 году. В 2012 году – первая публикация. Неполный список публикаций: журналы «Москва», «Химия и жизнь» (Москва), «Ступени» (Москва), «Astra Nova» (Ганновер), «Эдита» (Санкт-Петербург), «Литературная газета» (Москва), сборник «Русский фантастический» (Санкт-Петербург) и другие. В 2013 году занял первое место литературной премии имени Куприна (Союз писателей Украины) за исторический рассказ. В 2016 году – первое место на конкурсе «Крымский рассвет» (Союз писателей России). Пробовал писать рассказы в разных жанрах, но в основном это научная фантастика и мистика.

Александр Юдин

Проект «Адам»

– Ископаемое! – с чувством воскликнул Виктор, наблюдая за очередной неудачной попыткой Адама получить свой обед. – Неудивительно, что ты вымер.

Адам обеими руками сдернул разноцветные кольца со стержня и, оскалившись, швырнул их в Виктора. Ударившись о прозрачную стену вольера, кольца беззвучно попадали на пол.

– Кажется, он обиделся, профессор, – заметила, невольно отпрянув, Ева – фигуристая двадцатипятилетняя блондинка.

– Нет, – заверил ассистентку профессор Виктор Агинский, – Адам не может нас сейчас слышать. Он нас даже не видит – я затемнил перегородку с его стороны.

– Да? А было такое впечатление, что он метил прямо вам в лоб.

– Это невозможно, – усмехнулся Виктор. – Жрать хочет, вот и психует. Только шалишь, приятель, обед придется заработать... или сидеть тебе сегодня на диете.

– А что Адам делает не так? – спросила Ева, с сочувствием наблюдая, как тот нервно меряет шагами вольер. – Мне показалось, что пирамидку он собрал правильно – сложил все кольца по размеру.

– Я сегодня усложнил тест, – пояснил Виктор: – он должен не просто нанизать кольца от большего к меньшему, но еще и подобрать их по цвету, в определенном порядке – красные к красным, зеленые к зеленым, и так далее...

– Откуда ж ему об этом знать?

– Ну, ты-то хоть не тормози, Ева, – возмутился профессор. – Разумеется, я сначала показал ему, что и как он должен сделать, чтобы получить свою пайку. Причем трижды показал. А он тупит! Это уже пятая его неудачная попытка.

– А... может он не разбирает цвета? Вдруг он дальтоник?

– Как бы ни так: его способности к цветовосприятию я давно проверил – цвета он различает не хуже нас с тобой. Просто ленится думать. Наверное, я слишком его избаловал... Ну, что ты топчешься, как бык в стойле! – снова вспылил профессор Агинский. – Головой работай, а не ногами. Ладно, показываю еще раз – последний.

Виктор сел за стол и включил компьютер. Внутри вольера, на стене, немедленно вспыхнул один из двух широких плазменных экранов. Ученый поставил перед собой точно такую же пирамидку, которую не удалось правильно собрать Адаму, стряхнул кольца со стержня на столешницу и принялся медленно, фиксируя каждое движение, нанизывать их обратно. Адам смотрел на экран набычившись, тем не менее, внимательно наблюдал за всеми манипуляциями профессора Агинского; когда тот закончил, Адам с явной неохотой, но все же подобрал разбросанные кольца и сложил пирамидку заново – на сей раз как надо.

– Bravo! – зааплодировал профессор. – Вот ведь можешь, когда захочешь. Получай заслуженную награду.

В вольере отворилось небольшое окошечко, из него выдвинулся поднос, на котором стояла пластиковая миска с густым фасолевым супом; в фасоли плавала кость с изрядным шматом мяса. Адам схватил миску обеими руками, поднес к самому носу и понюхал. Оставшись, по всей видимости, доволен запахом, он сначала вытащил из миски ложку, облизал её и отбросил прочь. Затем, запустив в суп короткопалую, поросшую рыжеватыми волосами пятерню, выложил мясную кость прямо на пол, и в три глотка выхлебал суп. Закончив с супом, Адам удовлетворенно рыгнул и, отшвырнув миску, принялся за мясо.

– Эх ты, свинота необразованная, – покачал головой Виктор, – приличным манерам, сколько не бьюсь, так и не научился.

– Не слишком ли много вы от него требуете, профессор? – заметила Ева, с сомнением глядя на скошенный лоб и массивные надбровные дуги Адама. – С его-то мозгом...

– А что не так с его мозгом? – уточнил Агинский с ноткой иронии в голосе.

– Ну, как... – растерялась ассистентка, – он же менее развит, чем наш... разве нет?

– Во всяком случае его мозг даже крупнее человеческого. А касаясь развитости, тоже не все однозначно. Лобные доли у палеоантропов или, как их чаще называют – неандертальцев действительно развиты слабее, нежели у нас, сапиенсов. Однако затылочные, напротив – гораздо сильнее. Как ты наверняка знаешь, лобные доли отвечают прежде всего за логико-аналитическое мышление, а затылочные – за символическое, основанное на ассоциативных связях зрительных образов.

– И что из этого следует?

– Следует, что человек разумный, можно сказать, социальнее неандертальца; в частности, мы с тобой значительно эффективнее способны подчинять свое поведение нуждам общества, коллектива – короче, слушать других и обуздывать темные, животные инстинкты. Понятно излагаю?

– Д-да, – неуверенно кивнула девушка, – но значит я все-таки права? Или нет?

– Зависит от расстановки приоритетов, – пожал плечами Виктор, – что считать важнейшим. Между прочим, если бы под всякими там телепатиями и магиями-шмагиями имелась реальная основа, то у неандертальцев эта составляющая присутствовала бы максимально.

– Как интересно! – оживилась Ева. – Значит, неандертальцы могли обладать экстра-сенсорными способностями?

– Я же говорю: если бы, – усмехнулся Агинский. – Но, увы! Все это совершенно ненаучно, а, следовательно, никак не соотносится с реальностью.

– Скажите, профессор...

– Будь добра, называй меня Виктором. А то я начинаю чувствовать себя Мафусаилом.

– Как можно! – округлила глаза Ева. – Вы же самый молодой из профессоров нашего Университета.

– Тем более.

– Хорошо. Скажите, Виктор... надеюсь, вы извините мою неосведомленность – все-таки, я совсем недавно в проекте – но как вам удалось обойти запрет на клонирование? Ведь наше законодательство в этой области такое суровое.

– О, мы нашли гениальное по своей простоте решение! Хочешь узнать какое?

– Конечно.

– Дело в том, что последние исследования нуклеотидных цепочек позволяют сделать однозначный вывод: генетические различия между современными людьми и неандертальцами слишком велики, чтобы относить их к единому биологическому виду существ. Об этом же свидетельствует и сравнительный анализ черепов неандертальцев и кроманьонцев. Улавливаешь?

– То есть неандертальцы – не наши предки?

– Разумеется, нет! Мы и они – два различных биологических вида, независимо произошедших, предположительно, от питекантропов. А скорее всего мы с ними вообще происходим от разных ветвей древних гоминидов. Когда наши прямые предки – кроманьонцы, около сорока тысячелетий назад проникли в Европу, неандертальцы обитали там давным-давно. После этого еще порядка десяти-двенадцати тысячелетий мы жили с ними, что называется, бок о бок. А затем неандертальцы неожиданно исчезли. Как и почему это случилось – тайна, покрытая мраком. Известно одно: в кострищах стоянок неандертальцев неоднократно находили обглоданные кости кроманьонцев. И наоборот. Но дело не в этом. А в том, какой из сказанного следует вывод.

– Какой же? – спросила девушка.

– Очевидный: палеоантропов нельзя считать людьми – в нашем понимании этого слова. Это был особый вид разумных существ. Особое, иное «человечество»!

– Исчезнувшее человечество, – задумчиво произнесла Ева, – звучит романтично. И загадочно.

– Не знаю как там насчет романтики, – хмыкнул профессор, – но все это позволило адвокатам нашего Университета убедительно доказать, что в данном случае – с юридической точки зрения – не может идти речи о клонировании человека. Так то!

– Почему же, если проект изначально легален, он до сих пор засекречен?

– Наш научно-исследовательский центр «Эдем» структурно входит в состав Йелоустонского Университета криптогенетики, но, в отличие от самого Университета, «Эдем» курирует Министерство обороны, а проект «Адам» вообще полностью финансируется по линии МО. Оттого и секретность.

– Но почему? – удивилась ассистентка. – Чем военных так заинтересовал ископаемый палеоантроп? Они что, собираются поставить клонирование неандертальцев на поток и делать из них этих... «универсальных солдат» каких-нибудь?

– Не знаю и не желаю знать, – отрезал ученый. – И тебе, Ева, не советую копать в этом направлении. Зачем? Благодаря деньгам «оборонщиков» мы получили исключительный шанс – реализовать уникальнейший, невиданный доселе эксперимент. Мы вернули к жизни представителя исчезнувшей цивилизации. Только вдумайся: мы с тобой корректируем эволюцию; фигурально выражаясь, правим ошибки Творца!

– Спасибо за ваше «мы», – скромно потупилась Ева, – но мой вклад в проект пока ничтожен.

– Теперь ты тоже член команды, – похлопал её по плечу Агинский.

– Поверьте, я это ценю.

– Ну, – резюмировал Виктор, решительно поднимаясь с кресла, – пожалуй, довольно на сегодня. Не будем перегружать нашего Адама. Между прочим, – заметил он, игриво взглянув на ассистентку, – какое знаковое совпадение: он Адам, а ты Ева. Не находишь? По-моему, это сулит плодотворное сотрудничество.

– Кавалер он, конечно, видный, – с готовностью поддержала шутку девушка. И добавила, окинув взглядом приземистую, но чрезвычайно широкую в плечах, и оттого казавшуюся квадратной, фигуру неандертальца. – Внушительный мужчина. Даже не верится, что ему всего три года. Сколько он весит?

– Восемьдесят пять. Только Адаму отнюдь не три года. Мы искусственно ускорили его взросление, так что сейчас его биологический возраст равен двенадцати годам. А неандертальцы созревали очень рано – как раз где-то годам к двенадцати – жизнь обязывала. Поэтому нашего Адама вполне можно считать взрослой особью. И обрати внимание, какие мышцы – точно корабельные канаты! А стати-то каковы?

– Кстати про стати, – хихикнула Ева, – вы не пробовали научить его носить одежду?

– А зачем? – пожал плечами Агинский. – В вольере тепло. Потом, так удобнее производить наблюдения... Все. Обучающую программу я Адаму включил – пускай себе смотрит, может, что в мозгу и оседет, хотя бы, хе-хе, в затылочных полушариях. А нам можно по домам... У тебя какие планы на сегодняшний вечер?

Аск ощутил уход зворгов, но вида не подал; он знал, зворги – эти извечные враги вен, неусыпно наблюдают за ним, следят дено и ночно. Аск затылком, всей кожей чувствовал их холодные, внимательные взгляды. То, что они пока сохранили ему жизнь, ничего не значит. Или не значит ничего хорошего. Наверняка, измышляют какую-нибудь жестокую пакость. Зворги всегда были мастера на подобные штуки. О! Он кое-что про них помнил. И с каждым днем все больше – память возвращалась к нему. Не только личная память Аска, но и память рода – та память, с которой каждый вен нарождался в этот суровый мир... Вот зворги, те не

имели родовой памяти. Оттого-то им приходилось изворачиваться, всякий раз чего-нибудь изобретая, чтобы передать молодым опыт старших. Ведь их детеныши выскальзывали из материнских утроб совсем бессмысленными, точно речные голыши. У венов не так... их тяжелые головы с рождения хранили воспоминания длинной, теряющейся где-то в непроглядной тьме Колодца Вре́мён, вереницы поколений. Поэтому сородичам Аска ни к чему были все эти новшества, что постоянно придумывали шустрые как белки зворги. Зачем? Предки давно изобрели все, что нужно – как добыть огонь из сухого дерева, как охотиться на зверя и птицу, как поступать с умершими родичами – и этих знаний у венов было не отнять никому, ведь они с ними рождались... В этом, да и во многом ином, вены превосходили суетливых, беспамятных зворгов; вены были сильнее, вены были мудрее... Да, зворги чуть быстрее бегали и значительно ловчее лопотали на своем зворгчьем наречии... трещали без умолку, точно сороки! Слова так и сыпались из их ртов, как горох из созревших стручков. Ну и что толку? Зато они совсем не владели Властью – подчиняющей властью слова. Их речи были пусты, также как головы их детенышей. Не потому ли (воспоминание медленно всплыло откуда-то с самого дна Колодца Вре́мён) предков Аска совсем не встревожило, когда зворги впервые проникли в исконные земли венов, боязливymi тенями появившись со стороны Восходящего Солнца? И даже когда те стали множиться, точно головастики в весенних лужах... и даже когда число их кочевий сравнялось с числом стойбищ венов... а потом – превзошло... даже тогда предки ничего не сделали, дабы уничтожить или хотя бы изгнать обратно не в меру расплодившихся пришельцев. Конечно, если кто-нибудь из зворгов неосторожно оказывался на пути вена, расправа была короткой, а участь наглеца – неизбежной. Поначалу сородичи Аска расценивали пришельцев с Восхода только как доступную, хотя и не самую вкусную еду, этакое пищевое подспорье в Тощие Вре́мена. Случалось – особенно в межсезонье, когда охота еще скудна – зворгов съедали целыми кочевьями. Но – странное дело! меньше тех не становилось...

Аск вспоминал и вспоминал, рассеянно глядя, как в одном из двух чудесных окон в стене его пещеры мельтешат, суетятся фигурки зворгов... Он знал – не раз уже проверял – что фигурки там не настоящие, не живые. Всего лишь одно из хитрых ухищрений зворгов. Вроде тех летающих копий, которыми... которыми, что? Аск прикрыл утомленные глаза и стал вспоминать дальше.

...Никто из венов даже не заметил того момента, когда пришельцев с Восхода расплодилось вокруг столько, что они сами отважились нападать на венов. И даже на их стойбища. Конечно, исподтишка, тайно, чаще – под покровом ночи. Ибо пуще Огня Небесного зворги боялись непонятной, цепенящей силы венского слова. Ведь стоило венскому вану взглянуть в глаза любому из зворгов и произнести Слова Власти, как тот мгновенно превращался в тупое нерассуждающее животное и покорно шел под разделочные камни венских женщин.

Время для венов текло незаметно: одни поколения уходили, погружаясь в сумрачные глубины Колодца, им на смену вырастали новые, мало чем отличные от прежних... И вот однажды кто-то наиболее сообразительный из зворгов догадался, что не все вены, а один только венский ван в полной мере владеет Словами Власти. С тех пор зворги стремились при любой возможности убивать их ванов – прежде всего ванов. А венское стойбище без вана, что камышовая глухатка без головы – еще мечется, крыльями хлопает, но от охотника ей уже не улететь. Новому вану заветную Власть мог передать лишь ван старый: если же он погибал, не успев совершить Обряда, у осиротевших родовичей был только один путь к спасению – как можно скорее присоединиться к другому венскому роду... Но вены никогда не ставили стойбищ близко одно к другому – каждому роду нужны собственные охотничьи угодья; да и непотребных межродовых связей должно опасаться. И лишнее вана стойбище почти неизбежно становилось добычей жадных до венского мяса зворгов. Так вены и зворги поменялись местами...

Аск открыл глаза: в чудесном окне он увидел огромное, похожее на каменный муравейник, жилище зворгов. Ему уже показывали подобные жилища раньше; ему вообще многое показывали, и он знал теперь про зворгов немало... Вдруг «муравейник» резко отдалился, Аск словно бы взлетел и с огромной высоты смог целиком рассмотреть всё зворгское кочевье, скорее даже стойбище... Сколько же их наплодилось за это время! Такого никому из венов и в страшном сне не могло привидеться. Ужас... Ужас... Он вновь закрыл глаза, прячась в воспоминаниях.

...Однако всё равно зворгам никогда бы не одолеть венов. Несмотря на муравьиные плодовитость и упорство, и все эти их хитроумные приспособления. Нет, нипочем не одолеть... если бы не Пузырчатая Смерть. Никто не знал, откуда она пришла. Никто не знал, как ей противостоять. Даже ваны. Память рода тоже молчала... Аск подозревал кое-что. Но поделаться ничего не мог. Он давно заметил, что всякий раз после праздника Поглощения предков Пузырчатая Смерть с новой силой начинала свой победный пляс. Уж не проникала ли она в животы венов вместе с плотью мертвого сородича? Может и так, только... только нельзя же, в самом деле, вот так просто отменить одну из семи Извечных Традиций – праздник Поглощения?! Предложить венам оставить умершего родовича несъеденным, это все одно, что... предложить им съесть новорожденного! Страшное кощунство! Совершенно невысказано!

Под тяжестью все новых и новых пластов пробуждающейся памяти он утомился и даже не заметил, как уснул.

Очнувшись ото сна, Аск увидел, что волшебное окно потухло, а передняя стена пещеры, в которой его держали зворги, вновь сделалась прозрачной, как вода. За стеной стояла и молча смотрела на него молодая самка зворга – судя по всему та самая, что приходила вчера.

Аск поднялся с пола и подошел к прозрачной стене вплотную, чтобы получше рассмотреть зворгиню. Самка растянула губы, наверное давая понять, что тоже его видит. Аск внимательно оглядел её с головы до пят. Что ж... конечно, ей далеко до венских женщин, но на случай крайней нужды... Он припомнил, что венам доводилось забирать зворгских самок – для продолжения рода те вполне годились.

Вдруг зворгиня опустила взгляд, и глаза у нее округлились, точно при виде атакующей кобры; она ахнула и поспешно ушла. Аск недоуменно мотнул головой и вернулся обратно вглубь своей пещеры.

Воспоминания... воспоминания... словно волны прибоя, накатывают они одна за одной на песок его памяти... С того времени, как Аск осознал себя самим собой, йотунги – так звали его родовичей – под напором теснивших их зворгов что ни лето откочевывали все дальше и дальше – в сторону Заходящего Солнца. А когда он вступил в пору мужества, йотунги вышли к Крайнему Окоему. За Окоемом земли не было – только соленое море. Хотя, нет – в особенно погожие дни, если забраться на скальную вершину, там, за морем, можно было разглядеть туманные очертания каких-то гор. Но добраться до них могли разве что птицы...

Однажды – уже перед самым концом – ван их рода сказал, что с тех пор, как прошлым летом замолчал Хак из соседского стойбища, он больше не говорит ни с одним из венов. И значит йотунги последние вены на земле. Родовичи не поверили своему вану. Они решили, что он оглох от старости. Тогда старый ван сам предложил передать Власть преемнику, которого назовут ему йотунги. Так Аск стал новым ваном йотунгов... Но и он, сколько ни звал, не смог услышать в своей голове голосов других венов... А потом, на самом излете Тощего Сезона, к ним вновь пришла Пузырчатая Смерть. И забрала треть взрослых мужчин рода.

Следом за Пузырчатой Смертью, точно гиены на запах падали, пришли зворги.

Их воины окружили стойбище, завывая и воинственно приплясывая, но близко, для честной схватки, подойти не решались. Хотя их было вдесятеро против йотунгов, считая

даже женщин. Вместо этого они принялись издали забрасывать венов мелкими летающими копьями. Уже наученные прошлым опытом, зворги тщательно отводили глаза, чтобы не встречаться взглядами ни с кем из йотунгов. А зворгский вождь и вовсе трусливо спрятал лицо под куском выделанной кожи.

Братья Хук и Ром, размахивая боевыми палицами, бросились было на пришельцев, но не добыв ни единого зворга, рухнули, с головы до ног утыканные их оперенными копьями.

Тогда Аск велел родовичам укрыться в спальной пещере. Расчет его был таким: когда зворги поднимутся по склону, и по одному, много – по двое ползут в тесный пещерный зев, он станет ловить их взгляды, встречая «гостей» Словами Власти. И так обратит охотников в добычу.

Но хитрые зворги не думали лезть в пещеру. Они расположились у невысокого подножья горы, прямо напротив входа, и стали терпеливо ждать...

Когда вслед за мясом у венов иссякла вода, Аск решился. Выбрав подходящий момент – зворги как раз были заняты дележкой раковин – он шагнул из пещерной тьмы на свет и, собрав взгляды как можно большего числа врагов, поднявших к нему испуганные лица, запел Слова Власти. «Бегом воды, грузом земли и пляской огня...», – успел произнести Аск, когда первое летающее копьё вонзилось ему в самое основание шеи. Он с рычанием вырвал короткое оперенное древко и, захлебываясь кровью, попытался допеть Слова. Но еще три или больше зворгских копий ударили его в грудь, живот и голову; в глазах у Аска потемнело, и дальше он уже не помнил ничего...

Ева почти вбежала в кабинет Агинского, но увидев профессора, смешалась, не зная с чего начать.

– Здравствуй, Ева, – поприветствовал её профессор. – У тебя сегодня взволнованный вид. Что-то случилось?

– Здравствуйте, про... Виктор. Н-нет, ничего... Знаете, я зашла сейчас проведать нашего Адама, и...

– И как он? Не хандрит?

– Не похоже, чтобы хандрил... Скажите, Виктор, вот вы вчера объясняли, что люди и неандертальцы принадлежат к двум разным видам, так?

– Верно, – кивнул Виктор.

– Но раз виды разные, то возможность скрещивания между ними исключалась. А значит, не возникало, не могло возникнуть и... межвидового влечения. Я права? Ну, к примеру, орангутанг не станет же домогаться самки шимпанзе.

– О, ты задала интересный вопрос, – обрадовался ученый. – Очень интересный! Я как раз недавно завершил одно исследование, и тебе наверняка будет любопытно послушать. Садись.

– Ну так вот, – продолжил Агинский, – тебе, как будущему криптобиологу, должно быть известно, что по общему правилу между генофондами разных видов не может быть генетического обмена.

– Об этом я и говорю, – согласилась ассистентка.

– Но из каждого правила имеются исключения. Так львы и тигры, например, могут иметь гибридное потомство: от связи льва с тигрицей рождается лигр, а если наоборот, то есть от тигра и львицы, тогда – тигран. Однако мои исследования показали, что геном неандертальца обладал столь могучей доминирующей силой, что если подобные межвидовые связи и имели место, гибридизации не происходило. То есть от сожительства неандертальцев и кроманьонцев могли рождаться только неандертальцы. И уж во всяком случае, когда самцом выступал неандерталец.

– Почему же тогда они нас не ассимилировали? – удивилась Ева. – За десять-то тысяч лет.

– Загадка, – согласился Виктор. – Возможно, дело как раз в пресловутых лобных долях? Но тут напрашивается другой вывод: поскольку в результате выжил наш вид – вид гомо сапиенсов, и при этом наши предки никоим образом не могли ассимилировать неандертальцев, значит, последние подверглись тотальному истреблению.

– Ой! Прямо геноцид какой-то.

– Ну-ну, – усмехнулся Агинский, – геноцид, растянутый на десять тысячелетий, правильнее именовать вытеснением одного вида другим. Гораздо большей загадкой тут для меня представляется вот что: каким образом палеоантропам удалось продержаться так долго, удивительно долго – аж целых десять тысяч лет? Наверняка, конкурентная борьба между нашими видами была нешуточной, жестокой... м-да... сильно подозреваю, что неандертальцы владели неким секретом выживания. Увы, разгадать его мне пока не удастся... И еще: если они сумели на протяжении столь длительного временного периода успешно конкурировать с кроманьонцами, почему же тогда они все-таки вымерли? Причем, в палеоисторическом смысле, довольно быстро, почти мгновенно... Сам я склоняюсь к мысли, что непосредственной причиной их исчезновения с планеты могла послужить какая-нибудь болезнь, нечто вроде «коровьего бешенства», вызывающего губчатое поражение мозга. Неандертальцы, впрочем, как и наши предки кроманьонцы, были каннибалами, сейчас это уже точно установлено. Однако согласно последним археологическим исследованиям, палеоантропы имели привычку пожирать не только врагов, но и собственных сородичей. А это обстоятельство способно сделать фатальной любую эпидемию... Вот так-то вот... Из этого, помимо всего прочего, следует, что в основании многих наших этических табу лежит не мораль и не нравственность, а инстинктивное стремление к выживанию вида. Каннибализм опасен для племени, а потому аморален. Или взять, к примеру, инцест... Однако что-то я отвлекся. Ты ведь не за этим пришла. Кстати, Ева, а почему тебя вдруг заинтересовала проблема межвидового скрещивания?

– Дело в том, что, увидев меня сегодня, Адам возбудился...

– То есть? Повел себя чересчур возбужденно?

– Н-нет, – смущенно уточнила девушка, – при виде меня у него произошла эрекция.

– Любопы-ытно, – протянул ученый. – Что ж, пойдем, взглянем на твоего ископаемого кавалера.

Когда они зашли в лабораторию, неандерталец сидел в глубине своего вольера и флегматично перебирал развивающиеся пластиковые фигуры, набросанные перед ним кучей. На профессора и ассистентку он даже не взглянул. Ева не впервые обратила внимание, сколь все-таки внешний облик Аска рознится от человеческого: массивный, далеко выступающий нос с горбинкой, вкуче со скошенными лбом и подбородком, придавали ему явное сходство с птицей семейства грифовых.

– Ты зачем, шалопай этакий, Еву напугал? – шутливо напустился на него Виктор, обращаясь, скорее, к ассистентке, нежели к клону. – Девушка еще замужем не была, а ты... Что, скучно тебе? Руки не к чему приложить? Так я тебе сейчас обеспечу объем работ.

Адам поднял голову и, коротко взглянув на Агинского, произнес:

– Хеди х-хеперр... фр-р-рид.

– Ва-ау!! – воскликнул Виктор. – Невероятно! Адам заговорил!! Да еще на неизвестном наречии! Ева, ты тоже слышала это, да?! Однако, стоп...

Профессор вдруг умолк, растерянно хлопая глазами.

– Я тоже слышала... – подтвердила ассистентка.

– Постой, постой, – поднял руку ученый, – ... но такого не может быть!

– Почему?

– Такое просто невозможно...

– Но почему же? – переспросила Ева.

– Да потому, что он клон! – раздраженно пояснил Агинский. – Адам новорожденный в нашем мире. Я создал его, добыв генетический материал из того небольшого, что сохранилось от некоего палеоантропа, останки которого были тринадцать лет тому назад найдены в Испании, при пещерных раскопках в районе Гибралтара. И тот палеоантроп двадцать восемь тысяч лет как умер. Понимаешь? Я лишь использовал генетический материал, полученный из его костей. То есть я создал, а не воссоздал Адама, воображаешь? У него не может быть памяти о чем-либо, предшествующем моменту создания! Разве не ясно? Он никогда не знал никого из своих соплеменников-неандертальцев, а, следовательно, не может владеть неандертальским языком, даже если таковой и существовал...

– Я поняла, – прошептала девушка.

– Гм... Впрочем, возможно это лишь имитация речи... так сказать, «младенческая» попытка...

– Знаете, Виктор, – взволнованно перебила его Ева, – может, я излишне впечатлительна, но...

– Что, «но»?

– Мне кажется, я поняла, что он только что сказал... – почти жалобно пробормотала девушка.

– ...Нет, впечатлительность здесь не причем, – после минутной паузы задумчиво произнес ученый. – У меня тоже возникло странное сходное чувство... чувство понимания. Но я списал это на свой хронический недосып... А что он, по-твоему, произнес?

– «Мне нужна женщина».

– Поразительно! – вновь воскликнул Агинский, – я воспринял его слова таким же образом... Что же из этого следует? – спросил он. И сам же ответил: – А следует вот что: мы имеем дело с существом, обладающим генетической памятью, во всяком случае – языковой. Это раз. И наделенным телепатическими способностями – это два... Но тогда... тогда Адам вполне способен к общению, причем с кем угодно – мыслям языковой барьер не страшен, и перевод не нужен.

Виктор подошел вплотную к прозрачному барьеру и, привлекая внимание клона, похлопал по стеклу ладонями.

– Ответь мне, Адам, – тщательно артикулируя слова, спросил ученый, – ты нас понимаешь?

– Н-н-надам... ы... на... аск! – ответил тот.

– Он говорит, что его зовут не Адам, его имя Аск, – прокомментировала ассистентка.

– Да-да... я понял его аналогично. Пойдем, – вдруг заявил ученый, схватив ассистентку под руку и увлекая прочь из лаборатории, – вернемся в кабинет. Мне надо срочно проанализировать ситуацию! Пока голова не лопнула...

В кабинете профессор принялся торопливо расхаживать взад-вперед, потирать руки, жестикулировать; при этом он что-то бормотал под нос, словно споря с незримыми оппонентами. Ева наблюдала за ним молча, боясь нарушить мыслительный процесс шефа. Наконец Виктор Агинский остановился и, скрестив на груди руки, вперила пылающий взор в девушку.

– Ну вот что, – резюмировал он. – Теперь, когда мой эксперимент принес настолько ощутимый результат... Впрочем, к чему скромничать? Не просто ощутимый, а поразительный и неожиданный, даже для меня самого! Так вот – я буду настаивать на немедленном раскритеривании проекта «Адам». В самом деле, сколько ещё хранить в тайне столь эпохальное открытие? И так уже три года прошло с начала эксперимента... И я уверен, что получу разрешение на обнародование достигнутых результатов! Не ограничиваясь научной средой... Народ – все народы земли – должны знать... своих героев!

– Эх, и наведем же мы с тобой шороху, Ева! – воодушевленно продолжил ученый. – Всем нос утрем. И злопыхателям из нашего Университета – тоже. Теперь никто не посмеет

шептать по углам, что я впустую трачу деньги налогоплательщиков. Да, да! Так говорят. Не все, но некоторые говорят. Дескать, Агинский произвел на свет бесполезного монстра, который даже на органы не годится. Думаешь, не знаю, как меня здесь именуют за глаза? Знаю! «Доктор Франкенштейн», вот как. Но теперь – баста... Кончилось ваше время, господа старпёры, – посулил он, победно улыбаясь. – Критиканы малоумные! Да разве возможно священный процесс Познания загонять в тесные рамки пользы, целесообразности? А куда деть извечное стремление человечества к Истине?

– Знаешь, Ева, что мы с тобой сделаем? – после некоторого раздумья заявил профессор. – Мы организуем пресс-конференцию. Да, да! Причем с участием Адама... то есть, Аска. Виртуальную, разумеется. Но в онлайн-режиме. Надо сегодня же оповестить об этом ведущие средства массовой информации. Так мы навернякаотрежем и нашему «эдемскому» и всему университетскому руководству пути к отступлению. Скажешь, рискованно? Согласен. Но, как говорится, кто не рискует... Главное, наш питомец способен к общению! Он будет понятен аудитории... любой, самой широкой – независимо от национального состава. Его смогут понять все! Понимаешь? Абсолютно все! Люди любой национальности! Граждане всех государств! Представляешь, Ева! Уф-ф... этак и Нобелевскую премию можно схлопотать.

– Не меньше, – согласилась девушка.

Накануне онлайн-конференции Виктор от волнения так и не смог уснуть. Да и как было не волноваться? По самым сдержанным подсчетам статистиков её должны увидеть что-то около четырех миллиардов зрителей – почти всё взрослое население Земли.

Но когда назначенный час пробил, он неожиданно для себя совершенно успокоился. В самом деле, решил ученый, ему ли мандражировать? Ему – творцу, создателю новой формы разумной жизни! Пускай трепещут обыватели. Священный трепет – удел профанов.

Во вступительной речи Агинский обстоятельно, но в доступных терминах поведал о состоявшемся уникальном эксперименте, об его содержании и открывающихся теперь перед наукой невиданных, поистине фантастических перспективах; о неопределимом гуманитарном значении свершившегося события для всего человечества...

– Итак, дамы и господа, – произнес Виктор, завершая выступление, – позвольте представить вам, так сказать, плод моих многолетних трудов. Пред вами Аск, он – неандерталец... Слово Аску!

Мерцающие холодным огнем зрачки камер синхронно обратились на Аска. Лучи софитов выхватили из мрака его кряжистую, будто вырезанную из древесного корня фигуру; неслышимое в студии многомиллиардногосое «а-а-ах!» прокатилось по планете.

Аск не видел ни лиц, ни глаз, но отчетливо чувствовал взгляды неисчислимого множества зворгов – пристальные, выжидательные, напряженные; он собрал их на себя все и, широко раскинув узловатые ручищи, словно приглашая давнишних врагов в братские объятия, произнес недоговоренные когда-то Слова Власти:

– Бегом воды, грузом земли и пляской огня заклинаю: ваши кости – хворост для венских костров; ваша плоть – пища для наших животов. Зворги, найдите свое место!

Об авторе

Родился в 1965 году. Москвич. Окончил юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Много лет работал в органах прокуратуры, в настоящее время руководит юридической службой одной из частных компаний в Москве. Публиковался в журналах «Север», «Полдень XXI век», «Юность», «Знание-сила: Фантастика», «Наука и жизнь», «Искатель», «Мир Искателя», «Наука и религия», «Тайны и загадки», «Ступени», «Хулиган», «Шалтай-Болтай», «Космопорт» (Минск), «Я» (США), «Edita» (ФРГ), и др., а также в сборни-

ках «Настоящая фантастика-2010», «Настоящая фантастика-2011 («Эксмо»), «Самая страшная книга-2014 («АСТ»), и др. Автор романов «Пасынки бога» («Эксмо», 2009 г.) и «Золотой лингам» («Вече», 2012 г., в соавторстве с С. Юдиным)

Космос

Алексей Семяшкин

И только высоко у царских врат

Сэйдон проснулся мгновенно. Весь в поту.

– Нет! Нет! Нет! – вырвалось из пересохшей глотки.

Он выпучил глаза как рыба, только что выловленная из морской пучины. Ошалело огляделся. Попробовал привстать. Ноги как будто набиты ватой. Сердце бешено колотится. Непередаваемое чувство страха пронзало все его естество. Лишь через некоторое время он пришел в себя. Немного успокоился.

– Сон?

Сэйдон поднялся с инкрустированной слоновой костью кровати. Снова огляделся. Дом. Его дом.

– Макс! Фрида! – голос был чуть охрипший, но в нем явственно чувствовалось умение повелевать.

Тишина.

– Есть хоть кто-нибудь? – звук эхом прокатился по изысканной спальне.

Тишина. Абсолютная тишина. Сердце вновь стало набирать обороты. Дыхание участилось.

Сэйдон окинул взглядом стены. Великолепные полотна Рубенса, Веласкеса, Рембрандта на своих местах. Подсвечиваемые мягким волнующим светом, они выглядели еще совершеннее.

Огромная хрустальная люстра играла всеми цветами, преломляя направленные лучи больших неоновых ламп. Все как всегда. Но...

– Что-то я не в себе. Как будто провал. Не помню... – нечленораздельно бурча себе под нос, Сэйдон сделал несколько шагов.

Взгляд остановился на небольшом полированном столике работы известного венецианского мастера. По матовой поверхности столешницы были разбросаны какие-то желтые капсулы. Сэйдон подошел. Взял одну. Непроизвольно сунул в рот. Затем сплюнул.

– Что за...

Припухшие, часто моргающие глаза всмотрелись в высокий ворс дорогого персидского ковра. В его глубине, смятая в бесформенный комок, валялась упаковка от обнаруженного препарата.

– Мемотерабарин!? На кой мне глотать мемотерабарин? – думать было тяжело, но Сэйдон постарался сосредоточиться.

– Так! Предназначен для... временного отключения нервной системы и памяти... в период травмирующих психику переживаний, стрессов, страхов... Страхов? Каких страхов?!

Он – Ник Сэйдон. Один из богатейших людей планеты! Кого ему бояться? Он никогда никого и ничего не боялся!

– Макс!!! – Сэйдон напряг до предела связки.

Куда все подевались? Он платит охране такие деньги, что иногда сам завидует их доходам! И что толку?

Сэйдон с трудом пересчитал все капсулы. Трех не хватало.

– Я принял три штуки? Да этого хватит, чтобы вообще все отключить! Как я еще сообщать могу?

Он сделал несколько шагов по направлению к залу. Остановился. Странное чувство. Он как будто стал легче. Идти было легко. Очень легко.

– Что со мной, нахрен, происходит? – в голосе вновь послышались нотки тревоги.

Что-то не так. Нет! Все не так!

– Кто-нибудь!!! Эй!!! – завопил снова Сэйдон.

Тишина. Он почувствовал, что весь дрожит.

– Надо вспомнить! Надо вспомнить! Нет! Я ничего не помню! Ничего! Поганые капсулы!

– Макс!!!

Капля пота упала в густой ворс.

Сэйдон вырвался в зал. Все так же. Ничего не изменилось. Большой электрический камин излучал тепло. Визуальные эффекты создавали иллюзию танцующего пламени. Сэйдон уставился на огонь. Глубоко вздохнул. Еще. Еще. Дыхание сбивалось.

Он взял пульт. Плюхнулся на диван. Щелкнул клавишу. Огромный плазменный экран зажегся. Сэйдон пробежался по кнопкам. Безрезультатно. Рябь заполняла всю поверхность. Из динамиков слышалось лишь потрескивание.

– Да что же такое случилось? – он отшвырнул пульт, сжал голову обеими руками. – Ну! Вспоминай! Вспоминай!

Снова попытался глубоко вдохнуть. Лег лицом вниз. Полежал немного. Резко вскочил.

– Надо освежиться. Принять холодный душ. Разум прояснится. Действие этой дряни ослабнет. Ну, где же все? Эй!!!

Он чуть не споткнулся о шкуру белого медведя, что лежала в ванной.

– Чтоб тебя! – Сэйдон яростно пнул по оскаленной морде.

Дрожащие руки нервно крутанули изящную ручку смесителя. Вода полилась тонкой струйкой. Сэйдон вяло потряс шланг с душевой лейкой.

– Ну, что ещё за экономия? Что ж такое-то, а?

Он вздохнул и медленно поднял взгляд. Зрачки его глаз расширились от увиденного. Сэйдон отпрянул назад и инстинктивно сжался. В зеркале на него глядел кто-то чужой. Волосы белые как снег. Лицо осунулось, бледное, неживое. Лицо мертвеца...

Сэйдон завопил. Дом, казалось, затрясся от этого душераздирающего вопля.

– Что случилось? Кто-нибудь! Помогите!!!

Паника сводила с ума. Мысли забегали, как в густом тумане, натываясь друг на друга, но через несколько мгновений снова стали медленными, неповоротливыми. Препарат не позволил разуму пробиться к клеткам памяти. Но один импульс проскочил...

«Двери...», – промелькнуло где-то в голове.

Он выбежал из ванной. Помчался к дверям.

– Вон! Вон из этого дома! Наружу!

Схватил ручку. Рванул изо всех сил. Заперто! Сэйдон рванул еще. Ударил кулаком.

– Помогите!!! Эй!!! – голос охрип.

Сэйдон начал барабанить ногами. Запустил в дверь резной табурет, затем еще один. Замер.

– Я схожу с ума! Что происходит? Я – Ник Сэйдон! Выпустите меня!!!

Тишина. Из-за двери не доносилось ни звука. Ни звонких голосов, ни шороха шин, ни привычного воя сирен.

Сэйдон подошел к столу, с легкостью оторвал его от пола и швырнул в дверь. Стол отлетел от массивной поверхности, сбил кадку с пальмой, заскользил по паркету и замер в углу со сломанной ножкой.

Сэйдон постоял в замешательстве, удивляясь собственной силе.

– Я точно схожу с ума! Может еще капсулу мемомотерабарина? Успокойтесь. Прийти в себя. Вспомнить... Нет, с этим зельем я окончательно свихнусь! Надо просто выпить. Старого, проверенного Кювье 2197 года. Ну, конечно!

Сэйдон подошел к бару, достал бутылку, откупорил, отхлебнул из горла. Сел. Закрыв глаза. Снова глубоко вздохнул.

– Итак, я – Ник Сэйдон. Триллионер. Владелец трети всех полей рапса на Земле. Мои плантации протянулись на тысячи миль. Тысячи! Без него сейчас никуда! Кто бы мог подумать, что этот сорняк станет источником энергии? Мой биодизель положил на лопатки всю нефтяную промышленность континента! Еще у меня несколько заводов в Новом Детройте, компания по перевозке сложных грузов, сеть мегоотелей, флот... Да! У меня свой флот! Три огромных фрегата класса «Эпсил». Для дальних линий. Лучших фрегатов для дальних линий! Что еще? Я купил Ханеон! Да! Целую план... Я владелец Ханеона! Чтоб вам всем! Так! Дальше! Мои хобби: охота, коллекционирование древних вещей, искусство... Женщины... Эпатаж... Что я опять учудил? Женщины...

– Фрида!!! – крик оборвался резко.

Сэйдон опомнился, сунул руку в карман. Коммуникатор! Его не было. Он ведь всегда носил его с собой. Всегда!

Только сейчас Сэйдон заметил, что одет не как обычно. Его строгий дорогой костюм висел на спинке кресла. На Сэйдоне же было что-то несуразное, излишне эластичное, грязного серого цвета. Он недоуменно оглядел себя.

– Я что, занялся подводным плаванием? Но ближайший водоем – это мой бассейн во дворе. Какого я так вырядился?

Он подошел к пиджаку. Достал коммуникатор. Коснулся сенсоров. В трубке тишина. Он вне сети. Сэйдон отшвырнул бесполезный девайс.

Страх медленно, но упорно стал снова заволакивать его сознание.

– Так! Надо успокоиться и подумать. Кто-то запер меня в моем доме! Отрубил связь. Сильно испугал. Очень сильно! – Сэйдон вспомнил про белые волосы. – Зачем? Кто? У меня нет таких могущественных врагов! Мне вообще нет равных на Земле! Где охрана? Где прислуга? Где все?

Мысли вновь стали лихорадочно бегать по кругу. Сэйдон повернул голову к окну. Вскочил. Одним прыжком оказался у подоконника. Откинул тяжелые гардины. Посмотрел сквозь стекла. Снаружи темнота. Окна оказались плотно замурованы чем-то, напоминающим металл. Или пластик? Нет, какой-то металл! Бить стекла бесполезно! Ладно. Остается дверь. Ее надо открыть! Во что бы то ни стало открыть!

Сэйдон направился к дверям. Остановился. Подумал. Зашел в спальню. Поднял упаковку с инструкцией по применению препарата. Пробежал глазами по строчкам.

– Так. Время действия двадцать четыре часа! Сколько же я проспал? Ладно, пусть часов двадцать! Часа три уже на ногах. Через час память включится, мозг заработает. И все! И пусть все будет чьей-то ужасной шуткой!

Внезапно Сэйдон почувствовал сильную боль в затылке. Сомкнул зубы, чтобы не закричать. Действие мемомотерабарина подходило к концу. Память начала возвращаться, но забитая болью, подавалась в мозг небольшими, разрозненными порциями.

Снова накатила волна необъяснимого страха. Липкий, проникающий в каждую нервную клетку, он принялся обволакивать все чувства, смешиваться с ними.

Затем внезапными вспышками стали просачиваться воспоминания. Первое. Магнитный ключ выпадает из руки. Из его руки! Он запер двери изнутри! Он!

Ритм сердца стал учащаться. Сэйдон рванул к двери. Точно! Магнитный ключ лежал на полу, слева от порога. И как он его не заметил!

Сэйдон поднял ключ. Рука потянулась к щели электронного замка. Замерла. В чем дело? Страх начал нарастать.

– Ну! Ты же хотел вырваться отсюда, Сэйдон! Открыть эту хренову дверь! Выйти. Разобраться со всем этим безумием! Давай! Открывай!

«Что-то не так! Дверь. Зачем он запер ее? Зачем он принял лошадиную дозу этой седативной хрени? Что так испугало его? Открыть! Узнать все! Вспомнить! Нет! Стой! Что там за дверью?»

Метания начали сводить Сэйдона с ума. Он чувствовал, что разум вот-вот прорвется через блокировку мемомтерабарина. Огромным усилием воли Сэйдон заставил себя провести ключом по замку. Послышался электронный писк. Замок открылся. Сэйдон взялся обеими руками за широкую резную ручку и потянул на себя...

В то же мгновение, как Сэйдон увидел то, что оказалось за дверью, его разум проснулся. Он вспомнил все.

– Мистер Сэйдон! Простите, но это безумие! Мы не выдержим подобной нагрузки! Наши расчеты...

– Мне плевать на ваши расчеты, капитан! Делайте, что вам велят! Роботы – погрузчики уже приступили к работе. Они проектировались специально для этого проекта. Слышите? Вы представляете, какие это вложения? Ваша задача...

Новая вспышка воспоминаний:

– Видишь ли, Стенли, я не привык изменять своим привычкам и хочу, чтобы на Хане-оне все было привычным для меня. Все! Ты понимаешь? А эта тахионная гермооболочка просто шедевр научной мысли! Даже электрон не проскочит, когда на полную! Облицовка из итальянского модифицированного мрамора не терпит сколов и царапин. Ты же знаешь, как трепетно я к этому отношусь...

– О да. Но это! Подобного еще не было! Это просто невообразимо! Масштаб твоей идеи... Но я слышал, что расчеты...

– Довольно! Давай лучше выпьем на прощанье...

И снова память оживила еще одну частичку прошлого:

– Ну, Ник! Почему ты не можешь взять меня с собой? Эти полгода я не вынесу без тебя!

– Фрида! Дорогая! Эти шесть месяцев пролетят для тебя как один день. Я позаботился. Вот! Это билеты на Гоа. Там лучшие в мире пляжи. Ты оценишь! К тому же туда приглашена Элеонора, она составит тебе отличную компанию. И конечно, я буду звонить...

Снова, как наяву:

– Босс! Вы уверены, что мне и моим парням надо остаться? Кто знает, что может случиться?

– Все нормально, Макс! Я знаю команду давно. Они проверенные ребята. Проследи лучше за Фридой. Ну, ты понимаешь, о чем я?

И последнее, самое свежее воспоминание вырвалось из небытия, словно ураган, сметающий всё на своем пути:

– Левый борт!!!

Крики. Несмолкающий вой датчиков. Топот ног. Гул.

– Боковая палуба разрушается, капитан! Мы не можем выйти из гравитационного поля! Нагрузка на ось слишком велика!

– Двигатели на полную мощность! Надо вырваться из орбиты! Сменить траекторию! Координаты М61 – Н81. Обходим радиационную зону. Левее! Левее!!!

– Реактору не хватает охлаждения! Мощность слишком велика! Нет!!!

Огонь... Всюду огонь... Нестерпимый жар...

Скорее в дом! Непослушные пальцы лихорадочно жмут на сенсоры, активируя тахионное поле. Гермооболочка выдержит! Должна! Дверь! Закрыть!

Ужасный треск. Раскаты. Смерть. Все там! За стенами! Не здесь!..

За открытой настежь дверью, видимый через прозрачную тахионную гермооболочку, простирался бесконечный, холодный и пустой космос.

Большой роскошный особняк в мерцающей защитной скорлупе напоминал рождественскую игрушку, которую трясут, чтобы полетели хлопья искусственного снега.

Он летел одинокий в глубине неведомого космоса, летел в никуда, направляемый таинственными силами притяжения.

Страх, сковавший разум человека, стоявшего на пороге этого дома, был чем-то большим, чем просто чувство. Заставляя каждый нейрон сжиматься в жалкий, пульсирующий комочек, в гермооболочку тихо стучалась смерть...

На резном венецианском столике в спальне еще оставались желтые, продолговатые капсулы...

Об авторе

Родился в городе Сыктывкар (Республика Коми) в 1978 году. Детство и юность провел в селе Нижняя Пёша (Ненецкий округ). В 1997 окончил Архангельский электротехникум связи (Телевидение и Радиорелейная связь). С 1998 учился в МИРЭА, филиал г. Дубна. (Промышленная электроника). Заочно. После 4 курса забрал документы. В 2002 поступил в Сыктывкарский Государственный Университет (Исторический факультет. История Древнего мира и Средних веков) Заочно. Окончил в 2007 г. Большую часть трудовой деятельности 2000–2005 провел на Полигоне ТБО (Городская свалка) рабочим, сторожем, мастером. (Там и произошло серьезное знакомство с фантастикой. Многие частные и городские библиотеки заканчивали на Полигоне свою жизнь, но Алексею иногда удавалось спасти пару-другую мешков отличных книг из-под гусениц бульдозеров...) В настоящее время официально нигде не работает. Пишет с 2009 года. Есть несколько публикаций в журналах и альманахах. Миниатюры: в журнале «Мир фантастики» и альманахе «Астра Нова». Рассказы: в журналах «РБЖ Азимут» (Украина), «Космопорт» (Беларусь), «Искатель» (Россия), «Edita» (ФРГ) и альманахе «Полдень» (Россия).

Контакт

Александр Филичкин **Ресторан «По ту сторону»**

Ты слышал? В городе открылся новый ресторан. – Вера оторвалась от мытья посуды, оставшейся после ужи на, и внимательно посмотрела на меня.

Я неопределенно пожал плечами и подумал: «Мало ли в городе ресторанов? Одним больше, одним меньше, мне-то какая разница? Я закоренелый домосед и не тусуюсь по ночным клубам и кабакам. Мне вполне достаточно домашнего ужина в кругу семьи». Говорить об этом жене я не собирался, она и сама все прекрасно знала. Поэтому я держал истинно мхатовскую паузу и молча складывал чистую посуду на полку.

Так и не дождавшись моей реакции, Вера, как ни в чем небывало, продолжила:

– Сегодня я зашла на их сайт. Ты представляешь, как мне повезло? – жена сделала круглые глаза. – Они раздавали приглашения со скидкой в шестьдесят процентов.

Догадавшись, что последует за этим я пробурчал:

– Наверняка там такие высокие цены, что и при огромной скидке, они не останутся в накладе.

Глянув на мою суровую физиономию, на которой не появилось ожидаемого энтузиазма, жена нахмурилась. Немного подумала и привела свой самый убойный аргумент:

– Сегодня утром мне позвонила Света. Вчера она была там со своим ухажером, так она в полном восторге. Все очень красиво, вкусно и совсем недорого. А называется ресторан, – супруга задержала дыхание и заговорщицким тоном закончила. – «По ту сторону».

Не уловив в названии никакого смысла, я уставился на жену и попробовал пошутить:

– По ту сторону чего? Фронта? Или по ту сторону добра и зла?

Не скрывая своего неудовольствия, жена отрезала:

– По ту сторону от плиты! – и подвела итог препирательствам. – Короче говоря, я выбрала из меню блюда для ужина и перевела на счет ресторана половину их стоимости. Так что завтра нам останется заплатить всего лишь десять процентов от суммы. Вино ты выберешь сам. За него придется заплатить отдельно.

Я непроизвольно фыркнул.

– Теперь понятно, на чем они зарабатывают! Они подают дешевое пойло как элитные напитки и дерут за них баснословные деньги.

– Крохобор! – скривилась Вера. – Лишнюю тысячу для жены пожалел. – Сказано это было таким вызывающим тоном, что я благоразумно прекратил спор.

Немного подумав, я сказал себе: «В конце концов, мы уже давно никуда не выбирались. Нужно уважить супругу. Пусть немного развеется».

После короткого молчания я сделал вид, что сдался, и примирительно пробормотал:

– Хорошо, завтра идем в ресторан. – А про себя добавил: «Тем более, что ты уже практически все оплатила».

Вера счастливо засмеялась и, обхватив меня за шею мокрыми руками, чмокнула в щеку.

Машина такси привезла нас к высотному жилому дому, занимавшему целый городской квартал. К моему удивлению, перед недавно открытым заведением почему-то не было припаркованных автомобилей. Очереди из желающих отведать кухню этой харчевни тоже не наблюдалось.

Чинной парой мы вошли в неприметную дверь, над которой висела скромная вывеска со странным названием «По ту сторону». Прошли через сияющий лампами вестибюль и оказались в обеденном зале.

Я ожидал увидеть уютный, полутемный погребок, а оказался в совершенно пустом ресторане давних советских времен. Плотно приставленные друг к другу, шестиместные столы заполняли несуразно длинное помещение. Они уходили куда-то вдаль тремя нескончаемыми рядами и терялись в лучах нестерпимо ярких потолочных светильников. Похоже, что мы с женой оказались единственными посетителями этого злачного места.

Видимо, на моем несдержанном лице отразилось неудовольствие, охватившее меня. Вера подошла вплотную, ударила меня локтем в бок и что-то прошипела на ухо. Уточнять смысл ее слов я не стал, а вместо этого попытался мило улыбнуться. Достал из кармана пригласительные билеты и принялся оглядываться в поисках официанта. Дверь в стене открылась, и к нам поспешил какой-то человек. Скорее всего, раньше его назвали бы половой или холуй, не знаю, как правильно? Одним словом, это оказался лакей в черном фраке и белом галстуке.

– Вижу, что вам здесь не очень нравится, – проворковал метрдотель. – Мы открылись совсем недавно и еще не успели переоборудовать это помещение. Пойдемте, я провожу вас во второй зал. – Он повернулся на пятках и устремился к двери, откуда только что вышел.

Я осуждающе взглянул на Веру, пропустил её вперед и двинулся следом. Мы гуськом прошли по полутемному коридору и оказались в небольшом холле, одну стену которого закрывал тёмный витраж от пола до потолка. На другой стороне разместились двери с эмблемами «М» и «Ж». Метрдотель пересек вестибюль и встал у высоких дубовых створок. Над ними висела казенная табличка «Зал № 2».

Оглядевшись, Вера в первую очередь повернулась к зеркалам. Заметила какой-то недостаток в своем макияже и решила его немедленно исправить. Открыв сумочку, бросила мне:

– Я на минутку. – И скрылась в женской туалетной комнате.

Широко улыбаясь, метрдотель распахнул тяжелую дверь и сделал приглашающий жест. К моему изумлению, это помещение оказалось еще больше, чем предыдущее. Своей шириной, длиной и огромной высотой оно говорило, что раньше здесь размещался спортивный или актовый зал. Правда, пол устилал светлый паркет, а рядов кресел уже не было и в помине. Больше всего это место походило на огромный танцевальный класс, не хватало только деревянных поручней, висящих вдоль стен.

Слева от входа расположились два шестиместных стола, видимо, принесенных из соседней столовой. Стулья почему-то стояли только в один ряд, со стороны стены, лицом к залу. Мне показалось, что совсем недавно здесь закончились отборочные соревнования по танго или вальсу. Все участники и судьи куда-то ушли, а запах пота и разогретой канифоли, которой танцоры натирают подошвы, остался.

Самое удивительное было в том, что широкие столешницы украшала белоснежная скатерть. К тому же, дорогая посуда намекала на то, что все готово к званному ужину. А то, что залы неуютные, так и ладно. Чай не бояре. Ну, не успели ребята привести свой кабак в порядок, а за аренду платить надо. Вот и заманивают лохов огромными скидками. Тут уж не до прибыли, удержаться бы на плаву. Собственно говоря, я и подозревал нечто в этом роде. Вопрос лишь в том, как могла подруга моей жены, утонченная сибаритка Света, хорошо отозваться об этой забегаловке. Или Вера просто придумала ее звонок?

Метрдотель подвел меня к столу. Услужливо пододвинул тяжелый стул и помог сесть. Я удобно устроился, откинулся на высокую спинку и посмотрел вперед. В моей памяти возникло видение из моей юности. Ряды темно-зеленых теннисных столов и десятки разгоряченных ребят, играющих в пинг-понг.

– Сейчас подадут ваш заказ. – доложил провожатый. Учтиво поклонился и вальяжной походкой удалился из зала.

Я решил не говорить Вере о ее очевидной промашке. В подобные истории мы с ней попадаем далеко не в первый раз, да и наверняка, не в последний. Поэтому я попытался успокоиться и принялся рассматривать сервировку. Посуда выглядела на удивление дорого и красиво. Скатерть блистала чистотой и новизной. А если и еда будет вкусной, то это окажется просто замечательно. На все остальное можно и не обращать внимания. Посидим, поедим и отправимся домой, к телевизору. Зато разговоров с женой теперь хватит на несколько недель вперед.

Мой взгляд прошелся по сверкающей сервировке и наткнулся на открытый блокнот, лежащий на краю стола. Рядом находился черный карандаш с толстым грифелем. «Видимо официант забыл, – решил я и вспомнил, что метрдотель не спросил ни нашей фамилии, ни номера приглашенных. – Похоже, что мы пока единственные посетители. Значит, приготовят еду на совесть, да и нам никто не будет мешать».

От нечего делать я взял автоматический карандаш, который выглядел достаточно дорогим. К моему удивлению, он оказался поразительно тяжелым, словно граненая рубашка была отлита не из пластика, а из свинца. К тому же мои пальцы неожиданно почувствовали сильное тепло. Исходящий от карандаша жар был так силен, что я едва сдержался, чтобы не бросить его на скатерть.

Повертев в руках странную писчую принадлежность, я уже собрался вернуть ее на место, но тут что-то произошло. Внезапно я ощутил состояние, которое, на мой взгляд, иногда посещает талантливых писателей, поэтов и композиторов. Перед моим мысленным взором вдруг открылись многочисленные каналы, ведущие неизвестно куда. Каждый из них обещал неимоверно много и звал к чему-то за пределами чудесному. Мне мерещились невероятные здания, перед глазами мелькали прекрасные картины, бежал текст нескольких увлекательных романов сразу и слышалась чудесная музыка.

Волна ярчайших впечатлений накрыла меня с головой. Перегруженный мозг захлебывался в потоке обрушившейся на него информацией. В глубине сознания я прекрасно понимал: Нужно выбрать что-то! Запомнить все сразу не удастся! Тем более, не получится воплотить все это в жизнь! Но я никак не мог сделать выбор. Все пути, о которых я когда-то мечтал, вдруг открылись передо мной, и отказаться от чего-либо оказалось выше моих сил. Я оказался в том же положении, что и пресловутый Буриданов осел, и впал некий транс.

Моя левая рука слепо пошарила по столу и наткнулась на открытый блокнот. Совершенно произвольно я подтянул его к себе и, не глядя на чистую страницу, прикоснулся к ней грифелем. Карандаш резко задергался в моих пальцах, а на бумагу обрушились десятки быстрых касаний. Причём, я абсолютно не знал, что сейчас рождается под моей рукой. Единственное в чем я был уверен, это какой-то рисунок.

С огромным усилием, я опустил взгляд на бумагу и был поражен увиденным. Рука двигалась помимо моей воли. Ее судорожные движения напоминали работу старинных принтеров, когда пишущая головка шныряла по всему листу, отставляя черточку в одном месте, точку в другом, и дугу в третьем. Самое поразительное, что из этих хаотических метаний уже начал складываться какой-то образ. Следующее, что меня потрясло, выходило за рамки моих представлений. Абсолютно черный грифель оставлял на бумаге кроваво-красные штрихи, словно это был не графит, а яркая артериальная кровь. Правда, она очень быстро темнела и резко меняла свой цвет. Однако, почему-то становилась не коричневой, как это положено, а выглядела блекло-синей, словно старая наколка на коже.

Этого я выдержать уже не смог. С огромным трудом разжал пальцы и выпустил из руки писчую принадлежность, раскалившуюся почти докрасна. Она упала на столешницу и покатила по скатерти. Мне показалось, что хлопковая ткань тоже начала менять цвет. Тон-

кие нити темнели там, где их касалась оболочка пластиковой рубашки странного карандаша. В воздухе запахло паленым. Я испуганно взглянул на руку. Пальцы слегка жгло, но кроме небольших покраснений на коже ничего не оказалось. Только тут я понял, что все каналы, ведущие к чудесным творениям, уже закрылись. В моей памяти осталась лишь странная мешанина обрывочных воспоминаний и образов.

Оторвав взгляд от остывающего карандаша, я посмотрел на блокнот. За то время, что я находился в трансе, на листе возник чудесный легкий рисунок. На нем оказались изображены две прекрасные девушки, стоявшие в профиль. Судя по одежде, красавицы явились прямо из тургеневских времен. Они стояли лицом друг к другу и о чем-то беседовали. Слегка вздернутые носики, ямочки на щеках и длинные густые локоны, этих прелестниц просто завораживали. Длинные платья, раскрытые кружевные зонтики и кокетливые шляпки – все было прописано чрезвычайно легко и, в тоже время, очень тщательно. Особенно умиляли летние турнюры, приспособления в виде подушечки, располагавшиеся чуть ниже талии на задней части юбки. Это формировало характерный женский силуэт с нарочито выпуклой нижней частью тела.

«Не ужели я все это нарисовал? – умилился я и тотчас себя одернул. – Нет, я просто был чьим-то орудием. Вопрос, чьим?» – размышляя над этим, я продолжал рассматривать рисунок. Скоро я понял, что он выполнен с нечеловеческой тщательностью. Но чем дольше я в него всматривался, тем меньше он мне нравился. Возникло какое-то странное двойственное впечатление. Это была та степень совершенства, которая начинает вызывать болезненные чувства зависти и еще каких-то сильных, отрицательных эмоций.

Дверь за спиной хлопнула, и этот звук вырвал меня из странного оцепенения. Я оглянулся и увидел, что в зал вошла Вера. Я вскочил с места. Помог жене сесть, но сам решил немного пройтись. Тем более, что огромный зал этому вполне способствовал. Пересек танцкласс и посмотрел в окно. На улице было еще достаточно светло. Стоял теплый летний вечер, а мы сидели в этом неудобном месте и ждали неизвестно чего.

Я вернулся к столу и увидел, что жена сидит совершенно неподвижно и остановившимся взглядом смотрит вглубь себя. К своему ужасу, я понял, что в ее руке зажат черный автоматический карандаш. Кисть Веры порхала над листом точно так же, как это было у меня пару минут назад. Я подошел к столу и взял ее за плечо. Жена вздрогнула и безвольно разжала пальцы. Таинственный стилограф покатился по белоснежной скатерти и упал на пол.

Поднимать жуткое устройство я не стал. Я взял блокнот и посмотрел на лист. На нем оказался эскиз прекрасной девичьей головки, повернутой к зрителю в профиль. Несмотря на то, что он не был завершен, все здесь оказалось так же прекрасно, как и в моем наброске. Мне показалось, что даже манера рисунка одна и та же.

– Не знал, что ты умеешь так хорошо рисовать, – осторожно сказал я.

Жена недоуменно захлопала ресницами, бросила на меня подозрительный взгляд и спросила:

– Ты о чем?

Я показал ей рисунок. Вера отрицательно покачала головой и твердым голосом сообщила:

– Никогда его не видела. Какое неприятное лицо.

«Ничего не помнит, – подумал я с облегчением. – Оно и к лучшему. При ее чрезмерной эмоциональности такие чудеса могут сильно травмировать психику. А может, все это мне просто привиделось? Сильная жара. Напряженный рабочий день. Этот дурацкий недостроенный кабак. Запах краски и канифоли», – мелькнула у меня успокоительная мысль.

В полной уверенности, что все именно так, как только что себе расписал, я перевернул страницу блокнота. На предыдущем листе находился мой рисунок двух тургеневских девушек. Вот только стояли они уже в три четверти оборота к зрителю и искоса смотрели

на меня. Их прищуренные глаза оказались наполнены такой злобой, что я слегка опешил и перевел взгляд чуть ниже.

То, что я принимал за складки, лежащие на подолах их длинных платьев, вдруг превратились во что-то ужасное. Теперь это были длинные ладони со скрюченными пальцами и огромными когтями. На месте милых турнюров виднелось нечто совершенно иное. Это оказались отвратительные звериные морды каких-то потусторонних существ, злобно выглядывающих из-за девушек.

Озадаченный увиденным, я захлопнул блокнот. Повертел в руках и бросил на соседний стол. Повернулся к Вере и наткнулся на ее непонимающий взгляд.

– Сейчас вернусь, – неуверенно пробормотал я и направился к двери.

Выйдя в холл, я столкнулся с метрдотелем.

– Если вы в туалет, то этот, – он указал на дверь с буквой «М», – пока не работает. Пойдемте, я провожу вас в соседний. – Он двинулся к коридору.

Хотя у меня не было нужды посещать это заведение, я решил воспользоваться приглашением, так сказать, про запас. Заодно немного побродить по ресторану, успокоится, а там и наш заказ принесут. Уловив краем глаза какое-то движение слева, я повернул голову. Тёмные витражи, расположенные на стене холла, вдруг почернели. Из непроглядной тьмы вынырнула жуткая сгорбленная фигура и начала бесноваться с той стороны. Выглядела она невероятно отвратительно. Путаница всклокоченных длинных волос неопрятной копной обрамляла голову. Зеленовато-синее лицо, покрывали глубокие морщины и страшные багровые рубцы. Длинные, почти до колен, узловатые руки торчали в стороны. Широкие ладони украшали корявые пальцы со звериными когтями. Кривые короткие ноги заканчивались тяжёлыми коровьими копытами. Наряженная в жуткие лохмотья, тварь бешено скакала. Жутко гримасничала. Лупила кулаками по стеклу и скалила огромные острые зубы.

Заметив, что я остановился, метрдотель обернулся и спокойно произнес:

– Не обращайтесь внимания. Это наши техники случайно включили программу, подготовленную к Хэллоуину, празднику Всех святых.

Крайняя секция витража вдруг открылась, и из зазеркалья вышел парень в синей рабочей спецовке. Он вежливо поздоровался с нами и юркнул в дверь мужского туалета. Из помещения раздался легкий стук и звяканье металла.

– Наконец-то сантехник пришел, – облегченно вздохнул мой проводник и шагнул в коридор. С трудом оторвав взгляд от твари, беснующейся за стеклом, я торопливо зашагал за своим поводырем. Мы прошли мимо кухни, кладовых и еще каких-то подсобных помещений. Метрдотель остановился и указал мне на неприметную дверь. Я вежливо поблагодарил его, распахнул створку, сделал шаг и оказался на улице. Вернее сказать, на заднем дворе ресторана.

Повертев головой, я так и не смог найти нужное мне заведение с буквой «М». В этом каменном мешке вообще не было ни одной двери. Вокруг себя я видел лишь облупившиеся стены и осыпавшуюся штукатурку. В дальнем углу пустой площадки находилась узкая подворотня, ведущая на улицу. Все вокруг выглядело донельзя пыльным, запущенным и каким-то блеклым, как на старых фотографиях. Краски словно бы выцвели, контуры предметов слегка расплылись. Пораженный непонятным демаршем официанта, который предлагал помочиться на асфальт, я повернулся, протянул руку и остолбенел.

За моей спиной не было проема, через который я только что вышел! Передо мной оказалась сплошная обшарпанная стена без какого-либо намека на дверь. Не поверив своим глазам, я протянул дрожащие руки вперед.

Мои пальцы наткнулись на холодную поверхность и ощупали пыльную кирпичную кладку. Я закрыл глаза и потрясенно помотал головой. Осторожно приподнял веки, но с горечью убедился, что вход так и не появился.

«Придется обойти здание и войти в этот гребаный кабак с центрального крыльца», – разъярился я и решительно двинулся к подворотне. Шагая по замусоренному асфальту, я на ходу придумывал гневную тираду, с которой обрушусь на хозяина этого мерзкого гадюшника. Мало того, что в кабаке всюду идет ремонт, так еще их холуй с посетителями шутки шутит. Выскочив на улицу, я пережил очередное потрясение.

Вокруг стояли те же многоэтажные дома, которые я запомнил, когда подъезжал к ресторану. Вот только выглядели они теперь так, словно город был покинут лет десять назад. Везде виднелись выломанные двери подъездов и разбитые стекла в окнах. В кое-где стены домов оказались покрыты толстым слоем гари. Видимо, в некоторых квартирах когда-то случился пожар. Пламя вырвалось на улицу и покрыло штукатурку жирной копотью.

Справа раздался какой-то неясный шум. Я вздрогнул и повернул голову на звук. Прямо посреди внутриквартального проезда горел небольшой костер. Вокруг него на каких-то обломках сидела группа людей. Ошеломленный видом окружающих домов, я застыл на месте. В голове вертелась тысяча вопросов: «Куда я попал? Что здесь произошло? Как вернуться обратно?»

Ответы можно было получить только у аборигенов, и я безрассудно направился к греющейся компании. Когда я подошел поближе, то разглядел, что это явные бомжи. Все люди выглядели сильно изможденными, чрезвычайно грязными и оказались одеты в невероятные лохмотья. Посреди их тесного кружка стоял котелок, наполненный каким-то неаппетитным варевом.

Люди по очереди черпали ложками грязно-серую субстанцию. Подносили ко рту и, обжигаясь, торопливо глотали еду. Спиной ко мне сидел человек, на синей куртке которого я прочитал едва различимую надпись «Сантехсервис». Точно такую я видел на спецовке парня, появившегося из-за темного витража.

Услышав мои шаги, он обернулся и внимательно посмотрел мне в глаза. Это был именно тот ремонтник, который гремел ключами в ресторанном туалете. От нахлынувшей на меня радости сердце чуть не выскочило из груди. Меня не смутило, что теперь он выглядит намного старше, чем в то время, когда я видел его в последний раз. Я даже не подумал о том, что могло пройти много времени, и он вряд ли теперь вспомнит человека, виденного мельком когда-то. Однако парень меня сразу узнал. Облизал ложку и сунул ее в нагрудный карман спецовки. Встал на ноги и, сильно хромя, направился ко мне. Не доходя до костра несколько метров, я остановился. Не известно, как воспримут голодные люди появление еще одного претендента на их еду. Вдруг кинуться драться или, что еще хуже, решат съесть меня на ужин.

Парень подошел вплотную. Протянул руку, и я с радостью пожал донельзя грязную ладонь.

– Пойдем, я тебя провожу. – повторил сантехник памятные слова официанта. – Покажу выход, а уж сможешь ли ты им воспользоваться или нет, не знаю. – Он повернулся и двинулся в ту сторону, где, как мне казалось, и должен находиться вход в ресторан.

– Будешь? – парень протянул мне небольшую ресторанный булочку. На фоне всей этой блеклости окружающей обстановки она выглядела на удивление яркой и аппетитной. Румяная хрустящая корочка, дурманящий запах свежей выпечки, все это сразу вызвало у меня жуткий голод. Я вспомнил, что утром едва позавтракал, а в обед у меня не оказалось времени даже на легкий перекус. Вся надежда оставалась на ужин в этом кабаке, но и здесь тоже почему-то ничего не складывалось.

Вспомнив грязные руки парня и его голодных товарищей, я решительно отказался от заманчивого предложения. В глубине моей души теплилась слабая надежда: «Может быть, мне еще удастся вернуться в свой мир? – Следом за этим в голове появились другие вопросы. – Ведь он же при мне вышел из-за витража. Или после этого он тоже оказался в

той же ловушке, что и я? Этот официант притащил меня к той проклятой двери... Как он оказался здесь раньше меня? Когда успел наладить отношения с аборигенами? Почему он выглядит намного старше? Или я тоже сильно постарел?»

Вдруг на меня нахлынуло полное отчаяние: «Зря я надеялся у них что-то узнать. Ничего они мне не скажут. Наверняка сами не знают». Вопросов от общения со странным аборигеном лишь прибавилось, и с каждой минутой их становилось все больше: «Не обидел ли я парня своим отказом преломить с ним хлеб? Кстати откуда он у него, такой свежий? Куда он меня ведет? Сейчас тукнет по голове кирпичом и будет у них еда еще на неделю».

Мы вошли в длинную подворотню, когда-то служившую проходом в нескончаемом многоэтажном доме. Парень шагнул к стене и толкнул едва заметную дверь. Ржавые петли тихо скрипнули, и мой «Вергилий» исчез в темном проеме. Стараясь не отстать, я ринулся следом. Ориентируясь по слуху, я двигался за проводником и молился о том, чтобы не потеряться в густом мраке. Впереди забрезжило слабое мерцание, и я наткнулся руками на черное холодное стекло. По каким-то неясным признакам я вдруг понял, где нахожусь. Наверняка я оказался за тем самым витражом, что находится в холле перед вторым залом. С той стороны вдруг начал пробиваться свет, и стекло стремительно обрело прозрачность. В следующий миг я увидел самого себя, идущего рядом с метрдотелем. «Он же ведет меня к той проклятой двери!» – мелькнула невероятная мысль. Я отчаянно запрыгал на месте и замахал руками, надеясь привлечь внимание самого себя.

И тут вспомнил, что когда я шел за официантом, то видел беснующуюся обезьяну, скачущую за этим стеклом. Ужасная догадка сразила меня наповал: «Значит, я видел самого себя? Выходит, я теперь выгляжу именно так?» Смириться с этим я никак не мог. Посмотрел на свои руки, увидел, что они не изменились, и сходу придумал подходящее объяснение: «Просто у этого портала такое свойство, исказить облик существ, находящихся по разные стороны от барьера. Поэтому, нам и мерещатся всякие монстры».

Справа послышался легкий шорох. Мой проводник открыл неприметную дверь и шагнул в холл. Появление сантехника на освещенной стороне комнаты полностью преобразило парня. Теперь он выглядел гораздо моложе, чище и опрятней. Он вежливо поздоровался с метрдотелем и устремился к своему рабочему месту. Я бросился к медленно закрывающейся створке.

Я успел с самый последний момент. Сунул носок ботинка в щель между косяком и дверью, и не дал ей захлопнуться. Выходить из-за витража, пока «прежний я» находился в холле, мне не хотелось. Кто его знает, что произойдет, если «теперешний я» встретится с собой из прошедшего времени? Фантасты по-разному описывали эту ситуацию, но лучше не рисковать. Пусть официант уведет «меня» подальше от этого места, тогда я и выберусь. Если портал не закроется». От этой мысли меня словно кипятком ошпарило.

Едва за мной «прежним» закрылась дверь, ведущая в коридор, я выскочил в холл. Замер на месте и услышал, как за спиной тихо щелкнул замок. Трясаясь от страха, я медленно обернулся. Ожидая увидеть мерзкого монстра, я крепко зажмурился и некоторое время стоял с закрытыми глазами. Наконец, набрался смелости. Поднял трепещущие от ужаса веки и посмотрел на свое отражение в стекле. К моему огромному облегчению, я увидел себя таким, каким был до того, как вышел из второго зала. Только от пережитого волнения мое лицо оказалось очень бледным и буквально мокрым от пота.

Вытерев ладонью влажный лоб, я открыл дверь и вошел в «Зал № 2». В глазах помутилось так, словно на них опустилась черная шторка, которая отгородила меня от действительности. Так же неожиданно сознание вернулось. В следующий миг я понял, что по-прежнему сижу на стуле, любезно подставленном мне услужливым официантом. Как я здесь оказался, я вспомнить не смог. Миг назад я открыл дверь, шагнул через порог, и вот я уже за столом.

Жены рядом не было. Я вскочил, в панике обежал помещение, но не обнаружил других дверей и вернулся к столу. На краю столешницы лежал черный карандаш и блокнот с абсолютно чистым первым листом. Хотя, я прекрасно помнил, что проклятый стилограф упал на пол, а две первые страницы уже были украшены мерзкими рисунками.

«Надеюсь, я вернулся в тот миг, когда в первый раз сидел один в зале, – успокоил я себя. – То есть попал во временную петлю? – уточнил ехидный внутренний голос. – Значит, нужно что-то кардинально изменить, – приказал я себе. – Тогда эта цепочка событий прервется, и мне удастся выбраться из ловушки». – Я внимательно осмотрел стол. Взял в руку бокал на высокой витой ножке.

Насколько я помнил, стекло не является проводником: «Из него делают даже изоляторы для линий электропередач, – успокоил я себя. – Здесь замешено не электричество, но вдруг поможет?»

Я подошел к краю столешницы и осторожно прикоснулся хрусталём к черному карандашу. На мое счастье, ничего не случилось. Ни послышалось треска, ни возникло искр, ни запахло озоном. Да и подключения к информационным каналам тоже не произошло. Я облегченно вздохнул и сбросил жуткий инструмент на пол. Он покатился по паркету и пропал под длинной скатертью второго стола. На всякий случай я взял блокнот и отправил его следом. В этот момент в памяти всплыли лица тех голодранцев, что я встретил в зазеркалье. Некоторые из них мне сильно напомнили тех людей, которых с недавних пор разыскивало местное телевидение. Их портреты постоянно мелькали в передачах под рубрикой «Помогите найти человека». В голове вдруг появилась чья-то мыслишка: «Дай этот карандаш Вере. Пусть, она упадет в транс и рисует тут до посинения, а ты тем временем...»

Отмахнувшись от подленьких фантазий, я вспомнил слова сантехника: «Покажу выход, а уж сможешь ли ты им воспользоваться или нет, не знаю». Я вновь задумался: «Получается, что здесь работают два проводника. Метрдотель ведет туда, а парень обратно. Только, видимо, не все могут попасть в это невероятное зазеркалье и еще меньше – вернуться. А вот кто такие эти проводники и зачем это делают, это большой вопрос? Может быть, это, как говорили раньше, козни лукавого? Или происки пришельцев. А все то, что произошло со мной, просто тест на сообразительность? Тогда полиция здесь вряд ли поможет. Тут нужны богословы. Или серьезные ученые. Да только вряд ли они поверят моим путаным бредням».

Дверь за спиной резко хлопнула, и этот звук вырвал меня из тягостных размышлений. Я оглянулся и увидел, что в зал вошла любимая жена. Я бросился ей навстречу. Развернул на ходу и, не говоря ни слова, поволок к выходу. Вера испуганно посмотрела на меня. По суровому выражению моего лица она что-то поняла и не стала спорить. Мы проскочили неосвещенный холл, протрусили по темному коридору и вбежали в огромный обеденный зал. Лампы здесь не горели. Все столы оказались накрыты пыльными простынями, свешивающимися до замусоренного пола. Плотные шторы задернуты.

Голова к голове, мы влетели в сумрачный вестибюль и заметили слабый блеск уличных фонарей, который едва пробивался сквозь грязное стекло двери. Нога в ногу мы помчались на свет. Здесь я немного отстал и начал оглядывался по сторонам, в поисках какого-нибудь тяжелого предмета: «Если не удастся выбить дверь, вылезем через окно зала, – размышлял я на бегу. – Решеток там вроде бы нет».

Вера первая оказалась возле выхода и резко откинула засов. Створка распахнулась неожиданно легко. Один за другим, мы вывалились на улицу. Я вскинул голову и в страхе осмотрелся по сторонам. На первый взгляд, город остался точно таким, каким был до нашего посещения странного ресторана. За спиной громко лязгнул язычок замка. Я испуганно обернулся. Вход выглядел так, словно не открывался уже лет тридцать, с давних советских времен. И вывески над ним не было никакой!

В следующий миг в моей голове прозвучал чей-то механический голос:

– Псевдоразумное существо прошло данное испытание.

Об авторе

Родился 1955 году в Баку. В 1967 г. вместе с семьей переехал в Россию и с тех пор проживает в г. Куйбышеве, ныне г. Самара. Окончил инженерно-строительный институт. Трудился в проектных организациях города. В настоящее время работает ведущим архитектором в одном из старейших институтов г. Самары «Промзернопроект». Занимается комплексным проектированием зданий и сооружений. Уверенно владеет компьютерной графикой и трёхмерным моделированием. При его непосредственном участии разработаны многочисленные объекты, построенные в населённых пунктах области и страны. Сочинял стихи и писал прозу. В 2014 году занялся сочинительством более серьёзно. Публикации: военный роман «Разведчик, штрафник, смертник. Солдат Великой Отечественной» ЭКСМО 2015 г., рассказы «Старик» и «Кисет» 2015 г., рассказ «Эвакуация» 2014 г. (интернет-журнал), рассказы «Успокоительное средство» и «Партнёр» 2014 г., рассказы о животных «Пальма», «Матильда», «Пират» 2015 г., «Ремонт», «Воспитание», «Пёс Виктор» 2014 г., юмористические рассказы «Сахар» и «Мясо» 2014 г. (интернетжурнал). Сценарий детского фильма «Кладовщики с Дирибасовской» вошёл в шорт-лист «Корнейчуковской премии» за 2015 г. В № 2 за 2015 год литературного приложения «Знание-сила: Фантастика» вышел рассказ «Конфеты “Полет”», а в № 2 за 2016-й – рассказ «Ярко-жёлтая машина судьбы».

Иные реальности

Александр Уразов **Иллюзия понимания** **повесть**

– Что есть правда, Клавдия? Ты слышишь ее? Узнаешь, когда ее произносят?

– Я узнаю. А ты?

Фильм «Страсти Христовы»

Режиссер Мэл Гибсон

Это было мучительно. Я сидел перед ноутбуком за столом у себя в кабинете и пытался сконцентрироваться на новом рассказе, но ничего не получалось – по комнате постоянно ходили какие-то люди, разговаривали, шумели, что-то роняли, ворочали. «Эй, хватит уже!» – хотел было сказать я, но мою грудь тяжело сдавливала рубашка и не позволяла набрать в легкие достаточно воздуха, чтобы произнести хоть слово.

«Наверное, надо расстегнуть пару пуговиц. Ну, надо же, как жмет!» Я потянулся рукой к груди, и пальцы неожиданно наткнулись на что-то плотное. Я опустил голову вниз и с удивлением понял, что сижу в бронежилете – тугом, неудобном и тяжелом.

«Что за дела!»

Раздался стук. «Мало вам – еще и стучать теперь будете!» Стук повторился – громкий и настойчивый. Шум шагов и голоса начали искажаться и превратились, наконец, в то, чем и являлись на самом деле – в шторм, бушевавший за окном недорогой гостиницы, где я остановился на несколько дней. Я открыл глаза и понял, что лежу на кровати лицом вверх с запрокинутой головой и мучительно пытаюсь сделать вдох – судя по всему, дыхательные пути были перекрыты запавшим под собственным весом языком. Подушка каким-то образом оказалась в стороне, из-за чего голова и оказалась в неудобном положении.

«Так и задохнуться, наверное, можно. Просто и тупо – во сне», – пронеслась мысль.

И вновь стук – еще громче и настойчивей.

– Сэр! Полиция! Откройте, пожалуйста!

«...! Этого только не хватало!»

Я с трудом перевернулся на бок и крикнул, еще не восстановив дыхание, и потому каким-то испуганным, срывающимся голосом:

– Минуту!

– Сэр, прошу вас, откройте! – быстро отреагировали за дверью.

Я понемногу приходил в себя. Что могло случиться? Я – просто турист, приехал в маленький американский городок, затерянный в поросших лесом невысоких горах, куда, в общем-то, конечно, русские любители заграничного отдыха вряд ли заезжали когда-нибудь. Это только у меня хватает фантазии забираться в такие места – где ни отелей многоэтажных, ни моря, ни пляжа, ни других туристов.

«Ну, что за дешевые понты – лишь бы выделиться как-нибудь! Мог бы сейчас с толпой соотечественников валяться на песке где-нибудь в Турции «и в ус не дуть». А тут – один, в Богом забытом городке. Что здесь может со мной произойти? И если произойдет – кто узнает? Кто спохватится и поднимет тревогу, будет искать меня?»

– Сэр!

– Иду-иду! – я встал с кровати, протопал босыми ногами к двери и открыл.

– Прошу прощения, – на пороге стоял местный шериф – высокий, массивный мужчина лет сорока пяти, – Понимаю, что не вовремя, и если бы не срочное дело, то меня бы здесь не было...

Он замолчал. Я тоже безмолвствовал – просто в голову ничего не приходило. Несколько секунд мы так и стояли, рассматривая друг друга. Потом я сообразил, что он, наверное, ждет от меня каких-то слов, о чем и спросил его напрямую:

– Я что-то должен ответить?

Шериф мотнул головой, словно отгоняя какие-то навязчивые мысли, и я предположил, что он просто «завис на полуслове».

– Сэр, оденьтесь, пожалуйста, – я стоял перед ним в одних трусах, – Прошу вас проехать со мной.

– Хорошо, – растерянно ответил я, а затем решился спросить (вообще-то, я побаиваюсь стражей порядка – были у меня с ними неприятные ситуации, оставившие в памяти неизгладимые следы), – Но можно узнать, куда и зачем?

– Я расскажу вам по дороге. Одевайтесь, пожалуйста, – повторил он, – Я подожду за дверью.

– Я арестован?

– Нет-нет, не арестованы.

– Тогда все же прошу вас как-то... – я подбирал нужное слово по-английски – с ним у меня не очень-то хорошо, а грубить полицейскому не хотелось, – ... объяснить.

– Нет времени. Но... – он немного помедлил, а потом сказал с некоторым трудом, – Нам нужна ваша помощь.

Видимо, признаться в этом было ему нелегко. Понятное дело: русский – это балалайка, водка и медведи. Особенно в этих краях. Правда, я совсем не пью, и уже один этот факт как-то сбивал местных жителей с толку. Но как бы то ни было, отношение было осторожным и, как мне казалось, несколько насмешливым, и если бы кто-то обратился ко мне за помощью, то я бы очень удивился. А уж если просит шериф...

Я насторожился. Все это было достаточно подозрительно. Но что еще можно было сделать в данной ситуации? Забаррикадироваться в номере и позвонить в полицию?

Я закрыл перед полицейским дверь и начал одеваться, ощущая не только сознанием, но и всем телом сильную тревогу. На улице бушевала буря.

Неиствующий ветер срывал с деревьев листья, ломал ветви и сильными струями дождя хлестал по стенам и стеклам дома.

Часы показывали полтретьего ночи.

«Как я вообще смог уснуть в такую погоду?»

Я надел джинсы, ботинки, свитер и куртку, взял бумажник и вышел из комнаты. Шериф стоял в двух шагах от двери. Увидев меня, он произнес:

– Следуйте за мной! – и, развернувшись, пошел по коридору к лестнице, ведущей со второго этажа, где располагался мой номер, вниз – на первый. Когда-то давно, еще в школе, я узнал, что первый этаж должен у них называться «граунд фло», а второй – «фэст фло», то есть «первый». Но здесь нумерация этажей была обыкновенной. Первый этаж – это первый, а второй – ... Ну, да, соответственно.

Я подчинился и двинулся за полицейским.

Мне было крайне не по себе. Да, он сказал, что ему нужна моя помощь, но что он задумал на самом деле – кто знает?

«Я просто мнительный, просто мнительный. Сам себя пугаю тем, чего еще нет», – применил я испытанную формулу. Немного отлегло.

Мы прошли на первый этаж, мимо ресепшена, где на меня с нескрываемым любопытством и настороженностью посмотрел хозяин отеля, и, миновав вестибюль, вышли из гостиницы.

Плотные злые струи дождя обрушились на меня не столько сверху, сколько спереди – прямо в лицо и грудь, пытаясь свалить с ног, ослепить и даже заткнуть рот в том случае, если бы я решился его открыть, чтобы сказать что-нибудь. Шериф пригнулся, пряча лицо от водяной атаки с неба, и побежал к своему внедорожнику, припаркованному неподалеку от крыльца. Я в таком же положении и также бегом последовал за ним. Мы одновременно запрыгнули на сиденья и захлопнули двери.

– Шериф! – чтобы перекрыть шум дождя, приходилось напрягать голосовые связки – Может быть, расскажете, в чем дело?

Тот вместо ответа завел мотор и тронулся с места. В молчании мы выехали со стоянки перед гостиницей, и только тогда он начал говорить – медленно, стараясь подбирать слова попроще (видимо, зная о том, что я не очень хорошо разговариваю по-английски) и тщательно их выговаривая:

– У нас произошло... происшествие. Инцидент.

– Что случилось?

– Пожалуйста, не перебивайте. Мне трудно говорить в такой манере... Итак. У нас произошел инцидент. Нам нужна ваша помощь.

Он замолчал. Я ждал продолжения. Но шериф ничего не говорил, только смотрел на дорогу и крутил руль. Машина пробивалась сквозь ночную бурю. Ливень заливал стекло так, что видимость была минимальной – в нескольких метрах впереди все уже скрывалось за сплошной пеленой дождя.

– Могу я узнать, что именно произошло?

Продолжительная пауза. А затем:

– Я могу рассказать вам, но боюсь, что... вы не сможете понять...

– Почему? «Непростые» слова?

– Да, верно. «Непростые» слова.

– Как же тогда я...

– У нас в городе есть эмигрантка из России. Её зовут Наташа.

«Ну, да, правильно. Всех русских девушек за границей зовут Наташа. Даже если она на самом деле Ксюша или Женя, например».

– Она сможет перевести. Она уже хорошо знает английский. Когда только приехала – уже тогда знала.

Последнюю фразу я почему-то воспринял как намек, что в отличие от меня «приличные люди» перед поездкой учат язык тех мест, куда они собираются.

«Может, я и правда чересчур мнительный?»

– Хорошо, – ответил я, и мы вновь погрузились в молчание.

Наша скорость едва ли превышала тридцать километров в час. Сквозь ливень не было видно почти совсем ничего, кроме капота машины и, как уже было сказано, нескольких метров впереди. Путь был безрадостным и совсем не увлекательным.

«Что-то я не пойму – для чего меня-то тащить куда-то? Почему было не привезти эту самую Наташу ко мне в гостиницу?»

– Простите, шериф. Почему вы решили заехать за мной, вместо того, чтобы приехать с девушкой?

– Потому что... вы нужны нам там.

– Где «там»? – внезапно мне стало еще тревожней.

– На месте происшествия.

– Вы хотите, чтобы я посмотрел на что-то?

Шериф, не глядя в мою сторону, кивнул. Но мне этого было мало, и я все же продолжил расспрашивать:

– Просто посмотреть? И всё? Этого будет достаточно?

– Вы все узнаете на месте, мистер Борисов, – впервые он обратился ко мне по имени, при этом исказив его в американской манере, – Пожалуйста, не отвлекайте меня от дороги. Я стараюсь приехать быстрее.

Я подчинился. Примерно через полчаса мы подъехали к какому-то дому, по-видимому, двухэтажному: сквозь ливень виднелись три освещенных окна на первом этаже и два на втором. Внедорожник, остановившись, проехал еще несколько метров, и я увидел впереди огни другого – такого же крупногабаритного – автомобиля. Шериф посигналил и включил в салоне свет. Через несколько секунд в машину на заднее сиденье заскочили двое: среднего роста мужчина лет пятидесяти, немного полноватый, как мне показалось, и невысокая светловолосая девушка лет двадцати семи, фигуру которой скрывал под собой бесформенный плащ.

– Несколько секунд под таким дождем, и мокрая до нитки! – посетовала девушка, но сразу же осеклась. И как-то вдруг стало понятно, что причина, собравшая всех нас в машине шерифа, является чем-то куда более важным, чем даже если бы мы все были «хоть выжимай».

– Мистер Борисов, это мистер Родс.

– Можете звать меня Тед, – сказал мужчина.

– Хорошо, в таком случае, я – Андрей.

– Окей.

– Андрей, это Наташа.

– Очень приятно, – сказал я по-английски, повернув к ней голову – она села позади водителя, и увидеть ее мне было проще, чем Родса.

Длинные светлые волосы, голубые глаза. В целом, довольно симпатичное, привлекательное лицо.

– И мне, – ответила она по-русски, и это как-то сразу словно переключило меня – как будто появился союзник. Друг, который был мне ближе, чем все эти американцы, ни слова не понимающие на моем родном языке, кроме, может быть, все тех же «балалайка», «Путин» и «водка». Тот, с кем я могу поговорить, и мы пойдем друг друга, а они – нет.

– Что случилось? – спросил я по-русски.

– Пока не знаю, – ответила Наташа (она что – и правда Наташа?) – Шериф сейчас расскажет, а я буду переводить. Я здесь уже довольно давно живу, поэтому, думаю, смогу справиться со всеми тонкостями. Мистер Коулмэн?

Шериф, услышав свое имя, вздохнул, собираясь с мыслями, и начал говорить. Половину я понимал и без девушки, но все же старался не перебивать, когда она переводила, чтобы не мешать ее работе. Это достаточно непросто – сначала думать по-английски, а затем переключаться и делать это на русском. Дело шло небыстро, осложняясь дополнительно еще тем обстоятельством, что барабанившие по стеклу капли заставляли разговаривать очень громко и периодически переспрашивать друг друга.

– Лучше было бы поговорить в другом месте, например, в участке, но у нас слишком мало времени, чтобы тратить его на дорогу до управления. В такой шторм это будет слишком долго. Поэтому разговаривать придется здесь, – пауза, Наташа переводит, затем Коулмэн продолжает. – Вот эти огни, которые вы видите, Андрей – это дом Теда. В нем произошел некоторый инцидент... – он остановился, и в этот же момент дождь словно решил сделать короткую паузу. Шум на пару секунд чуть снизился и внезапно в эту «брешь» в плотном звуковом полотне дождя я услышал, что мужчина, сидевший позади меня, плачет.

Я почувствовал, как градус напряжения внутри меня совершил дикий скачок в сторону усиления. Тем временем небеса перевели дух и обрушились на землю с новой, еще более яростной, энергией. Хранить молчание было просто невыносимо:

– Что за инцидент?

– Это и правда непросто объяснить... И дело не только в «сложных словах» – для того чтобы справляться с ними, мы пригласили Наташу. Дело в другом...

– В чем именно?

– В том, **что** произошло, – с нажимом на слово «что» сказал шериф, и его пальцы начали нервно сжимать и разжимать руль. Затем он глубоко вдохнул и с шумом выдохнул, – Послушайте, Андрей, очень важно, чтобы вы отнеслись ко всему тому, что сейчас услышите, очень серьезно.

– Можете поверить, шериф, что так и будет, – пообещал я.

– Хорошо. Начну с того, что я наводил о вас справки – я всегда стараюсь что-то выяснить о приезжих. Наш город небольшой, и я стремлюсь поддерживать здесь установившиеся правила и порядки. И поэтому обращаю пристальное внимание на гостей нашего города. Тем более, что у нас далеко не туристическое место. Помогло то, что в разговоре с Мэттом – хозяином гостиницы – вы сообщили, что пишете книги. Я попросил Наташу поискать информацию в интернете, и мы кое-что узнали о вас.

Он сделал паузу, словно приглашая меня задать вопрос или как-то прокомментировать сказанное. Но я не реагировал и ждал, что будет дальше.

– Мы нашли ваш сайт, – продолжил он, – а также отзывы критиков о книгах и даже – как это ни странно – сами тексты, выложенные на различных ресурсах. Неужели у вас это не преследуется по закону? Хотя, ладно – это же Россия!

Я криво усмехнулся.

– Как я понял, вы пишете о довольно необычных вещах... Наташа объяснила, что вы описываете явления в жизни, опираясь на психологию, философию, медицину и точные науки, верно?

– В общих чертах, так. Психология, физиология, философия, физика, эзотерика...

– Да-да-да, эзотерика – магия, верно?

– Ну, не совсем... Хотя... Наверно, можно отчасти и так сказать.

– Интересно, как я должна переводить эту фразу на английский, – усмехнулась Наташа, но как-то перевела.

– Шериф! – подал голос Родс, и в его словах отчетливо прозвучало отчаяние, – Прошу вас, скорее! Мы теряем время!

– Да, правильно, Тед. Итак, Андрей, перехожу к сути дела. И еще раз прошу отнестись к моим словам со всей серьезностью, так как положение дел совершенно невеселое. Сегодня в доме Теда произошло очень странное и абсолютно из ряда вон выходящее происшествие. Его сын Стивен решил воспользоваться тем обстоятельством, что Тед должен был задержаться допоздна на работе, и позвал друзей на... «магическую вечеринку».

– На магическую вечеринку? Что это значит? – я понял, что пора вникать в суть дела, и имеет смысл задавать вопросы, чтобы выяснить все детали.

– Кто их знает – этих современных подростков. Он позвал еще двух парнишек его же возраста – 12 лет – и они должны были... – на секунду полицейский замялся, а потом все же выдал, – вызывать какого-то духа. По крайней мере, так говорит старшая сестра одного из парнишек.

Внезапно шерифа словно прорвало. Его голос наполнился силой и возбуждением. До этой минуты он явно подбирал слова и старался соблюсти определенные формальности, приличия и устав. Теперь же, очевидно, он стал говорить то, что думал на самом деле. **Что** думал и **как** думал.

– Мистер Борисов, я не сумасшедший! Хотя бы потому, что шерифу нельзя быть сумасшедшим – я несу ответственность за этот город. Понимаете?

Я кивнул.

– Но есть какие-то вещи, которые нельзя объяснить. То, над чем жители больших городов смеются и во что не верят. Но когда вы живете близко к природе, ко всему вот этому, – он повел рукой, как бы приглашая обратить внимание на то, что происходило снаружи, – вы не можете игнорировать некоторые факты, которые происходят независимо от того, верите вы в них или нет. Понимаете?

– Что вы имеете в виду? Чуть конкретней можете пояснить?

– Я воевал. И мне доводилось видеть, как люди совершенно безбашенно бросаются в самое пекло и выбираются невредимыми из таких заварушек, что просто не хочется даже вспоминать. А есть те, кто исхитряются получить пулю в абсолютно безопасном месте – при таких условиях, что, казалось бы, это абсолютно невозможно! Например, при элементарной чистке оружия!.. Я говорю про войну, но сейчас мы перейдем и к нынешним обстоятельствам. Я тогда уже начал задумываться о подобных странных случаях. Их можно было бы списать на случайное совпадение событий, но слишком уж их много набралось, чтобы просто отмахнуться и забыть. Нельзя назвать совпадением, когда человек раз за разом идет туда, где не должен выжить, и возвращается невредимым. Бывало, что на солдате вся одежда иссечена осколками – а на нем самом ни царапины. Повторюсь, это касается войны. А когда вы живете рядом с природой, когда находитесь к ней слишком близко – к этим лесам и горам – то также начинаете чувствовать и понимать вещи, о которых не говорят, но которые все знают. Приходит понимание того, что можно делать и чего нельзя. Сколько я видел искалеченных несчастными случаями людей, которые не слушали свой внутренний голос! Если ты чувствуешь, что не нужно валить лес именно здесь, значит, не нужно этого делать! Если ты чувствуешь, что не нужно сегодня ехать в соседний город, то не нужно ехать! И лавина, которая сходит и уносит с собой жизнь пренебрегшего своим внутренним голосом, подтверждает это. Также как и дерево, которое непонятно по каким причинам валится совсем не туда, куда должно было. Ружья, которые не стреляют в самый нужный момент – и дикий зверь рвет охотника. И, наоборот, встречи с голодными волками, когда невооруженный человек остается целым, так как его не трогают. Всего этого я насмотрелся за свою жизнь, можете уж поверить! Я говорю сумбурно – валю все в одну кучу. Но главное – хочу, чтобы вы поняли...

Я кивнул, поймав на себе тяжелый взгляд шерифа.

– Чтобы вы поняли, что я знаю и понимаю наличие в этом мире чего-то такого, что пока не может быть объяснено наукой! Может быть, это духи, которых оставили нам индейцы – я не знаю. Но я вижу то, что вижу! И слышу то, что слышу!

Он перевел дыхание, дожидаясь, пока Наташа закончит, а затем – уже гораздо сдержанней – сказал:

– В доме находятся три паренька. Я не знаю, что именно они там делали, но на данный момент мы имеем крайне серьезную ситуацию, которая – сомневаться не приходится – создана ими.

Тед застонал с заднего сиденья.

– Так что же именно случилось, шериф? – спросил я, испытывая крайнее беспокойство от всего происходящего.

– Около полутора часов назад Тед подъехал к своему дому и попытался зайти внутрь. Однако это у него не получилось...

– Именно так! – ворвался в наш разговор Тед, – Я подъехал к дому и увидел, что дорожка и крыльцо не освещены. Это удивило меня. Я вышел из машины и пошел к крыльцу, но, не доходя до него пару десятков футов, остановился.

– Почему? – для того чтобы видеть его, мне пришлось повернуться всем корпусом.

– Дело в том... Дело в том, что меня охватил дикий ужас, мистер Борисов! – воскликнул он, забыв о нашей договоренности называть друг друга по именам, и глаза его при этих словах были раскрыты настолько, что сверху и снизу радужки виднелись полоски белка. – Я не мог даже пошевелиться! Сквозь окно я видел, что в холле сидят на диване мой сын и два его друга. Так, словно смотрят телевизор – но тот был выключен. Я всем сердцем почувствовал, что случилась какая-то беда. Я, наконец, нашел в себе силы отступить на шаг назад. Ужас ослаб, но на смену ему пришла сильная тревога за сына. Я крикнул ему: «Стив! Выходите оттуда!» Но никто из них не отреагировал!

– И в этот миг в течение буквально нескольких секунд разразился сильный дождь, который позже перешел в то, что вы видите теперь, – закончил за Родса шериф.

– Что было потом? – моя тревога увеличивалась с каждой услышанной фразой.

– Потом Тед сел в свою машину и позвонил нам в офис. Звонок принял мой помощник – Дуглас. Судя по всему, тот решил, что Тед тронулся умом, но все же приехал, чтобы разобраться в ситуации... – внезапно у шерифа перехватило дыхание, и он судорожно сглотнул, однако через несколько секунд справился с собой и закончил фразу. – В настоящее время Даг лежит вон там...

Коулмэн показал пальцем в сторону огней.

– Как... Как это произошло?

– Даг подъехал где-то через 10 минут после моего звонка, – снова перехватил инициативу Тед, – и сел ко мне в машину. Я вкратце описал ситуацию. Он посмотрел на меня, как на сумасшедшего, но все же пошел к дому, чтобы проверить мои слова.

– И что произошло?

– Помощник дошел до того же места, что и я, и остановился, как вкопанный. Затем начал медленно пятиться и отодвинулся где-то фута на три. Какое-то время он стоял неподвижно – наверное, раздумывал, как быть...

– А как вы все это разглядели?

– В тот момент дождь еще не превратился в настолько сильный ливень, который идет сейчас. Я видел, как Даг начал обходить дом по периметру. И каждый раз, когда он пытался приблизиться к строению, было видно, что происходит, очевидно, все та же самая вещь – он останавливался или отшатывался и продолжал движение вдоль стен.

– Похоже, что он искал слабое место в этой странной защите.

– Судя по всему, так оно и было. Через какое-то время он обошел дом и вернулся туда, откуда начал. Я вышел из машины и окликнул его. Я был настолько испуган тем, что произошло со мной на дорожке, ведущей к дому, что боялся подойти ближе. Даг повернулся и крикнул мне оставаться в машине. Я подчинился и продолжил наблюдать за происходящим из салона автомобиля. Помощник приблизился к тому месту, где у меня случился приступ ужаса. Не доходя совсем немного – около двух футов – он замер на несколько секунд, а затем решительно сделал два больших шага вперед и оказался почти рядом с крыльцом. И... И...

Нервы Теда сдали – он закрыл лицо ладонями и его тело начало сотрясаться от рыданий. Мне стало уже совсем не по себе.

– Мистер Коулмэн, – обратился я к шерифу, – Может быть, нужно что-то сделать с Тедом – он явно нуждается в помощи.

– Нет-нет, не нужно! – поднял залитое слезами лицо хозяин дома, – Я принял еще одну таблетку успокоительного. Просто она пока не начала действовать. Что-то случилось со мной там – на дорожке, ведущей к крыльцу. Я чувствую себя абсолютно разбитым и обесиленным. Но все-таки не настолько, чтобы меня надо было везти в больницу.

Я посмотрел на шерифа. Тот молча кивнул, как бы подтверждая версию Родса о его удовлетворительном состоянии.

– Даг сделал пару шагов и – по словам Теда – рухнул на колени. А затем, заливаясь слезами и весь трясясь от рыданий – прямо как Тед сейчас – достал табельное оружие и пустил себе пулю в висок.

Последние слова шериф произнес практически бесстрастно – судя по всему, он подавил в себе все эмоции, чтобы они не мешали делу.

– А вы сами пробовали подойти к дому?

– После самоубийства Дага Тед позвонил мне. Я подъехал и первым делом под дулом пистолета попросил Теда выйти из машины. Положил его на землю, надел наручники, а потом поднял и расспросил. Услышав ответы, решил, что тот спятил, посадил его в свою машину – чтобы не убежал, а сам пошел со снятым с предохранителя пистолетом в руке – на тот случай, если бы был кто-то еще замешанный в смерти моего помощника... Чтобы всадить в него пулю!

– И на том же самом месте произошло именно то, что рассказывал Тед?

– Верно. Все так и было, – подтвердил шериф, – Сильный страх, граничащий с ужасом, словно опоясывает дом по периметру. Точнее, не только дом, но и ближайшие двадцать футов. Я сам еще тоже не могу пока окончательно оправиться от оказанного на меня воздействия. А что касается Теда – сами видите, каково ему. Плюс еще его сын находится в доме и, вероятно, в самом эпицентре этой непонятной... – Коулмэн пошевелил пальцами, подбирая верные слова, но, в конце концов, только плюнул с досады и чертыхнулся.

– Почему вы не позвоните...

– Куда? – грубо оборвал меня полицейский, – Моему руководству? Спасателям?

– Не знаю. Кто-то же должен...

– Кто-то должен! И этот человек – я! – жестко сказал шериф, – И я не буду звонить начальству или кому-то еще и рассказывать о том, что произошло. Хотя бы потому, что в такой шторм никто к нам не доберется. А интуиция подсказывает, что парнишки в доме вряд ли протянут до утра при сложившемся положении дел. На самом деле, логических оснований для такого вывода нет, но я привык доверять своему чутью. Да и кроме того, – он криво усмехнулся, – кто мне поверит?

– Боюсь спросить, что я-то здесь делаю, – тяжело сказал я.

– Знаете, Андрей, как уже было сказано, я немало пожил и немало повидал. И на войне, и здесь – будучи шерифом. И совершенно точно не верю, что два события – ваш приезд в наше захолустье и данный инцидент – никак не связаны между собой.

У меня начался озноб – я внезапно понял, чего хочет Коулмэн.

– Хотите сказать, я как-то замешан в этой истории? – стиснув зубы, спросил я, стараясь унять тремор.

– Если бы я решил, что вы имеете какое-то прямое отношение к происшедшему, то, поверьте, сейчас наша беседа носила бы совсем другой характер! Вы бы в полной мере почувствовали, что такое допрос с пристрастием! У меня есть в этом опыт – можете не сомневаться. В конце концов – я сейчас буду с вами совершенно откровенен – вы могли бы просто пропасть без вести, и никто никогда не нашел бы никаких следов! Хотя бы потому, что и искать бы не стали – у нас периодически происходят несчастные случаи. В условиях близости дикой природы это в порядке вещей. Понимаете?

– Ценю вашу откровенность, шериф, – мрачно сказал я, – Но тогда что вы хотите от меня? Чтобы я сделал то, чего не смогли ни вы, ни Тед, ни ваш помощник?

– Еще раз скажу, что я не верю в то, что ваш приезд и сегодняшнее ЧП – просто совпадение. Вы пишете о различных магических штуках, анализируете их, систематизируете... Что-то еще, наверное, делаете. Приезжаете к нам и – бац! – Стив с двумя друзьями находится в зоне действия непонятной враждебной силы, Даг мертв... Что дальше, мистер Борисов?

Вы же специалист по таким вещам! Чего нам ждать? Тарелку с марсианами, которые жгут всех землян из своих плазменных пушек?

Шериф разошелся не на шутку. Мне стало совсем тоскливо. Я боялся распалить полицейского еще больше и просто промолчал. Тот несколько секунд шумно сопел, а затем вновь заговорил:

– Ситуация такова, Эндрю, – похоже, он решил больше не мучить себя, правильно выговаривая мое имя, – Ты заварил – тебе и расхлебывать! Как ты это сделаешь – не знаю. Мы окажем тебе ту помощь, которую сможем. Но тебе придется пойти туда прямо сейчас! И других вариантов нет.

Он посмотрел мне в глаза, и в них не было ни тени сомнения в том, что я соглашусь. Потому что, если бы я только попытался возразить, он мгновенно заткнул бы мне рот своим кулачищем – я читал это намерение в его глазах, в выражении лица, во всем его теле.

Мне стало очень страшно. Всего в нескольких шагах от нас начиналась территория зла. Это зло взяло под свой контроль трех подростков, до состояния паники напугала одного человека и убила другого. И сейчас мне предстояло идти к нему. Сердце билось с такой силой, что, казалось, его удары заглушали шум дождя, яростно молотившего по машине.

Очевидно, шериф понимал мое состояние и вытеснял страх внутри меня перед той, неведомой, угрозой другим страхом – вполне реальной и осязаемой опасностью, которую представлял для меня он сам.

Я кинул взгляд на Наташу, которая испуганно переводила взгляд то на Коулмэна, то на меня.

– Она ничем не поможет тебе, Эндрю, – сказал полицейский. Наташа, видимо, забывшись от страха и растерянности, не перевела, но я смог понять эту фразу самостоятельно. – Повторяю, у тебя нет другого выхода. Чем дольше ты будешь сидеть на месте, тем меньше решительности у тебя останется. Уверен, что знаешь это не хуже меня. Поверь, я сам не рад вынуждать тебя таким образом – все-таки я не садист по своей природе, но не надейся на пощаду, если откажешься. В этих местах закон – это я! Я несу ответственность за этот город и за этих людей, и я буду абсолютно безжалостен, охраняя их! А теперь – иди!

С этими словами он перегнулся через меня и открыл дверь. А затем той же рукой, не особо церемонясь, вытолкал наружу.

Я вылез из машины. Сзади раздался звук захлопнувшейся двери. Ливень обрушился на меня словно водопад. Я даже не думал, что с неба может лить столько воды.

«Так и весь город смыть может...»

Я стоял лицом к светящимся окнам и находился словно в оцепенении, которое не мог нарушить даже льющий как из ведра дождь.

«Господи! Я даже не попытался возразить! Что со мной? Гр-р-ребаный полицейский умеет давить! Что будет, если я откажусь? Решится ли он убить меня при двух свидетелях?»

Если дождь не был способен вывести меня из ступора, то в отличие от него сигнал машины шерифа обладал таким потенциалом. Я вздрогнул от резкого звука, вспомнил слова Коулмэна, его габариты, кулаки с побелевшими костяшками, сжимающие руль, и сделал маленький шаг вперед.

Второй. Третий...

К пятому я оставил весь свой старый привычный мир позади. Мне доводилось попадать в переделки, и из них я раз и навсегда усвоил, что в такие моменты чего точно нельзя делать – так это думать о посторонних вещах.

Сейчас самое главное – настоящий момент. Нет больше теплого уютного дома, нет друзей, не существует никого и ничего, кроме вот этой мокрой травы, по которой я переставляю ноги, кроме дождя, скрывающего в своей пелене все на расстоянии нескольких метров, кроме жуткого непонятного зловещего дома, войти в который я должен. И кроме меня, пре-

вратившегося сейчас в самое опасное существо на планете – человека, который загнан в угол и который хочет выжить любой ценой.

Я пригнулся так, что спина стала почти параллельной земле и на полусогнутых ногах начал красться вперед, продвигаясь как можно плавней и осторожней. У меня не было никакой специальной подготовки – диверсионной, спасательной, разведывательной. Я просто очень хотел выжить. Я не мог позволить себе умереть, запечатлев в памяти в качестве последнего виденного мной лица морду Коулмэна.

Я понял, что накручиваю себя. Да, и это было правильно. Пусть злость вытеснит страх, точнее, пусть этот жуткий испуг превратится в ярость!

«Да, б..! Я сделаю то, что не смогли они! А потом вернусь и зубами перегрызу шерифу глотку!!!»

Я чувствовал, что мышцы и нервы напряжены до предела. Глаза впивались в стену дождя, проникали взглядом вперед настолько, насколько это только было возможно, пытаюсь высмотреть хоть что-то впереди. Хотя это было крайне непросто – пространство впереди освещалось лишь окнами дома, как уже было сказано, слабо различимыми сквозь ливень.

«Странно, почему в доме горит свет? Если вызывали духов, то должны были, наверное, выключить».

Через несколько шагов я сошел с травы на асфальтированную дорожку и двинулся по ней. Стали различимы очертания дома. Впереди на дорожке обозначилось какое-то темное пятно.

«Даг». Да, наверное, это был он...

И в этот момент меня «накрыло».

«Я умру! Умру!! Умру!!! Нет! Только не это! Надо бежать! Скорей бежать отсюда!! Впереди находится такой кошмар, который я не смогу перенести! Я не хочу даже думать об этом!!!»

Мне казалось, что сейчас из темноты внезапно возникнут и набросятся на меня все жуткие твари, которые только могут существовать – не только в этом, но и в параллельных мирах. Мозг отключился, полностью отдавшись во власть паники. Я замер, охваченный скользящим леденящим ужасом.

«Дыши! «Заземлись!» Что с тобой происходит?» – внезапно откуда-то из подсознания выплыли наработки, сделанные во время практических занятий по психологии.

Я упал на четвереньки, больно ударившись об асфальт правой коленкой, и заговорил сам с собой вслух, стараясь не поддаваться дикому желанию вжаться в землю и ползти назад, а также краем сознания отмечая, как громко стучат мои зубы, когда выговариваю слова:

– Я в панике! Мне очень страшно! Очень!!

«Что происходит? Что тебя пугает?»

– Что меня пугает? Меня пугает ЭТО!! То, что находится в доме!

«Где оно сейчас? Ты видишь его?»

– Нет, не вижу, но я ЧУВСТВУЮ его!

«Да. Ты чувствуешь. Это твои чувства. ТВОИ! Понимаешь? Скажи мне, чьи это чувства?»

– Мои! Это МОИ чувства!!

«Хорошо. Тогда что же происходит? Ты видишь это зло?»

– Пока нет.

«Тогда чего же ты боишься ПРЯМО ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС?»

Я испуганно поднял голову и огляделся. Ничего не менялось – шел дождь, впереди виднелись освещенные окна дома, подо мной был твердый асфальт.

И тут до меня дошло. Осознание было настолько сильным, что его можно было смело причислить к разряду инсайтов.

Я сел на зад, вытянув одну ногу вперед, а другую поджав под себя, и стал ждать.

Одна секунда сменяла другую. Я молча сидел и бездействовал, одновременно прислушиваясь к себе. Я увидел причину страха. Она была настолько простой и ясной, что, несмотря на ситуацию, хотелось плакать от смеха.

Дело в том, что в позиции «здесь и сейчас» угрозы никакой не было. То есть потенциально была – со слов Теда и шерифа она скрывалась впереди. Но прямо сейчас я просто сидел в луже воды и в физическом мире со мной ничего не происходило. Страх появился из ожидания того, что «пообещали» мне Тед и Коулмэн. Но эти «обещания», по существу, представляли собой мои фантазии. Некую иллюзию, созданную воображением.

– Потому что ПРЯМО СЕЙЧАС в физическом мире опасности нет! – вслух сказал я сам себе и засмеялся.

Я смеялся потому, что почувствовал, как страх отступает, лишившись какой-либо существенной опоры в сознании. Конечно, невозможно было полностью убрать тревожное ожидание, и поэтому он не исчез полностью, однако все же его интенсивность ослабла настолько, что я смог встать на ноги в полный рост (хотя, отчасти, это было излишне самоуверенно – но мне нужно было нечто такое, чтобы подбодрить самого себя).

Колени дрожали, но стоять я мог. Я сделал небольшой шаг вперед и почувствовал, как в моей голове словно шарит чья-то невидимая рука, пытаюсь найти места, за которые можно было бы «зацепить» меня.

Все страхи – появившиеся недавно и родом из далекого детства – все они начали всплывать и шептать, говорить, кричать:

– Ты умрешь!

– Сколько можно смотреть телевизор! Это что за противный ребенок!

– Вот выброшу тебя на помойку!

– Мы доберемся до тебя!

– П... ц тебе завтра, понял?!

– Я буду снимать с тебя кожу медленно! Очень медленно!

Сознание заполнили образы невообразимо отвратительных созданий – порождений моей фантазии и фантазии режиссеров фильмов ужасов, авторов иллюстраций к книгам со страшными историями и взявшиеся еще непонятно из каких источников. Чудовища, монстры, жуткие маленькие девочки с черными провалами пустых глазниц, а также реальные персонажи моей жизни, которые в разные периоды пугали меня – все они лезли в мою голову с такой силой, что оставаться хотя бы краешком сознания в реальности было невероятно сложно.

Возможно, если бы не дождь, я бы не выдержал натиска и провалился бы в это сумасшествие, но сильные холодные капли, падающие на голову и стекающие за воротник, все же помогали не забывать, где я нахожусь на самом деле.

«Каково тебе?»

– Очень страшно! Очень!

«Что пугает? Только вот здесь – в реальности».

Снова смотрю на окружающие предметы, стараясь не обращать внимания на крошечный хаос в сознании.

– В реальности – ничего.

«Значит, что происходит?»

– Пугаю себя тем, чего на самом деле нет.

«Это просто твои фантазии?»

– Да, верно. Это мои галлюцинации.

И потом сначала:

«Каково тебе?»

Эта беседа «между мной и мной» вытаскивает из бреда, в который меня затягивает неведомая злая сила. После каждого цикла вопросов и ответов я возвращаюсь в реальность, чтобы через несколько секунд вновь почувствовать опасную близость потери границы между явью и галлюцинациями.

И еще шаг. И еще. Я подхожу к телу мертвого полицейского. Он лежит на асфальтированной дорожке лицом вниз, головой в сторону крыльца.

Рядом с телом валяется выпавший из руки пистолет. Я наклоняюсь и беру его в правую руку. Я не умею стрелять из таких (из «Макарова» только немного) – даже не знаю, что за модель. Но с ним становится как-то спокойнее, появляется чувство уверенности.

Я переступаю через Дага. Вот и крыльцо. Поворачиваю ручку – незаперто. Вхожу. Горит свет, и я вижу, что перед выключенным телевизором в холле сидят на диване трое детей. Их глаза открыты, но в них одна сплошная пустота. Один из верхних углов комнаты – тот, который слева от висящего на стене телевизора – затянут какой-то черной паутиной. Она представляет собой почти правильный треугольник с длиной каждой из сторон более одного метра. Паутина многослойна и прячет от взгляда то, что находится в самом углу. Но там что-то есть – я очень хорошо чувствую это.

Я снимаю пистолет с предохранителя (сколько раз видел это действие в фильмах и играх!), направляю ствол в сторону черного пятна и давлю на спусковой крючок. Раздается звук выстрела – сухой, резкий, громкий. Я чуть ли не физически ощущаю огромное облегчение. Нажимаю еще и еще – до тех пор, пока боек не начинает бить вхолостую.

Я опускаю руку с пистолетом – все кончено. Давление на мозг больше не ощущается. Чувство такое, как будто сбросил с плеч целую гору. Я поворачиваюсь к детям и вижу, как они начинают, растерянно моргая, приходить в себя.

– Пойдемте отсюда! – говорю я и показываю на открытую дверь. Они послушно встают и выходят на крыльцо. Мы вместе спускаемся с него и идем по асфальту к угадываемым сквозь пелену дождя машинам.

Мы доходим до мертвого полицейского, когда один из ребят внезапно падает, как подкошенный, на спину. Я подбегаю и смотрю в его лицо. Его глаза остекленело смотрят вверх и капли дождя, падающие прямо на роговицу, не вызывают никакой реакции. Я слышу сзади шум, резко оборачиваюсь и вижу, что двое других детей также валятся на асфальт.

Что я наделал! Было же понятно, что нельзя так поступать – рубить с плеча! Как я мог! Что я наделал!! Три мертвых детских тела – и здесь некого больше винить, кроме одного-единственного человека!

В сердце рождается невыносимая боль. Я не могу жить с таким грузом. Я никогда не прощу себя! Как я посмотрю в глаза Теду? Пусть эти люди мне незнакомы, но я погубил жизни ни в чем не повинных детей! Я просто не заслуживаю права на жизнь!

Хорошо, что есть пистолет. Вот, кстати, и он – лежит рядом с телом мертвого Дага. Я наклоняюсь, поднимаю его и с горькой усмешкой – так как моя жизнь не заслуживает того, чтобы ее оплакивать – подношу тяжелый металлический предмет к своему виску.

Резкий звук, донесшийся откуда-то издалека, заставляет меня инстинктивно вздрогнуть и опустить руку. Звук повторяется. Это же выстрел! Кто может стрелять? Я оборачиваюсь, и в этот момент раздается третий выстрел – еще более отчетливый.

Я пришел в себя и понял, что стою на коленях возле тела помощника шерифа. Моя правая рука сжимала пистолет – вероятно, «Беретту», но я и правда не силен в этих вещах. Раздался четвертый выстрел, и вместе с ним я услышал автомобильный гудок. Я обернулся и увидел, что недалеко от «границы страха», опоясывающей дом Теда, стоит Коулмэн с помповым ружьем в руках. Судя по положению ружья, он стрелял в воздух.

– Шериф! – крикнул я, – Ты все-таки решил меня пристрелить?

– Эндрю! Брось пистолет, пока не...! – заорал в ответ Коулмэн.

– Что? – я не смог перевести последние слова, равно как и уловить в целом смысл происходящего.

«А как же мертвые дети?» Я перевел взгляд обратно на дорожку перед собой и понял, что никаких детей передо мной нет.

– Ты что, хочешь повторить поступок Дага?! Брось сюда пистолет, парень! Не делай этого!

Я пару секунд тупо смотрел на мертвого помощника, на свою руку, сжимавшую черную влажную рукоятку, а потом до меня разом дошло, что же именно случилось. Я резко повернулся и выбросил в сторону шерифа руку с пистолетом, одновременно разжимая пальцы. Пистолет улетел куда-то в сторону, но это было неважно – главное, что я теперь не мог быстро до него добраться.

– Я что – чуть было не застрелился? – крикнул я шерифу.

– Да! Если бы я не стал стрелять, а Наташа сигналить – думаю, ты бы сейчас был мертв.

Неизвестная сила, обосновавшаяся в доме, сыграла со мной злую шутку. В какой момент я выпал из реальности? Даже не знаю. Но она очень тонко и незаметно увела меня, убедительно разыграв в моем мозгу спектакль, где я сыграл роль главного героя. И ввиду того, что жанром была выбрана трагедия, главный герой в конце должен был умереть. Хорошо, что Коулмэн так вовремя прервал представление. Вот уж не ожидал, что в ближайшие тысячу лет буду испытывать к нему чувство благодарности.

– Ты сможешь идти дальше?

Я чувствовал себя измотанным борьбой со всеми своими внутренними монстрами. Казалось, что моих сил не хватит даже на то, чтобы подняться на ноги.

– Сейчас, подожди... – ответил я.

Я пытался собраться с мыслями, но, похоже, у меня не было на это энергии. В голове по-прежнему водили хоромы какие-то кошмарные видения и я, как мог, старался отпихнуться от них. Невыспавшийся, уставший от стресса и нервного перенапряжения разум не мог ни на чем сконцентрироваться.

«Стоп!»

Не зря существует мнение, что рассудок зачастую только мешает нам увидеть решение. Иногда гораздо результативней довериться интуиции, голос которой обычно мы не слышим из-за постоянно идущего в сознании внутреннего диалога. И именно поэтому великие открытия порой совершались людьми в состоянии усталости, стресса или наркотического опьянения, когда мозг был не в состоянии поддерживать обычную кашу из мыслей.

«Бла-бла-бла... Великие люди и иже с ними... Давай, шевелись быстрее, пока не сожрали или еще чего!»

Я с трудом поднялся на ноги и, вытянувшись в полный рост, перестал сопротивляться атакам собственных страхов. По телу, снизу вверх, начиная от низа живота прокатилась волна паники, которая, дойдя до головы, подняла волосы дыбом. Ужас ледяной водой затопил все сознание. И когда от полной потери рассудка меня отделяла лишь какая-то почти неразличимая тончайшая грань, я открыл рот и буквально исторг из себя крик, в который вложил все то, что творилось в моей душе.

Осколки чувств, переживаний и эмоций вылетали из горла, расцарапывая его в кровь. Все-все, что накопилось – и накопилось не за этот жуткий вечер, а за всю мою жизнь, ибо неведомая сила ничего не принесла в меня извне, а лишь подняла из глубин подсознания – все это выходило сейчас из меня в одном истошном нечеловеческом крике-вопле.

А потом все было именно так, как я и предполагал. Превозмогая слабость, на ватных, неслушающихся ногах я сделал шаг вперед и, споткнувшись о Дага, упал прямо на него. Несколько мгновений я просто лежал неподвижно, а затем перевалился через тело и вновь

поднялся на ноги. В звенящей тишине сознания я держал только одну мысль – дойти до сидящих на диване детей и привести их в чувство.

Та же самая невидимая рука, что и раньше, вновь искала в моей голове то, за что она может снова ухватиться и повести меня, как быка за кольцо, вставленное в нос – одно из самых его чувствительных мест. Но в психике не осталось ни одного «заряженного» эмоциями фрагмента. Была лишь одна-единственная цель, и эта цель вела меня по асфальтированной дорожке прямо к дому со светящимися окнами.

Каждый шаг давался с огромным трудом – слабость и головокружение манили, тянули и уговаривали меня остановиться и присесть отдохнуть хотя бы на минутку. Я чувствовал стальной вкус во рту – душераздирающий крик не прошел для меня даром, я сорвал горло до крови. Перед глазами шли какие-то зеленые круги, разводы и полосы.

Спустя примерно две вечности я стоял на крыльце. Я взялся за дверную ручку и повернул ее. Как же это хорошо – что в Америке не принято запираяться! Ручка легко поддалась, позволив двери гостеприимно распахнуться.

Я оказался внутри освещенного холла.

На первом этаже стены практически отсутствовали – холл и кухня, по существу, представляли собой одно помещение. Кухонная зона начиналась слева от входа, а прямо передо мной в нескольких метрах впереди находилась лестница, ведущая наверх. Но меня больше всего интересовал холл, в котором я и находился. На стене, расположенной справа от меня, висел большой телевизор, а перед ним стоял диван, на котором и расположились «главные виновники торжества». Они неподвижно сидели с неестественно прямыми спинами и смотрели в черный пустой экран.

Я сделал шаг вперед и почувствовал, что воздух стал физически ощутим. Он приобрел плотность, массу и заряд – мне приходилось продирается сквозь него, испытывая при этом чувство, как будто меня непрерывно бьют крошечными электрошокерами. Свет не стал менее ярким, но мне показалось, как будто в комнате становится темней из-за чего-то растворенного в воздухе, что сгущалось с каждой секундой.

Еще один шаг. До ребят осталось метра полтора. Еще один. Я уже видел их остеклевшие немигающие глаза, уставившиеся в одну точку.

И в этот момент что-то заставило меня обернуться.

Наверное, лучше бы я этого не делал. Потому что от увиденного я застыл и уже не мог пошевелиться – слишком уж жутким было для меня это зрелище – страх вновь смог овладеть мной.

На пороге стоял помощник шерифа Дуглас. Обмякшее тело выглядело так, как будто оно не стояло на своих ногах, а его подвесили на невидимые нитки, превратив в огромную страшную марионетку. Синие веки были приоткрыты и в образовавшиеся щели на меня белесо отсвечивали белки закатившихся глаз. Вряд ли мертвому помощнику нужно было их использовать, чтобы видеть меня. С насквозь промокшей формы на пол стекали ручейки воды, образуя под ногами мертвеца небольшие лужи. Ожившее тело сжимало в правой руке невесть откуда взявшийся пистолет.

Мое сердце остановилось. И словно в кошмарном сне я наблюдал, как медленно, будто бы лениво и неохотно, поднимался черный дульный срез на уровень моей головы. У меня не было сил ни пошевелиться, ни сказать что-то, ни даже вздохнуть. Я просто стоял неподвижно и, наверное, в моем теле остановились в этот момент почти все физиологические механизмы.

Ствол поднялся до необходимой высоты и раздался удар бойка, щелкнувшего вхолостую.

«Не снял с предохранителя!»

Звук привел меня в чувство, и я сделал единственное, что мог в этой ситуации с учетом полностью закончившихся у меня сил. Я просто дернулся в сторону ребят – прямо так и

оставшись наполовину развернутым в сторону мертвого помощника шерифа – и повалился прямо на них.

«Может быть, это заставит их прийти в себя, и все закончится?» – было моей последней мыслью перед тем, как погрузиться в темноту.

* * *

– ...тащите его, давай, за ноги...

– ... без страховки, шериф...

– ...мой друг...

– ...не выживет, то тогда ты сам не выживешь, Фред, поверь...

Я открыл глаза.

Стены больничной палаты были выкрашены в два цвета – снизу в синий, сверху – в белый.

«Надо же – я думал, только у нас так красят».

Я принялся разглядывать окружающую обстановку, аккуратно пробуя шевелить головой. Это получилось довольно легко и не повлекло за собой никаких неприятных ощущений. В палате площадью примерно в десять квадратных метров я был один. У противоположной стены стояла еще одна кровать, но сейчас она была пуста. Никаких шкафов, оборудования или ширм. Просто две кровати, пол, потолок и стены, в одной из которых находилось окно, а в противоположной ей – дверь.

«Что такое? Не сезон для больных?»

– А, отлично! Уже пришли в себя! – в палату зашел молодой улыбающийся врач, облаченный в белоснежный халат.

– Да, похоже на то. А вы не могли бы сказать, что со мной произошло?

Врач неожиданно перестал улыбаться. Он встал рядом с моей кроватью – так близко, что это можно было бы смело классифицировать, как «навис надо мной».

– А вы не помните? – его брови сошлись над переносицей, а взгляд стал тяжелым, прицельным, изучающим.

Я открыл было рот, но вовремя спохватился: «Что я ему расскажу? Как боролся с нечистой силой?»

– Нет, доктор, не могу вспомнить.

– Хм-м-м, странно. Очень странно. При вашем сравнительно легком недомогании и такая потеря памяти. Очень странно, – еще раз повторил он, а потом внезапно наклонился к моему лицу и свистящим, наполненным злостью шепотом произнес, – И то, что смерть троих детей на твоих руках – тоже не помнишь?!

Я вспомнил. Вспомнил, как они валились на мокрый асфальт словно тряпичные куклы, и почувствовал в груди невыносимую боль. Из моих глаз совершенно бесконтрольно хлынули слезы – видимо, нервное перенапряжение минувшей ночи принесло свои плоды.

Доктор посмотрел на меня, и в его глазах промелькнуло какое-то подобие сочувствия:

– Я понимаю, – уже гораздо мягче сказал он и, выпрямившись, чуть отодвинулся от кровати, – Понимаю вашу боль и чувство вины.

Не в силах говорить, я лишь молча кивнул. Рыдания душили меня. Больше всего на свете в тот момент я хотел одного – умереть.

– У меня есть способ помочь вам, – продолжил молодой человек, – Я знаю, что вы не сможете жить с таким грузом. Сколько уже подобных случаев мне доводилось видеть! Каких только способов не придумывают люди, чтобы расстаться с жизнью! Выпрыгивают из окна, бросаются с мостов в реку, обливают бензином и поджигают себя! – он горестно покачал головой, – Не думаю, что для вас это достойная перспектива.

Он немного помолчал, не спуская с меня очень серьезного, но все же наполненного теплом взгляда, который я ощущал, несмотря на то, что слезы, стоявшие в глазах, затуманивали взор. Внезапно он залез руками под халат и вытащил из-за пояса нечто, что я сначала не разглядел. Но потом сморгнул, убирая влагу, и обомлел:

– Это же...

– Да, господин Борисов. Это пистолет Дугласа Уилкинсона – помощника шерифа, погибшего при выполнении задания! – торжественно произнес врач, – У вас есть хорошая возможность уйти из жизни добровольно и с честью. Так, как это делают настоящие мужчины!

С этими словами он своей левой рукой взял мою правую и вложил в нее пистолет Дага. А затем без всякого предупреждения и замаха влепил мне пощечину!

И еще одну!

Я попытался спрятать голову от следующего возможного удара и почувствовал, что соскальзываю куда-то в сторону, но в этот момент сильные руки схватили меня за воротник и вернули в устойчивое положение, прислонив спиной к холодному и сырому.

Я открыл глаза и в темноте увидел прямо перед собой ясные глаза Коулмэна.

– Не надо! – просипел я сорванным горлом, увидев, как поднимается его ладонь. Я сидел на мокром асфальте, вытянув вперед ноги и прислонившись спиной к колесу автомобиля шерифа.

– Очнулся? Отлично! – глаза полицейского сверкали так, что даже несмотря на мрак, было заметно.

– Шериф, – вымученно прошептал я, – что происходит? Где я? Я уже ничего не понимаю.

Коулмэн пристально посмотрел на меня, буквально пробуравил своими темными глазами, а затем внезапно устало улыбнулся и аккуратно похлопал по плечу.

– Ты молодец, парень! Этих маленьких... (я не смог перевести) мы уже забрали. За тобой вернулись через минуту. Вытащили и принесли сюда. Точнее, я вытащил, и я же принес. Ты нетяжелый, так что, проблем не было.

– Подождите, давайте с того момента, как вы приехали за мной в гостиницу, – каждое слово давалось с огромным трудом и причиняло боль.

– Ты серьезно? – удивленно возрился на меня Коулмэн.

Я кивнул.

– Хорошо. Но тогда надо тебя отвезти в сухое место, переодеть, просушить и напоить горячим...

Я не смог перевести.

– Что?

– Алкоголь, водка – понятно?

– Не пью, – устало ответил я, – Сухое... Теплое... Очень хочется... Поедем.

Ноги подкашивались и плохо слушались. Поддерживаемый шерифом, я сел в машину и сразу же отключился...

Мне показалось, что я проснулся от пения птиц за окном. Какое-то время лежал с закрытыми глазами и приходил в себя после сна. Было хорошо и тепло. И не хотелось вставать и что-то делать. Хотелось просто продолжать лежать и наслаждаться мягкостью кровати, запахом свежего постельного белья, звуками природы.

Внезапно, прервав идиллию, на меня разом, словно ведро холодной воды, обрушились воспоминания сегодняшней ночи, и я мгновенно открыл глаза.

«Так, прежде всего – где я?»

Я рывком сел на кровати и стал оглядывать комнату. Через несколько секунд пришло понимание, что я нахожусь в гостиничном номере. Голый. Под тремя одеялами. Часы пока-

зывали 8–19. За окном светило утреннее солнце и ничего не напоминало о вчерашнем ненастье.

«Что произошло? В том смысле, что произошло на самом деле?»

Я чувствовал, что не в состоянии разобраться, какие воспоминания являлись настоящими, а какие – просто обрывками видений и снов. Но в самую первую очередь следовало привести себя в порядок. Контрастный душ взбодрил меня, придал сил и вернул в реальность. Я проделал необходимые утренние процедуры, оделся и спустился вниз, чтобы позавтракать – надо сказать, голод ощущался очень и очень сильный.

Когда я показался в кафе на первом этаже, Мэтт и его двадцатилетняя дочь Сара – рыжая высокая девушка – уставились на меня с таким выражением лиц, что я растерялся и на всякий случай спросил, чувствуя, как горло откликается на каждое слово несильными, но все же болезненными импульсами:

– Я могу позавтракать? – и, видя, что они продолжают молчать, добавил, – Я очень голоден!

У меня сложилось впечатление, что последняя фраза словно запустила какой-то механизм в их сознании. Они сразу ожили и даже несколько засуетились.

– Да, конечно, сэр! – воскликнула дочь хозяина и улыбнулась. При этом в ее взгляде читался неподдельный интерес. Однако ни Мэтт, ни она не задали мне ни одного вопроса.

Сара приняла у меня заказ и ушла на кухню. В кафе, кроме меня, не было ни одного посетителя.

«Ни одной живой души», – пришла в голову мысль, заставив меня криво усмехнуться. Да, теперь для меня эта обыденная фраза звучала несколько иначе – появился дополнительный смысл.

Я с трудом дождался заказа и с жадностью набросился на него, уничтожив буквально за несколько минут. В тот момент, когда с едой было почти покончено, в кафе вошел шериф. Он обвел помещение взглядом и остановил его на мне.

– Привет, Эндрю!

– Доброе утро, шериф! Вы ко мне?

Он пару секунд непонимающе смотрел на меня, а потом рассмеялся, прошел к моему столику, громко стуча сапогами, и сел напротив. В этот момент в дверях появилась Наташа, которая, похоже, задержалась снаружи.

Сейчас, при ярком освещении я мог разглядеть ее более подробно. В этот раз она была не в том бесформенном плаще, который был на ней в ночь происшествия, а в обтягивающей короткой кожаной куртке и узких голубых джинсах – весь комплект подчеркивал ее стройные формы. В машине шерифа она показалась мне довольно симпатичной, и сейчас я еще раз убедился в этом.

Наташа нашла нас взглядом, поспешила к столику и села рядом с шерифом. При этом ее голубые глаза сверкали, просто как... Даже не знаю, как что. Пусть будет «как алмазы». Ярко, в общем, сверкали. И смотрела она на меня так, что мысли мои путались и убегали куда-то в сторону.

– Ты в курсе, что проспал весь вчерашний день? – усмехаясь, спросил Коулмэн.

– Нет, – ответил я.

«Ничего себе! Хотя, с другой стороны, неудивительно».

– Теперь знаешь.

– Это вам Мэтт позвонил, что я проснулся?

– Да. Я попросил его не будить тебя, а просто дать знать, когда ты встанешь.

– Спасибо! Благодаря этому я чувствую себя очень неплохо.

– Пожалуйста... М-да, итак, последний твой вопрос перед отключкой был о том, что, вообще, произошло, верно?

– Да. Но подождите...

– Что такое? Ты же хотел услышать, что произошло.

– Просто я не ожидал, что это будет как-то вот так... Внезапно, что ли.

– А зачем тратить впустую время? Так что, слушай. Похоже, вся эта история неслабо проехала тебе по мозгам.

И шериф начал рассказывать, а Наташа, соответственно, переводить, при этом не переставая буравить меня своими глазами так, что я почувствовал, как едва удерживаюсь от того, чтобы не покраснеть.

Коулмэн действительно приехал за мной в гостиницу. Затем был разговор в машине с участием Теда и Наташи. Затем я пошел в дом...

«Ага – пошел! Правильней сказать, послали, не оставив выбора», – подумал я, но не стал говорить это вслух.

Я согнулся и двинулся по газону в сторону крыльца. Через несколько шагов упал на четвереньки и немного постоял в таком положении. Потом сел на зад и засмеялся. Так сидел около полуминуты. Затем встал и вновь двинулся вперед.

Тут надо сказать, что когда я двинулся к дому, шериф тоже вышел из машины и пошел вслед за мной. Он не собирался идти дальше «границы страха», но решил быть поближе на случай, если понадобится помощь. И она понадобилась – я дошел до тела Дага (в этом месте шериф помрачнел), около минуты постоял возле него неподвижно, а затем упал на колени (прямо как Дуглас, будучи еще живым), взял пистолет помощника и поднес к виску. В этот-то момент шериф и начал стрелять в воздух, надеясь резким звуком вернуть меня в реальность.

Что тут скажешь? Хороший план – сработал просто «на ура». Без этого я бы сейчас не сидел тут, набивая живот.

После того, как мы обменялись парой фраз и я выкинул пистолет, он понял, что я пришел в себя и перестал стрелять. Но тут он увидел, что я внезапно встал и заорал «как полностью больной на голову», ввиду чего Коулмэн, похоже, здорово напрягся (хотя и не признался в этом) и взял меня на мушку своего помпового ружья – чтобы, если развернусь и кинусь на него, всадить в меня заряд дроби.

Я представил последствия такого выстрела и поежился.

Однако опасения шерифа оказались напрасными. Я поплелся в сторону входа в дом. По пути упал на тело помощника, но довольно быстро поднялся и без труда (ну, да, конечно – без труда!) добрался до дверей.

И вот тут началось самое интересное (по выражению полицейского). Коулмэн стоял вплотную к «границе», когда увидел то, от чего у него волосы встали дыбом. Тело Дугласа внезапно зашевелилось и поднялось на ноги, но у шерифа даже и тени мысли не мелькнуло, что Даг мог оказаться жив, так как выглядел этот подъем так, словно невидимая рука взяла мертвеца за шкуру и потянула вверх. Откуда-то из темноты в руку помощника влетел его пистолет, и получившаяся конструкция поплыла в сторону дверей.

Коулмэн остолбенел и пришел в себя только когда Даг добрался до входа. Тогда он (здесь надо отдать ему должное), пренебрегая полученным опытом общения с «зоной страха», рванул по дорожке к крыльцу.

– И, кстати, знаешь, Эндрю, почему-то в этот раз испуга не было! Наверное, сказалось состояние аффекта.

Наверное. Продолжайте, шериф.

Когда полицейский оказался в дверях, то, судя по всему, одновременно произошли следующие события. Во-первых, я упал на ребят, и это действительно вывело их из «магического ступора» (йу-ху! я молодец!) Во-вторых, Коулмэн «с бедра» выстрелил в Дага, благодаря чему тело последнего улетело в сторону лестницы и больше уже не поднималось. А что в-третьих? В-третьих, я вырубился.

Шериф, не спуская глаз с тела своего помощника, отрезвляющими криками (интересно, это какими?) заставил ребят выйти из дома и направиться к его машине.

– Признаюсь тебе честно, Эндрю. В тот момент я больше думал о детях, поэтому оставил тебя на минуту наедине с Дагом, чтобы проводить ребят до машины и убедиться в их безопасности. Думаю, ты поймешь меня, – Коулмэн проникновенно посмотрел мне в глаза. Я усмехнулся, отвел взгляд в сторону и кивнул.

Потом он вернулся в дом, убедился, что тело помощника находится в том же положении, в каком и было оставлено, поднял меня, перекинул через плечо и принес к машине.

– Я подумал, что имеет смысл попытаться привести тебя в чувство сразу – пульс прощупывался, то есть ты был жив. Решил, что нужно вывести тебя из отключки – вдруг это состояние позволило бы той темной силе завладеть тобой.

– Ну, что ж, спасибо, что не пристрелили! – усмехнулся я.

– Не буду скрывать – я был готов сделать это, если понадобится.

Шериф растянул рот в усмешке, увидев, как моя ухмылка сползла с лица, когда я услышал последнюю фразу.

– Но, как бы то ни было, ты пришел в себя. Правда, ненадолго – спросил меня, что происходит, сказал, что хочешь в тепло, и снова вырубился. Но я почему-то успокоился после этого и отвез тебя в гостиницу. А здесь уже передал в руки Мэтга и Сары, сказав, что ты оказал неоценимую помощь полиции, и попросил позаботиться о тебе. И уехал. На этом наша с тобой встреча и завершилась. Следующий раз, когда я встретил тебя – это сегодня, сейчас.

– Что ж, все понятно, шериф. Спасибо, что рассказали.

– Пожалуйста. Но вот что хочу спросить тебя как человека, не понаслышке знакомого со всей этой чертовщиной: что это было, вообще? Что за оживающие мертвецы и «замороженные» дети?

– Кстати, как они? Может, лучше у них было спросить?

– Они не помнят ничего с того момента, как зашли в дом Стива. Сам Стив – тоже начинает путаться где-то с этой временной точки. Так что, вся надежда по прояснению обстоятельств только на тебя.

– Вы слишком преувеличиваете, шериф. Заниматься изгнанием нечисти из людей и строений – это не мой бизнес, – я усмехнулся, – Эзотерика, конечно, имеет к этому отношение, но я, наверное, просто недостаточно глубоко влезал в эту сферу в практическом плане. Да и, скажу откровенно, не стремлюсь.

– То есть совсем ничего не можешь сказать? Тогда объясни хотя бы, что за манипуляции ты проделывал, если, конечно, вспомнишь.

– Это можно. С самого начала я старался быть максимально прозрачным для силы, возникшей в доме.

– Что это значит?

– В первые секунды это самое «темное нечто» применило для своей защиты самый простой прием – воспользовалось тем, что каждый человек, просчитывая ситуацию наперед, предусматривает какие-то негативные варианты сценариев.

– Чего?

– Ну, например, выезжаете вы по вызову, так как поступил сигнал, что происходит нечто подозрительное. Например, какой-то непонятный субъект шарился где-то неподалеку от кого-то.

– Это я понимаю. И что?

– А то, что вы идете к нему вряд ли с распростертыми объятьями, верно? Скорей всего, руку на пистолете держите, когда из машины выходите, да?

– Ну, в общем-то, да. Но это просто работа у меня такая.

– Да я не прошу вас объясняться, – засмеялся я, – Я хочу сказать, что все мы стараемся предусмотреть негативные варианты развития событий, чтобы быть готовыми к ним. То есть вы идете к подозрительному человеку и готовитесь к самому худшему, верно?

– Верно.

– Так вот, этой привычкой и манипулировало то, что засело в доме. Оно заставляло этот механизм в голове человека активно работать и создавать жуткие картины того, что может произойти, если он продолжит приближаться.

– Хм-м, интересная мысль. Ну, ладно. Тогда, может, и другие вещи можешь объяснить?

– Наверное, могу. Только все это на уровне предположений.

– Пусть будут хотя бы предположения. Все-таки лучше, чем ничего.

– Хорошо. Потом, как вы помните, я чуть не разнес себе голову из пистолета помощника. Это явилось следствием того, что в какой-то момент я все же не удержался в реальности и полностью ушел в мир фантазий, выстроенных в моем сознании. Темная сила... Смешное название, но пусть будет так. Итак, темная сила, умело создавая нужные картинки в моей голове и играя таким образом на чувствах, привела меня к «пониманию», что я должен убить себя. Что я и попытался осуществить. То есть, подытоживая, можно сказать, что я просто упустил тот момент, когда выпал из реальности.

– Вроде, понятно. А что за жуткий крик – он был следствием чего?

– О! Это был мой хитрый ход! – улыбнулся я, – Я сообразил, что нужно просто освободить психику от эмоционального «заряда», находящегося в ней.

– Что это значит?

– Как бы объяснить... Ну, скажем так. У каждого в памяти есть какие-то моменты, вспоминая которые, мы испытываем сильные эмоции. Например, девушка бросила или кто-то близкий умер. И как раз они-то и являются теми объектами, за которые можно нас «вести» и манипулировать нами. Кстати, для этого не обязательно быть потусторонним объектом.

– Да, это понятно.

– И есть вот такой вот способ – можно избавиться от накопленной психической энергии в этих воспоминаниях. Для этого сначала их нужно «раскачать», то есть сделать так, чтобы они из глубин подсознания «всплыли» чуть ближе к сознанию и, вспоминая, выплеснуть все эмоции в крике.

– И что происходит? Болезненные воспоминания перестают быть болезненными?

– На какое-то время – да. Потом они снова будут набирать силу. Но, повторюсь, некоторое время они «будут молчать».

– Ок. Понимаю.

– Да, так я и сделал. Пожертвовал горлом, правда, но это не идет ни в какое сравнение с жизнью. Хотя сейчас, конечно, приходится говорить достаточно тихо.

– А я думаю – что ты все шепчешь? А есть какие-нибудь версии про...

– Ожившее тело?

– Да.

– Думаю, что сила вложилась полностью для этого шага. Поэтому-то вы, шериф, и смогли без проблем добежать до дверей – она просто всю энергию перенесла на то, чтобы поднять тело Дага, вооружить его, довести до дома и попытаться пристрелить меня.

– Гораздо проще было бы использовать просто один пистолет, без привлечения мертвого тела, верно? Или, например, ударить тебя телевизором по голове.

– Согласен. Но мы имеем дело с чем-то неизвестным нам, и почему оно так поступило – кто знает? Может, и правда, у каждого человека есть ангел, который его охраняет, и мой ангел смог направить силу по этому энергозатратному пути – кто знает... – повторил я.

– А что скажешь насчет того, как, вообще, могла завариться вся эта каша?

– Думаю, ребята и правда кого-то вызвали.

– Но, похоже, это был не очень мощный демон, верно? По крайней мере, в ужасниках все обычно выглядит куда круче.

– На то и ужасники. Если бы было скучно и «неграндиозно», то кто бы стал смотреть?

– Верно, тут с тобой согласен.

– На самом деле, думаю, что тот, кого вызвали, обладал силой, достаточной лишь для того, чтобы взять под контроль разум детей. А все остальные «проделки» – поле вокруг дома, оживший Дуглас – это совместная сила детей. Но, это уже совсем-совсем догадки.

– М-да, – промычал шериф, – Ну и дела, конечно... Ты можешь предположить, возможно ли какое-то продолжение этой истории?

– В каком смысле?

– Например, этот самый дух еще раз захватит кого-нибудь и опять натворит бед.

– Понятия не имею! – честно признался я, – Попробуйте привлечь ко всему этому церковь, шаманов, прорицателей. Сейчас время такое, что, думаю, вы сможете найти специалистов по данным вопросам.

– Понятно... – протянул он, – Ладно, пока буду приглядывать за ребятами и не допускать, чтобы они собирались вместе какое-то время – мало ли что.

– Что напишите в отчете? – спросил я.

– Что помощник шерифа Дуглас Уилкинсон застрелился перед домом Теда ввиду... Пока не знаю, чего именно, но что-нибудь придумаю.

– А что насчет дроби в его спине?

– Оставь это мне, – спокойно ответил он, – Я же говорил, что в этом городе закон – это я! Я усмехнулся.

– Ладно, Эндрю, пожалуй, мы с Наташей поедem дальше по нашим делам, – Наташа хотела было возразить, но шерифу хватило одного взгляда, чтобы не позволить бунту состояться, – Думаю, на этом наше общение закончено. Хочу сказать тебе на прощанье: мне жаль, что так получилось. Погиб Даг, и ты едва не отправился туда же, куда и он. И я не знаю, есть ли гарантия, что подобное не повторится еще раз – я по-прежнему считаю, что в этой истории есть твой вклад. Поэтому, ты уж извини, но я даю тебе 24 часа на то, чтобы убраться из моего города. Без обид, – добавил он, пристально глядя мне в глаза, – но я очень хочу, чтобы этот эпизод был последним «печальным мистическим событием» в моей жизни. Кстати, надеюсь, что ты никому не будешь рассказывать о происшедшем. Разве что, если захочешь, напиши фантастический рассказ, только добавь каких-нибудь деталей покрасивей, хорошо? – он рассмеялся. – И еще, признаюсь тебе честно, я выжду некоторое время в состоянии готовности к «борьбе с потусторонним», а потом, по истечении нескольких месяцев, постараюсь выкинуть все произошедшее из головы, просто забыть – уж больно оно выходит за грань моего понимания. Я уже не молод, и мне трудно разбираться во всей этой чертовщине. Меньше знаешь – крепче спишь! – подытожил он и грузно встал из-за стола.

– Прощайте, шериф! Счастливо, Наташа! – сказал я, также поднявшись с места.

– Пока! – несколько расстроено ответила девушка по-русски.

– Счастливо, Эндрю! – произнес Коулмэн.

Мы закрепили наше прощание рукопожатием, и они развернулись, чтобы уйти. И в этот момент я почему-то сказал:

– Знаете, шериф, я тут подумал – как же мне повезло, что пистолет оказался на предохранителе – ведь Даг успел нажать на спусковой крючок!

Коулмэн остановился, повернулся ко мне и сказал:

– Совсем забыл – Тед передавал тебе огромную благодарность. Он хотел приехать с нами, но я отговорил. А что касается везения, то скажу вот что. Мы провели экспертизу – патронник не был пуст. Так что, тебе действительно повезло. Но, на самом деле, ты даже не представляешь, насколько сильно любит тебя удача. Этот пистолет – служебное оружие

Дугласа – называется «Глок-17». Особая конструкция, – он растянул правую половину рта в кривой ухмылке, – у него нет предохранителя!

И они ушли. А я сел обратно на диван и еще очень долго смотрел на крышку стола, катая между ладоней пустую чашку из-под кофе.

* * *

Если бы только здесь можно было поставить точку...

Я открыл глаза и уставился в потолок. Мечущиеся в мозгу обрывки слов, фраз и образов превращали сознание в подобие бурлящего котла. Я спустил ноги с кровати и сел.

Интересно, я хотя бы немного поспал? За последние несколько недель единственным ориентиром, чтобы определить это, стали часы. Я забыл, что такое отдохнуть и выспаться. Ощущение бодрости ушло когда-то давно и, похоже, не собиралось возвращаться. Вместо него теперь моими верными спутниками, независящими от времени суток, стали чувство измотанности и свинцовый туман в голове.

Грань, отделяющая реальность от сновидений, истончилась, почти стерлась – события, происходящие и там, и там, воспринимались одинаково, и для того, чтобы «разлепить» их, зачастую приходилось прикладывать изрядно усилий, вспоминая что, где, как, когда и при каких обстоятельствах происходило.

Я нашупал в темноте телефон и посмотрел время: полтретьего ночи. Сколько я спал? Не знаю – забыл посмотреть на часы, когда ложился.

«На сколько меня еще хватит в таком режиме, прежде чем рассудок покинет меня окончательно? Или я уже готов к поездке в сумасшедший дом?»

Я устало провел ладонями по лицу, встал и подошел к окну. Снаружи на меня сквозь капли воды, падающие дождем с неба, смотрел тысячами огней ночной город.

«Двадцать четвертый этаж. Прекрасный вид», – мелькнула среди творящегося в голове хаоса безучастная мысль.

Я коснулся кончиками пальцев стекла. Ощущение твердости и холода. Хотя, я, скорее, ожидал, что пальцы погрузятся в него, словно в воду. Совершенно дикое и непонятное ожидание – как и, собственно, мое состояние в целом.

Дождь вскользь касался остекления, оставляя на нем длинные полосы влаги, которые сразу же начинали собираться, стремясь из размазанного состояния стать чем-то более выпуклым – превратиться в полноценные капли, но тотчас же прилетевшая новая порция воды сводила на нет все усилия предыдущей.

Я вспомнил ощущения от вымочившего меня тогда насквозь ливня.

«Что ты делаешь?! Когда «тогда»?!»

Твою мать! Я схожу с ума, в этом уже нет никаких сомнений! Меня охватила паника. Я схватил телефон. Ну, как же долго идут эти проклятые гудки!

– Алло! Александр Львович, извините за поздний звонок!

– Да он не то, чтобы поздний – он вообще какой-то такой... Ночной! Я сплю, вообще-то!

– Я понимаю, но очень нужна ваша помощь!

– Что случилось? – голос «на другом конце провода» посерьезнел.

– Давайте, я приеду и расскажу, хорошо?

– Давай, приезжай, – вздохнул мобильник.

Одна минута на вызов такси. Десять – на сборы и ожидание звонка от оператора. Еще четверть часа на то, чтобы добраться. Домофон. «Это я!» В задницу лифт – бегом на четвертый этаж. Все – я на месте!

– Здравствуйте, Александр Львович!

– Привет! Давай, заходи, присаживайся.

Мы прошли на кухню. Хороший ремонт, все говорит о том, что у хозяев квартиры дела идут неплохо. Однако обстановка безо всяких излишеств. Мебель, обои, отделка – всё «на уровне», очень добротно, но лишено какой-либо вычурности и броскости.

– Я тебе уже чай налил. Рассказывай, что случилось. Только не шуми – жена с дочкой спят.

Я сел и сделал глоток, абсолютно не чувствуя вкуса – весь ум был занят пережевыванием мыслительной каши, и сигналы от рецепторов на языке просто не могли через нее пробиться.

– Помните, я рассказывал, что пишу рассказы?

– Помню.

– И еще книгу написал.

– И это помню.

– Так вот, у меня возникли проблемы с последним рассказом...

Здесь я замялся, не зная с чего начать. Мой бывший тренер-наставник-учитель-сенсей внимательно смотрел на меня и хранил молчание. Я уже несколько лет, как забросил занятия, но мы оставались в очень хороших отношениях, и иногда я советовался с ним по каким-нибудь жизненным вопросам.

– Как бы это... В общем... В общем, ситуация такова. Я написал рассказ и... И началась какая-то нездоровая канитель!

– Что ты имеешь в виду под словами «нездоровая канитель»?

Язык не поворачивался рассказать все так, как было на самом деле, но все же говорить было нужно – иначе зачем приезжать?

– Короче говоря, я чувствую, что начинаю сходить с ума.

– Давай подробнее – из-за чего? Что случилось?

– Для того чтобы написать рассказ, мне пришлось вжиться в ту реальность – придуманную, понимаете?

– Понимаю. Ты, вообще, склонен к уходу в фантазии. Поэтому-то и взялся за писательское дело.

– Да?.. Ну, ладно. В общем, похоже, это сказало, и что-то такое начало происходить в моей психике – я не сплю нормально уже около пяти недель. Может быть, больше – потерял контроль над временем.

– А что работа?

– Работаю. Хожу туда. Сажу за столом. Звоню. Как зомби. Трудно, но справляюсь. Просто стараюсь все записывать, потому что на память сейчас не могу полагаться – все время смешиваются факты из реальной жизни, сны и те образы, которые я придумывал, когда писал.

– А твоя учеба на психолога?

– У нас сейчас как раз что-то вроде каникул.

– М-да, неудачно как-то вышло. А обратиться в больницу?

– Чтобы меня в дурку забрали?

– Если будешь продолжать – рано или поздно к тому и придет, разве нет?

– Возможно. Но я... Я не знаю. Просто не хочу, чтобы меня упекли в какой-нибудь психдиспансер и накачивали галоперидолом! Это же просто изменение физиологического состояния за счет введения химических веществ!

– Наверное. Я не знаю этих подробностей. Но тогда скажи, что ты хочешь от меня?

– Как я понимаю, любое сумасшествие – это следствие того, что в картине мира человека какие-то фрагменты не стыкуются. То есть присутствует конфликт между определенными установками – шаблонами в восприятии. Например, кто-то пятьдесят лет считал, что

коммунизм – хорошо и правильно, а потом ему активно стали внушать, что это сплошное зло.

– И что?

– Тогда у него возникает конфликт между фрагментами старой картины мира и тем, что ему навязывают сейчас. Если он не может выбрать одну из сторон, то повисает в этой неопределенности и сходит с ума. Я думаю, что вот так все происходит.

– Возможно. Но что ты хочешь, чтобы я сделал?

– Вы – мудрый человек.

– Не преувеличивай.

– Я хочу понять, что происходит в моей голове!

– А что в ней происходит?

– Там как раз идет нестыковка. С одной стороны, я думаю, что нахожусь в реальности.

С другой – что... Даже не знаю, что. Я теряю ориентиры.

Мой собеседник задумался. Я возбужденно качался на стуле. Через несколько минут молчания он сказал:

– Знаешь, вот есть же люди, у которых совсем плохо с логикой. У них в голове одни сплошные нестыковки между этими самыми фрагментами, про которые ты говоришь, верно?

– Пожалуй, – немного подумав, согласился я.

– И они не сходят с ума все поголовно, верно?

– Согласен. Кстати, слышал, что у женщин процент сумасшествия меньше, чем у мужчин. И с логикой у них хуже... Что-то не сходится с моей версией о причинах потери рассудка!

– Да, это я и хотел тебе сказать. Откровенно говоря, все же, думаю, лучше бы тебе попить успокоительных. Глядишь, полегчало бы.

– Слабые не помогают, а для сильных нужен рецепт. И опять же – что они такое? Внесут изменения в химический состав в организме, а причина-то никуда не денется!

– Ну, хорошо...

Он вновь задумался на несколько минут.

– Ладно. Попробуем разобраться. Мне кажется, я вижу, в чем может быть причина.

– В чем же?

– Не просто в самом факте наличия этих самых «нестыковок», а в том, какое значение ты им придаешь. Понимаешь?

Я дернулся головой, чтобы машинально кивнуть, но вовремя остановил себя, так как пока что говорить о понимании было рано – нужны были дополнительные объяснения.

– Вот скажи, – продолжил он, – ты сейчас, когда ко мне летел – у тебя какие чувства были? Что тебя заставило вытащить меня из постели в два часа ночи?

– Что за чувства? – я немного помолчал, прислушиваясь к себе, а потом уверенно сказал, – Страх!

– И как сильно тебе было страшно?

– Очень сильно!

– А теперь представь, что тебе все равно. То есть, примерно так: «Ну, и ладно! Может быть, я сплю, может, не сплю. Может быть, я в реальности, а может быть, нет!» Попробуй.

Я приложил усилия, чтобы из сумятицы мыслей собрать требуемую конструкцию, представил и с облегчением выдохнул – волшебным образом свистопляска в голове разом стала меньше. Посмотрел на собеседника и улыбнулся:

– Надо же! Сработало!

Он тоже улыбнулся в ответ.

– Думаю, твоя теория, в принципе, верна. Единственно, нужно добавить туда тот момент, что одного только конфликта между различными частями нашего мировоззрения мало. Необходимы еще сильные эмоции.

– Ага, понял. Ну, а что касается меня, то...

– То тебе нужно просто убрать лишний «накал страстей» и останешься в своем уме. То есть, как вас там учат, «проживать чувства, чтобы они не якорились в психике». Как-то так же ты мне объяснял? По крайней мере, я так думаю. Однако мое предложение обратиться к врачам остается в силе.

Я чувствовал значительное облегчение.

– Пока попробую своими силами. Если не поможет – тогда уж, наверное, все-таки обращусь.

– Хорошо. Слушай, как ты сам не дошел до такой простой вещи? Хотя, да – в своей-то голове всегда труднее разобраться, чем со стороны смотреть. – Я согласно кивнул. – А что там было-то такое в твоём рассказе, что тебя так зацепило?

– Ну, там главный герой попадает в американский городок, наподобие Твин Пикса из сериала Дэвида Линча. Смотрели?

– Да, смотрел когда-то очень давно. Уже почти ничего не помню. Помню только, что мистика какая-то. И что там у тебя происходит?

– Главный герой попадает в переделку, где его сознанием пытается овладеть непонятная, скажем так, темная сила. И он то выпадает из реальности, то вновь возвращается...

– А-а! Ну, все понятно! Еще, наверное, от первого лица писал, да? «Я сделал то-то... Я пошел туда-то...»

– Ну, да, – смущенно признался я.

– Ну, что ж. Думаю, что после сегодняшней нашей беседы тебя должно хорошо «отпустить». Потому что сейчас все встало на свои места, и ты сможешь многое для себя прояснить.

– То есть вы можете описать какую-то сложившуюся цельную картину относительно моей ситуации?

– Да, она выглядит следующим образом. Ты, как я уже сказал, склонен жить в придуманных мирах – стараешься сбежать из реальности.

– Если честно, я знаю.

– А что тогда шлангом мне тут прикидывался? – засмеялся он, – Ладно. Итак, ты пишешь рассказ, где опираешься на хорошо «зацепивший» тебя в свое время сериал. «Зацепивший» означает, что ты погружался в тот мир, который рисовала твоя фантазия, когда смотрел телевизор. Это твоя первая провокация своей психики. Затем ты в процессе написания погружаешься в придуманный мир. Это вторая провокация. Потом уже начинаешь играть совсем опасно и придумываешь в том – фантазийном – мире еще один, скажем так, более глубокий слой. Там, где герой начинает выпадать из его реальности в какую-то другую. То есть ты придумал еще один «уровень». В итоге, стараясь удержать всю эту конструкцию в голове, ты запутался и перестал ориентироваться вообще. Верно?

Я подумал немного и согласился.

– Ну, как тебе теперь?

– Теперь намного лучше! – с чувством огромного облегчения сказал я.

– Отлично! Как твоя голова?

– Очень хочет спать и ни о чем не хочет думать! – засмеялся я.

– Подожди расслабляться. Я хочу сказать тебе еще одну важную вещь.

– Давайте. Еще чуток напрягусь.

– Просто тебе, как человеку, занимающемуся психологией, философией, эзотерикой и прочими подобными вещами, нужно это понимать. И будет лучше, если мы разберемся с

этим моментом сейчас, чем до тебя он случайно дойдет в какое-нибудь неподходящее время, и ты окончательно сдвинешься. Ты же сталкивался с теорией параллельных миров, верно?

– Да.

– Я просто хочу расставить все точки над «i». Исходя из этой теории, да и из ряда других, подобных ей, мы не можем однозначно утверждать, что «наша реальность самая реальная из всех реальных», верно?

– Верно, – вновь согласился я, пытаюсь сообразить уставшим мозгом, куда клонит мой бывший сенсей.

– То есть та картина мира, которая у тебя сложилась в голове – как ни крути, она опирается на следующий факт – что ты сейчас находишься в «реальной реальности». А этот факт – он, вообще-то, далеко не факт.

Я почувствовал, как пол вновь начинает уходить из-под ног.

– Зачем вы начали говорить об этом? – воскликнул я, – У меня уже крыша совсем едет от всего происходящего! Мне вообще иногда начинает казаться, что меня на самом деле не существует! Что я – просто придуманный персонаж какого-то произведения!

– Подожди-подожди! Не теряй головы – еще не время! – засмеялся он. – Я тебя сейчас подбодрю. Вот смотри. Я знаю, что наша реальность может оказаться далеко не такой однозначной, как принято считать, и, тем не менее, не схожу с ума, верно?

– Верно.

– Тогда с чего бы тебе терять рассудок? Да, это мой самый основной к тебе вопрос: с чего бы тебе сходить с ума от осознания относительности нашего мира, если многие знают это и... Что? Правильно! Живут и не замораживаются совсем! Ну, как? Каково тебе?

Я подумал. Потом еще подумал и через несколько минут сказал:

– Всё так, – потом засмеялся и восхищенно спросил, – Как вы это делаете?

– Что именно?

– Вы действительно словно увели у меня почву из-под ног, но я сейчас чувствую себя нормально, не в пример тому, чтобы было еще полчаса назад!

– На самом деле, все просто, – улыбнулся он, – Я тебя поддержал в этом месте. Не стал вводить в иллюзию, что наш мир прям стопроцентно реален. Потому что этого никто не может гарантировать, что бы там ни говорили. Но ты смотришь на меня сейчас и видишь, что я не растворяюсь в воздухе, превращаясь в дым, и ты тоже никуда не пропадаешь. Для нас эта реальность – реальна. А как все обстоит на самом деле – вряд ли кто-то скажет. По крайней мере, из здесь живущих. Ладно, ты как? Все нормально? Или еще чего-то важно прояснить?

– Да нет, – спокойно улыбнулся я, – давно так хорошо себя не чувствовал! Спасибо вам огромное!

– Пожалуйста! – ответил он, – В таком случае, допивай чай и вали домой. Мне спать надо. Да и тебе тоже.

– Да, сейчас такси вызову.

Я достал телефон, собираясь заодно включить опцию подачи звуковых сигналов, так как выключил ее пока ехал к бывшему тренеру. Было бы странно, если бы кто-нибудь стал мне названивать в середине ночи, но я все равно подстраховался, чтобы нашей беседе с сенсеем не помешали.

Однако для кого-то поздний час не оказался преградой – я увидел пропущенный вызов. «Так, сначала такси».

– Алло, да, здравствуйте! Машину, пожалуйста, на адрес... – я назвал улицу, номер дома и подъезд, – Сейчас подъедут. А вы не знаете, кстати, это откуда могли звонить? – я показал Александру Львовичу высветившийся на экране незнакомый номер.

– Это тебе сейчас что ли звонили? Ничего себе, у тебя друзья! Вот откуда у тебя такая привычка – людей по ночам беспокоить! Так, что здесь... А! Ну, понятно, почему в такое время – это не Россия. Соответственно, может быть, там другой часовой пояс, и человек просто не сообразил, сколько у нас сейчас времени.

– Да, я понял, просто подумал, может, вы знаете, какой стране принадлежит этот код... О, ничего себе – уже такси подъехало! Похоже, рядом с вашим домом где-то стояло. Ладно, до свиданья, Александр Львович!

– Счастливо, Жень! Надеюсь, разберешься со всеми своими головоломками. В крайнем случае – к врачу! Ну, или хотя бы мне позвони.

– Договорились!

Я попрощался с бывшим сенсеем за руку и вышел из квартиры. Дверь за мной аккуратно закрылась, я подошел к дверям лифта и нажал на кнопку вызова кабины. Раздался звук включившегося механизма.

Я достал телефон и набрал незнакомый номер.

– Здравствуйте! Вы мне звонили несколько минут назад.

– Привет, Андрей! Это Наташа. Перезвонить? Тебе же дорого, наверное, с мобильного-то? А здесь департамент шерифа платит – я по просьбе Коулмэна звоню. Давай, наберу тебя! – я, застыв, молча слушал женское щебетанье в трубке, – Алло! Алло! Андрей! Ты здесь?

Двери лифта, стены, пол и потолок подернулись пеленой и «поплыли», теряя свою однозначность – меняя цвет, форму и структуру в каждый момент времени и не позволяя тем самым взгляду зацепиться хоть за что-нибудь стабильное.

– Здесь, – хрипло ответил я, закрыв глаза, чтобы избежать головокружения, которое возникало при виде непрерывно сменяющихся друг друга текстур и красок, – Да... Спасибо, перезвони, пожалуйста.

Нажал «отбой» и стал ждать.

С верхних этажей неумолимо приближался лифт – наверное, ехал с самого последнего. Интересно, что произойдет, когда откроются двери?

«Что дальше, мистер Борисов? Вы же специалист по таким вещам! Чего нам ждать? Тарелку с марсианами, которые жгут всех землян из своих плазменных пушек?»

– Я не знаю, что сказать вам, мистер Куолмэн, – вслух сказал я, не открывая глаз, и гулкое эхо разнесло мои слова по лестничным пролетам, – Боюсь, что сейчас у меня ответов еще меньше, чем было раньше.

Об авторе

Родился в 1982 году в г. Миасс Челябинской области. Получил высшее образование в ЮУрГУ, Челябинск. Инженер-конструктор, аэро-космический факультет. Также прошел переквалификацию на специалиста по оздоровлению. Также прошел четырехлетнее обучение на геитальт-терапевта. В настоящее время учится в магистратуре ЧелГУ на психолога. Работает руководителем отдела продаж и практикует в качестве геитальт-терапевта. Пишет прозу с 2012 года. На данный момент есть публикации, рассказ «Старатель» (журнал «Фантаскоп»); рассказ «Интеллект 3000» («Знание-сила: Фантастика»)

Книга «Улыбка господина Хо» (издательство «Эксмо») – книга входит в список 40 книг по саморазвитию от Радислава Гандапаса.

Михаил Белозёров

Берег с банановыми деревьями

Меня зовут Олвиан. Пет-Олвиан.

Нет, я не американец. Просто моей матери нравятся громкие имена – Джордж Вашингтон или Авраам Линкольн.

Я живу здесь давно – всю жизнь. У меня есть старый армейский бинокль с треснутым окуляром и большой перочинный нож, доставшийся мне от бедняги Гемоглобина. После того, как он умер, и его вместе с вещами спустили вниз по реке, нож остался у меня, хотя Полковник и был начеку. Ведь я не верю в его бестолковые разговоры и хитрые штучки, которые он таскает с собой и тычет во все предметы, даже после дождя, когда садится перед домом на поваленную сосну, даже когда еду приносят из леса, даже – в рыбу, которую вылавливают из нашей речки. Но это между нами. Теперь он здорово сдал, не то, что раньше – летом, например, или весной – животик там и морщины на шее. Но это так, к слову, совершенно не относится к делу. Хотя лично я бы на его месте только бы и делал, что холодной водой умывался – верный рецепт от морщин из старого календаря. Но разве взрослые что-нибудь понимают? Куда там. Думают, что самые правильные.

Немного хитрости – и нож мой. Рукоятку ножа украшают непонятные рисунки. Лысый Ломоть говорит, что это львы, и еще, – что это не рисунки, а барельеф. А мне все едино. Я не очень-то доверяю Лысому Ломтю – по-моему, он немного не в себе. Но главное – в ноже имеются различные приспособления: вилка с обломанным зубом, пила, ножницы и еще одна крученая штука, название которой я не помню. Но самое главное – два лезвия, огромные и блестящие. Правда, чуть поржавевшие, после того, как я прятал нож в реке.

А еще у меня есть череп Мясоеда. Я храню его в дупле старого дуба на поляне. Когда Полковник умрет, я достану череп и всех приведу к своей присяге, и все меня будут слушаться – ведь Полковник стар, и ему никто не верит, кроме моей матери.

А еще мне хочется попасть за Тракт в страну Мертвых Полей, чтобы узнать, откуда прилетают белые шары, хотя Полковник запрещает спускаться вниз. Однажды Сержант приволок оттуда полтуши кабана, но ее сразу бросили в реку, а Сержант отмокал в воде, хотя уже был лед, а потом находился «под полным медицинским наблюдением» – как любит выражаться Доктор. Правда, не помню, может, и не было льда, а выпал первый снег, а может, и снега не было. Давно это было – год назад, когда заболел Гемоглобин.

И еще мне нужна невеста для продолжения рода. Так болтает Лысый Ломоть. Невесту можно найти только за Трактом. Когда Ломоть болтает об этом, он неприлично хихикает вместе с моим братом и тычет пальцем, и тогда мне хочется хватить его чем-нибудь по плешивой башке.

Мой брат? Он ни на что не годен. Сидит себе в углу и только умеет, что мочиться под себя да клянчить еду. Утром я всегда вытягиваю его на поляну погреться на солнышке, а потом забираю. Теперь я его свободно могу поднять, а раньше мне всегда помогал Гемоглобин – до того, как заболеть.

Мы живем здесь давно: я, брат, мать, Полковник, Лысый Ломоть, Сержант и Доктор. Был еще Гемоглобин, но он умер.

Самыми последними пришли Доктор и Сержант, а уж Гемоглобин и Лысый Ломоть, так они прямо с «Боинга», что упал на просеку. Ломтя потому и зовут так, что от него один огрызок остался – просто ломоть, а не человек.

Я, брат и Лысый Ломоть живем в одном доме, мать с Полковником – в другом, а Доктор – тот устроился за Системой в «Боинге» или – корыте, как мы его называем, и спит себе на креслах или поперек салона в гамаке. На зиму он перебирается к нашей печке. Один

Сержант не имеет дома и вечно шляется по горам, собирает маковые коробочки. Как он не боится Костоломки или Огненного Жака, или Мясоедов – развелось их теперь, хотя пока только на дальних отрогах. Может, он к ним и ходит? Доктор однажды так и намекнул, мол, есть у него основания. Но какие? Пекли мы в тот вечер каштаны – Лысый Ломоть, так ловко приоровился выхватывать их своими обрубками, спросил: «Что ты имеешь ввиду?» А Доктор ответил: «Нет ничего хуже того, если один из нас предаст». «Нет, не похоже...» – рассудил Лысый Ломоть. «Похоже-не похоже, а возьмет и приведет кого-нибудь с собой. Что будешь делать?» «Ну, для этого у нас Полковник есть», – ответил Лысый Ломоть.

Насчет Полковника это он прав был – точно, без преувеличения. Сам могу подтвердить. Но мой брат со страху три дня на поляну не просился. По правде, и мне жутко было – вдруг Сержант какого-нибудь Мясоеда с собой притащит в отместку Полковнику.

Сержант, когда возвращается, чаще поселяется в локаторной. Одна комната там еще сохранилась, и из-за нее он часто ссорится с Лысым Ломтем, потому что Ломоть соорудил там коптильню, а на «дымок» ему наплевать. Сержант всегда свистит, чтобы мы его впустили – с Полковником-то у него дело дрянь, штатный армейский Кольт калибра 5,6 всегда наготове, и один раз Полковник уже продырявил Сержанту бок. Доктору пришлось порядком повозиться, чтобы вытащить его с того света, хотя, по его словам, он не практиковал со времен Христа.

Кто такой Христос? Вы не знаете? Я тоже – понятия не имею. Какой-нибудь президент за этим чертовым Трактом. Как-то моя мать рассказывала что-то о нем. По-всему, он был порядочным прохвостом, раз его распяли еще до войны. Моя мать утверждает, что он наш отец. Хотел бы я быть сыном президента, хотя сейчас это ровным счетом ничего не значит. Правда, может быть, тогда Лысый Ломоть не вязался бы ко мне со своими глупыми разговорами о невесте и не изводил, когда жутко хочется спать, рассказами о жене-блондинке. Лично я блондинок в жизни не видел и даже не знаю, как они выглядят. Ломоть утверждает, что у нее были «голубые глаза в пол-лица и длинные-предлинные ресницы». Жили они в Оклахоме и имели собственное дельце – закусочную и станцию заправки на трассе в Додж-Сити. В тот самый день он полетел к приятелю в Калифорнию, а очутился здесь. Когда Лысый Ломоть доходит до этого места, голос у него становится хриплым, и он начинает заикаться, словно жует подгоревшую лепешку. Раньше в этом месте Гемоглобин всегда подавал голос из своего угла и говорил – «так даже лучше...» или «теперь живые завидуют мертвым...» В общем, успокаивал. Они всегда ладили – Гемоглобин и Ломоть.

Я сижу в темноте при свете коптилки, если спать не хочется, а Лысого Ломтя прорывает сразу после еды, и подмаргиваю брату, и оба хихикаем – всегда смешно, когда взрослые плачут. Мы даже иногда нарочно просим рассказать о семейной жизни – страшная умора глядеть, как он мычит и льет свои слезы. Он специально выбирает темное время, чтобы не было видно слез. Луны-то теперь нет. Раскрошили – одни осколки остались. «Лучше бы я не летел, – наконец стонет он, – лучше бы я не летел...» И так у него здорово получается, просто скребет за душу, что в этом месте у моего брата отвисает челюсть и может случиться припадок. Но все равно нам смешно – я же говорил, что Ломоть немного тронутый, хотя Доктор утверждает, что все мы здесь тронутые, но я себя таким не считаю, и Гемоглобин тоже не считал – даже когда у него все началось и Доктор переливал ему кровь. Гемоглобин всегда был веселым, вот с такой бородой и смешливыми глазами.

Ломоть утверждает, что у Доктора припрятано еще что-то посильнее нашего «дымка» – оттого он такой отшельник, и Сержанта он только этим и спас, – так говорит Ломоть. Иногда он посылает меня следить за ним. Какая ему нужда, не знаю. Только Доктор, как и Сержант, любитель шляться по горам и всегда у него есть какой-то план, и ходит он осторожнее Мясоедов. Когда-нибудь я его все же выслежу. Чаще же Доктор сидит себе перед «Боингом» и курит «дымок».

Мясоеды теперь огромные и лохматые. Но в долину редко забредают. Зачем им наша долина, если еды вокруг завались, да и зимы здесь прохладные, не то что за хребтом. Одна моя мать боится и еще – брат, потому что оба ни разу в глаза их не видели. А чего бояться – одна лохматость, а соображения – никакого. Доктор раньше говорил, что Мясоеды – новая раса, а теперь, – что это наше испытание. Насчет расы ничего не знаю и не спорю, зачем спорить, в чем не разбираешься. Но, по-моему, наши дела не так плохи, и Лысый Ломоть так считает, – Полковник каждый день проверяет Систему вокруг Базы. Мясоеды приходят, кричат нам что-то, а когда лезут напролом, тут их, конечно, и парализует. Но такое случается не часто.

Сегодня я снова пойду к Тракту. По правде, я давно туда хожу тайком от матери и Полковника. Доктор и Лысый Ломоть догадываются, но для них это дело десятое. Они и сами не прочь сбегать на склон. Всех туда тянет. Недельку посидишь за Системой, страх как хочется, даже мурашки по спине ползут. Даже ночью побежал бы. Только ночью можно с дороги сбиться и забрести в заросли Огненного Жака или Костоломки. С Костоломкой-то ясно, даже Мясоеды из нее не выбираются, череп я ведь палкой выкатил.

А от Жака есть верное средство – горошины черного дерева за рекой. Гемоглобин его еще как-то странно называл, и они с Доктором долго спорили, но Гемоглобин всегда доказывал свое, потому что когда-то был профессором в Сан-Диего. Съешь одну горошину – только зудит, две – даже боли не чувствуешь, а три – иди себе напролом, только в Костоломку не влазь. Гемоглобин глупых советов не давал. Жаль его, умер он. Все мы рано или поздно умрем от этой болячки – так утверждает Доктор. Недаром он шастает по округе, все какие-то травы собирает. Сварит и пить заставляет. Он и Незнакомца заставлял, пока не убедился, что он здоров, как твой мерин.

О Незнакомце я еще не рассказывал? Странно. Как это я упустил? А ведь он пришел к нам из страны Мертвых Полей. С тех пор они все тайком на склон и бегают, просто ошалели от ожидания, думают, кто-то нам поможет. Один я знаю правду, но никому не рассказываю. Зачем? Все равно никто меня не слушает. Соберутся и галдят без умолку все разом... даже противно слушать, а решиться ни на что не могут. А почему? Потому что ничего не знают, не понимают и еще потому, что друг другу не доверяют. Это ведь они только на словах верят, а так не верят; а потом накурятся «травки» и засыпают. Один Лысый Ломоть, помешанный на своей блондинке, не курит, да еще Полковник, когда у него колено не болит. А ведь с Незнакомца все и началось. И с Гемоглобина, пожалуй. Но это я только сейчас сообразил.

Обычно я иду по реке, по правому рукаву, что помельче. Система здесь проведена сверху, потому что зелень по берегу густая и яркая, а на других участках трава вообще не растет. Ну вот, спускаюсь, значит, ниже, выхожу на берег в том месте, где бухта с каменистым дном и ольшаником поверху, выливаю из ботинок воду и напрямик по тропинке. Только спешить особенно не надо, потому что тропинка все время зарастает, и Костоломка может свой шип выставить. Пока идешь по лесу, еще ничего, а как выходишь к склону, держи ухо востро и не зевай, потому что здесь она по краю на солнце и растет. Дальше тропинка спускается в боковое ущелье, по которой иногда эти самые Мясоеды и забредают. Ущелье поперек пройдешь, взберешься наверх через каштановую рощу – и вот он, твой склон, – пожалуйста, а за ним Тракт, над которым словно горячий воздух колышется. Только ветерок оттуда не дует. Бросишь камень – отскакивает, и все гудеть начинает – вначале едва слышно, как пара сторожевых шершней над ульем, а потом так расходится, что по одежде искры сыплются и волосы трещать начинают. Тут такой страх нападает, что сразу подальше убраться и хочется. Залезешь назад на склон, а она там внизу еще долго исходит разноцветными переливами. А теперь сами посудите, как Сержант через Стену перелез? А? Вот то-то – загадка. И мне непонятно. Но от него добиться – хуже нет, бормочет невразумительное то о каких-то про-

зрачных людях, то о пиве, или еще – надумал, что умеет его варить. Какие люди? Какое пиво? Из-за этого Полковник его три дня без «дымка» держал.

За Трактом ничего особенного нет. Речка наша блестит между холмами, да облака ходят как по заказу. Ничего особенного, но только на первый взгляд – если прямо смотреть, а смежишь веки, повернешь голову – вот они и летят, эти дурацкие шарики и звездочки, и пропадают между холмами. Спросите, что это такое? Никто не понимает. Только Полковник, как узнал, едва дальше в горы не ушел – говорит: «Навидался я этих шариков досыта». С тех пор этой Стены и стали бояться. Почему нас туда не пускают? Только я один раз сквозь нее прошел... Не верите?! Я бы и сам не поверил, если бы мне такое наплели. А случилось это на третий день после смерти Гемоглобина.

В тот день мне ужас захотелось на склон, но до обеда никак не удавалось. Вначале я ходил с Лысым Ломтем проверять верши, потом мать заставила колоть орехи, а потом и брат запросился на поляну. Выволок я его и слежу, как бы незаметнее улизнуть. Брата я потом назад успею забрать, до того, как ему наскучит играть со своими игрушками. Но тут Доктор позвал меня. Позвал, поставил вот так между коленями и смотрит хитрющими глазами. «Что-то мне, – говорит, – скучно стало и сон плохой приснился, будто Гемоглобин вернулся. Ты ничего не знаешь?»

И тут кто-то меня по плечу легонько так – «хлоп!» Даже Доктор заметил. Вытаращился, а я оглянулся – никого. Чудеса, да и только. Вот, пожалуй, и начало.

Доктор помолчал и говорит: «Сходил бы что ли на склон. А? Поглядел бы, все ли по-прежнему. Я бы и сам, да только Полковник сегодня не в духе, с Сержантом что ли повздорил или с матерью твоей. А ты маленький, пронирынешь в каждую дырочку. Глянeshь и назад. Договор?»

Ладно, чего там – первый раз, что ли. За братом он обещал присмотреть.

Напомнил еще насчет Костоломки и Мясоедов, но это когда я уже возле речки был. Оглянулся. Мать на кухне хлеб печет, Полковник в Системе копается, Лысого Ломтя нет – видно, опять в коптильню подался, брат камушками забавляется, а Доктор совсем в другую сторону смотрит. Поднырнул под Систему и пошел, и сразу почувствовал – что-то не то. Бывает так: перегреешься на солнце и голова, словно таз, звенит, и хочется побыстрее в тень убраться. Только у меня еще и мурашки по телу побежали, потому что почудилось, что тот, кто хлопнул по плечу, снова рядом появился и шаг в шаг идет. Мало того, что идет, а еще и бубнит: «Хи-и-и-трый какой, хи-и-и-трый какой... стену ему подавай, стену ему подавай, а пропуск? а пропуск?.. сам себя обдуришь, сам себя обдуришь... не ходи! не ходи! не ходи-и-и!» Вначале мне даже страшно стало – хотел было назад повернуть, а затем решил – может, это просто в голове что-то вертится само по себе, и не стоит обращать внимания. После про это я долго думал, но ни до чего путного додуматься не смог. Опять же – может, Незнакомец, а может, кто-нибудь другой – кто его знает.

Во вторую половину дня лес всегда кажется темным, но в тот раз все было иначе – так, словно раннее утро наступило: на траве и листьях роса лежала, а по низине, вдоль которой надо было идти, над прелой листвой, необычный туман стелился и стоял странный запах. Но вначале я этого не почувствовал – Мясоеды редко так близко к Системе подходят, отпугивает она их. Но то, что они так пахнут – это точно. И туман был какой-то желтоватый и даже не стелился, а поднимался, колеблясь, струйками из травы, хотя ветра – никакого.

Лес в этих местах редок, и я их сразу увидел – их широкие черные спины. Стояли они перед ложиной и куда-то вниз смотрели, а тот, что слева, даже руку к глазам приложил, словно Полковник, когда что-то выглядывает.

Я их раньше никогда вблизи не видел. Шеи у них почти нет, а голова сразу переходит в плечи, и стоят обычно они ссутулившись, почти что горбатые, а шерсть на боках до земли свисает, как мох с деревьев.

Так мы и замерли – они там, а я у лощины, только страха у меня совсем не было, даже интересно было, чего они увидели? Потом один, что слева, у которого еще локти словно в муке вымазаны, произнес: «Жуткий туман-то... а?», а второй ответил: «Как по заказу, как всегда, видать, снова к поганцу». «Свят, свят, опять накличешь, – говорит тот меченый, – забот нам что ли мало?» «Крестная сила, крестная сила, – забормотал второй и попятился, – вот беда-то, и не отвертеться!» «Куда уж отвертеться, как бы самому целым остаться». Тут его напарник и заметил меня, глаза у него разом красными стали, и он весь затрясся. А его товарищ ему: «Тише, не пугай, я его давно приметил, может, его и сунем?» «Чахл больно, не годится, не возьмут такого, да и не нашей породы». «Чахл не чахл, а попробовать можно...»

Дальше я, конечно, ждать не стал, а развернулся и припустил вдоль лощины – почему-то мне сразу в этот туман бросаться не хотелось, а они побежали следом, все время в спину мне что-то крича. И пробежать надо было всего-то до речки под Систему, а там уже Полковник со своим пистолетом. Но тропинка почему-то стала выводить совсем в незнакомые места, а Мясоеды сзади все наседали и кричали: «Куда-а-а!?!.. куда-а-а!?!..», и все норовили отжать на взгорок, где мне с ними уж совсем не тягаться. Добежал я до того места, где лощина чуть поворачивала, и чувствую – во всю ломятся, вот-вот нагонят, ну не дальше, чем у тех елок, даже оглядываться жутко. И кричать уже перестали, только «бух-бух» пятками по мокрой траве. У меня даже ноги стали подкашиваться и в горле пересохло. Только в этот момент меня словно кто-то приподнял за плечи, так что дыхание перехватило, и толкнул в этот самый туман – сам бы я ни за что на свете в него не полез – что я трус какой-нибудь, что ли? Туман только снаружи казался редким, а внутри чудной какой-то – плотный такой, что ничего нельзя было разглядеть. С перепугу я еще немного пробежал, пока не запутался в кустах, а потом замер, потому что те двое следом не полезли, а остановились и кричать принялись: «Вернись, дура, мы тебя, ей богу, не тронем, нам люди ни к чему, мы к ним равнодушны!..» Только я их слушать не стал, а двинулся наобум, потому что ничего видно не было, и еще я боялся, что они надумают ловить меня снова. А они продолжали кричать: «Берегись оборотня, выходи назад, мы тебя к твоему Полковнику отведем». «Нет, – думаю, – дудки, нашли простака, теперь я и сам выберусь без вашей помощи, себе дороже будет».

Долго они так кричали и звали назад. Хорошо еще, что Костоломка влажные места не любит, а Огненный Жак против жмени черных горошин просто чепуха. Только вот что-то в нашем лесу я такой лощины припомнить не мог – не было ее и все, мне ли не знать, хотя, кто знает, может, и была, может, я ошибаюсь, – потом она вовсе в овраг превратилась с ручьем под ногами и зарослями кислого винограда. И туман никак не рассеивался, напротив, – становился все гуще и гуще, под конец пришлось его руками раздвигать, словно воду в нашей речке, и кончился он совершенно неожиданно – вот только что был в нем, сделал шаг и вывалился... на солнечный двор. Большой такой двор, абсолютно белый. С трех сторон стеной огороженный, с какими-то клетками в глубине, и воротами позади.

Стою посреди этого двора и ничего сообразить не могу. Как здесь оказался? Куда идти?

Вдруг замечаю, что-то около ворот шевелится. Пригляделся – сидит кто-то в желтом яловом панцире и в этой загородке дыру заделывает. Хотел было спросить, куда я попал, и вижу, а у него из панциря вот такие шипы торчат и железная шапка на голове блестит, а рядом на земле плетка лежит – почище нашего Полковника будет, – спинаща – во, руки – что твои бревнышки, которые у нас на поляне навалены, а сам похож на римского легионера – уж лучше, кажется, дело с Мясоедом иметь. Но тут меня заметили. Заорали. Выскочили откуда-то еще двое и молча уставились, и тот, у ворот, тоже – вроде бы, прикидывают, как бы половчее прихватить.

Потом один закуривает и говорит:

– Таких еще не бывало.

– Факт, не было.

- Может, он есть хочет?
- Может, и хочет, кто его знает?
- Нет, не хочет, – говорит тот, что стену ремонтировал, – если бы хотел, сразу к корыту побежал. Они все бегают...
- Верно, побежал бы.
- Факт, побежал бы!
- Значит, он не наш.
- Интересная версия. А чей?
- Их там сейчас, знаешь сколько? Поди разберись.
- Теорию ифмафтетелевизма помнишь?
- Помню, ну и что?
- А то, что зазеркалье ничего так просто не выплевывает.
- Ну, ты даешь! А лохматые?
- Лохматые? Лохматые пробирочные, им сам бог велел.
- Но ведь фоновая инвариантность почти неизменна...
- Правильно, но только не в точке сингулярности.

Тут они, вроде бы, обо мне забыли и принялись о чем-то спорить, а потом и говорят:

- Иди сюда, мы тебе каши отвалим, хорошая каша из бобов...

Только каши той я отведать не успел – что-то блеснуло в воздухе, как голубой хлопок, даже странно как-то запахло – серой, что ли, а потом сразу – «хрясь-ь-ь!!!», и один уже лежит, а во дворе Мясоеды дубинами размахивают и на этих самых в желтых телячьих панцирях напирают, а сами воют дикими голосами: «А-а-а!!! Кровопийцы, говнодавы, упыри белокожие, попались!!!» Я в такие моменты сам себя не помню, потому что в большой красный пузырь превращаюсь и ярости во мне хоть отбавляй и растет она у меня до тех пор, пока не лопается, и тогда – берегись! А Мясоеды гоняют тех в панцирях по двору и все норуют от клеток оттеснить.

Что там дальше было, не знаю. Забегали. Сирены завывали, а я того, что стену ремонтировал, ловко так боднул под живот, как раз туда, где у него место незащищенное. Хорошо так боднул – он даже присел, и прыгнул в эту самую незаделанную дыру и побежал. Только когда побежал, обо мне Незнакомец и вспомнил: «Ид-и-и сюд-а-а... иди-и-и сюда-а-а...» – зовет. В общем, добежал я до леса, а на лугу, странное дело, козел-не козел, пасется – белый весь и с двумя рогами. Слышу – а в голове: «Ника-а-а-к прибе-е-е-жал!.. ника-а-а-к прибе-е-е-жал!.. молодец». А потом, глядь, – уже не козел, а человек, поднимается и отряхивается. «Эко, тебя занесло, – говорит, – вроде бы, не положено...» А у самого прямо на глазах козлиные очесы в бороду превращаются. Пощупал он ее и говорит:

– Не обращай внимания, теперь у нас всех так... Чего ты от лохматых бегаешь? – спрашивает. – Ладно, ладно, все знаю – заблудился.

- Ну что мне с тобой, – говорит, – дурачок, делать?

Не понравилось мне это, сразу сказать могу, не люблю, когда дурачком называют – хотя бы и ласково. Да и не ласков он был, и не хмур, а как-то странно, непонятно – равнодушно скорее, как те о Мясоедах, вроде бы, – безразлично, а в то же время с угрозой.

- Ладно, – говорит, – сахара хочешь, видно, ты сластена.

Я тогда ничего сладкого в жизни не ел. Гемоглобин, небось, обжирается.

- На, – говорит и протягивает на ладони что-то белое. – Где живешь-то?

Взял я этот камушек и не знаю, что с ним делать, а Незнакомец советует:

- Положи на язык и соси.

В общем, мне потом Лысый Ломоть сказал, что продал я их за кусок сахара и что ничего в нем особенного нет – углеводы одни. Если бы я знал, я бы назад в туман подался, хотя мне-то лично Незнакомец ничего плохого не делал. Иногда только сожмет кулак, а потом разо-

жмет – вот он и сахар. Эх, попробовать кусочек, что ли? Иногда мне удается – надо только сильно-сильно скататься в комок, сжаться-сжаться и глаза открывать медленно-медленно, и тогда он может появиться прямо в воздухе – я сам этому научился, даже мать не знает, не говоря уже обо всех остальных, а то начнут клянчить – дай да подай. Брата иногда угощаю, потому что он все равно разговаривать не умеет и никому ничего не расскажет, а остальных – нет. Был бы жив Гемоглобин, я бы и его угостил – что мне жалко, что ли? Плохо, конечно, что он умер, хотя теперь любой ему позавидует, надо только смекнуть. Вот я сразу смекнул, а остальные... – куда им до такого необычного понятия, да и боязно, как Мясоедам – ведь они что-то вроде подопытных кроликов. Это мне Доктор недавно сказал, а ему – Незнакомец, потому что на Базе он ему профессором медицины представился. Но какой же он профессор, когда я сам видел, как он пасся на поляне и блял, но когда я думаю об этом, он всегда палец к губам прикладывает, и сразу же молчать хочется. Я и сейчас молчу и все больше думаю, занятное дело – думать, можно придумать все что угодно, но я все больше, конечно, о Незнакомце думаю и о том, как он так ловко оборачивается. Только рассказывать об этом мне не велено. Я ведь знаю, что он какой-то необычный – не человек и не зверь, – как желтый туман, что ли? Вот сами рассудите – даже самый редкий дым костра с ним – в никакое сравнение. Теперь-то я догадываюсь, что это он меня тогда в лесу выручил, хотя, когда я спрашиваю, он только пальцем молча грозит и хмурится. Ну раз не велено, значит, не велено, и так проживу.

Тут я ему отвечаю: «Конечно, уважаемый, странный у вас лес... только вон из того дерева почему-то рука торчит уже битых полчаса...»

– Э... – удивляется он, – правильно... да ты, брат, полмира видишь, оказывается...

– Да, – говорю, – а еще у вас над тем лесом разные шарики падают.

– Ну если ты такой шустрый, то посмотри, что на самом деле делается, – и проводит вот так по моему лбу. А когда он ладонь с глаз убрал, я все и увидел.

Тракт наш совсем не трактом оказался, а центральной улицей, до самого горизонта, вдоль улицы дома многоэтажные стояли с зелеными плоскими крышами, а окна тех домов и витрины на застывшую воду походили. По улицам разный народ ходит – никогда столько людей не видел, машины разноцветные ездят – совсем, как на картинках в журналах, а в небе ихние самолеты летят, – те самые, которые мы за красные шарики принимаем. На деревьях разные плоды и яблоки висели, а на перекрестках всякими товарами торговали и сахаром тоже. И чудно так торговали, словно я сам этот сахар покупал и ел. Только он на деревянных палочках был насажан и походил на замороженное молоко. И конечно, никаких тебе оград вокруг – иди куда хочешь, и никаких Мясоедов. Только люди вокруг совсем не разговаривали, а радостно улыбались и руками друг другу махали, а с неба колокола тихо звучали. Я и сейчас, если прислушаться, слышу... И вы должны слышать... Не может быть, чтобы вы не слышали. Сержант – тот тоже не слышит, и – Полковник, и – мать, не говоря уже о Лысом Ломте. Доктор здорово сомневается. Но ведь звучит. «Дзинь-нь-нь!.. дзинь-нь-нь!.. дзинь-нь-нь!..» – единственное, что из мира в мир пролетает без всяких задержек. Это я тоже сам догадался. Да... Вдруг из ближайшего дома Гемоглобин вышел – странно как-то, ногами не передвигает, скользит над травой, улыбается. Я его всегда узнаю по этой улыбке, никто так не умеет улыбаться, как Гемоглобин. Борода, вроде, у него кольцами закручена и лоснится. В голове у меня разные мысли начали вспыхивать, да так здорово, словно зеленые надписи зажигаются: «Как вернешься, – не разжимая рта, говорит, – передавай привет всем». «Хорошо, – киваю, – передам». Доктору скажи, что встретил меня, что я теперь полностью здоров». «Ладно, – отвечаю тоже молча, – скажу». «Скажи, что я через сорок дней диадехом стану и улечу». «Ладно, – соглашаюсь, – за мной не станет, а что это такое?» Тут он поворачивается – мне даже обидно стало – не чужой все же, – и в свой дом уходит.

И все, вроде бы, ничего у них в этом городе, весело и чисто, – только хочу вам сразу заявить, что у них в тех клетках, за белым забором, ведь Мясоеды сидели – ох, и орала же они, когда, те с дубинами, за кожаными панцирями гонялись!

Незнакомец говорит: «Полезай-ка, брат, на спину, а то ничего не получится».

Подсадил он меня к себе на плечи, так мы эту самую стену обратно и прошли насквозь, и я ничего не почувствовал – ни капельки, только в одном месте волосы словно бы дыбом встали, но я не особенно испугался.

Перенес он меня, ссадил, а позади уже ничего нет – опять голые холмы и звездочки падают, – словно сон приснился.

А потом как-то враз мы у ворот очутились, у самых главных, где «Боинг» лежит, и предупредить о Полковнике я никак не успел. В общем, стоило нам приблизиться, как Полковник выхватил пистолет и стал кричать, что поймал дезертира, самого главного дезертира. Но вначале он впустил нас за свою колючку, и я лично с той минуты его не интересовал, хотя в любом другом случае мне бы здорово влетело. Он просто весь позеленел от злости, навел свой дрянной пистолет и заставил Незнакомца поднять руки, а потом стал вопить про своего дезертира.

– Это тебе так просто не пройдет! – кричал он, – ты у меня живо сознаешься!

А Незнакомец просто стоял, и я даже со спины чувствовал, как он улыбается.

– Марта! Марта!.. – вопил Полковник, – сейчас он запляшет у меня, как вошь на блюде!

Совсем он сдурел со своей ржавой железью. Она у него и стрелять, наверное, не умела. Но все равно поднял такой шум, что мой брат тоже в крик ударился.

Первым прибежал Доктор – он-то почти в курсе дела был. Выскочил на крыльцо и смотрит то на меня, то на Незнакомца, – выходки Полковник его давно не интересовали, – а потом вдруг так явственно и говорит:

– Чарльз, как вы здесь, а я вас ждал не раньше пятницы...

Потом приковылял Лысый Ломоть и дара речи лишился – смотрит и ртом воздух хватает.

Доктор говорит:

– Позвольте поздравить вас с пятидесятилетием! Как продвигается работа над рукописью о видах? Говорят, вас поторапливает доктор Алфред Уоллес?..

– Да нет, – отвечает Незнакомец, а сам на моих глазах в какого-то дедушку превращается – в котелке и с тросточкой. – Видите ли, не хотелось бы делать поспешных выводов...

Лысый Ломоть наконец как завопил:

– Гретта-а-а!!!.. любовь моя!!!

Полковник совсем рассвирепел:

– Где вас, ваше превосходительство, господин президент, столько времени носило!!!

– Я был в отпуске, – отвечает Незнакомец, и уже у него появились очки и спина выпрямилась – вроде бы, и в плечах раздался, – только почему вы интересуетесь?

– Как... как, почему? – запинается Полковник.

– Да, вот именно, почему? – интересуется Незнакомец.

Доктор словно глаза протер:

– Я ошибаюсь? Кириак! (так звали Гемоглобина), Боже! Только сразу не исчезай...

Доктор-то – не дурак, единственный что-то заподозрил. Ведь они ничего не видели, один я видел, как Незнакомец менялся от их воплей.

– Точно, вот теперь ты меня узнал, а тот первый господин лет сто назад почил.

Моя мать в слезы:

– Фрэд! Фрэд!.. Я тебя так любила, почему ты мне ничего не объяснил?

– Я не успел, моя дорогая, ты помнишь, какая была суматоха.

– Я никак не могу забыть тебя...

- Когда-нибудь я все расскажу тебе, моя родная.
- Только не откладывай, слышишь, не откладывай, слышишь!
- Если бы все в этой жизни зависело от меня...
- Я боюсь, что ты снова пропадешь!
- Постарайся не очень огорчаться, все мы смертны...
- Будь все проклято...
- Не забудь, мы обручались в Сен-Лоране...
- Я все помню, мой родной...

Наверное, своего папашу мне следовало узнать сразу, как это я растерялся. Все-таки крепкий у меня старик и форма ему к лицу, одни галуны чего стоят – блестящие, как золоченые.

Наконец и Сержант из нашей конуры вылез и сигарету предлагает (ему-то на крик спешить не стоит):

– Я знал, что тебя не убило в той атаке, – говорит, – ты мне часто по ночам снишься. Помнишь, бордель «Ранчо Мустанг» под Ришо, где мы торчали полгода. Одной выпивки – целое море. А девочки... от воспоминаний слюнки текут. Я там едва не женился на Джой, мы с ней квартиру снимали. Помнишь Йорика, трубача из пятой роты? Ему ногу оторвало. Я его встретил, когда мне на заднице чиряки резали. Ковыляет на костылях, кроет всех направо и налево: «Ложил я теперь на войну, говорит, теперь меня вчистую спишут. Главное, красивый протез достать, будто бы есть такие...» А я у него спрашиваю: «Как же ты теперь на баб влезать будешь, с отстегнутым или пристегнутым?» «А это мы увидим», – отвечает. И точно, залетели мы к троице красоткам на ночь – не соврал, так и сделал. А у меня заминка вышла – я ведь сидеть не мог, так и пролежал вверх пятой точкой. А ты по ночам мне снишься. Ты и Макс. Он даже похоронку не стал заполнять – мы знали, что у тебя был шанс через подвалы уйти... Но его тоже накрыло, помнишь, – силикатной грязью, – когда мы драпали из Ганновера».

Теперь на месте Незнакомца солдат-пехотинец стоял в зеленой защитной форме, высокие ботинки у него в глине были вымазаны, а из-под локтя приклад лучевого пистолета-пулемета торчал.

Лысый Ломоть:

– Дорогая, не смотри, что я теперь такой, обними своего пупсика!

Тогда-то я и увидел, какими блондинки бывают. Ей богу, я сразу влюбился. Она даже лучше, чем красотки в колоде карт у Сержанта.

– Логги-и-и... – так она называла Лысого Ломтя, – ты мне надоел, сколько можно – одно и то же, смени пластинку!

– Да разве я тебя чем-нибудь обидел? – удивлялся Лысый Ломоть.

– Этого еще недоставало, но мне, как женщине, всегда не хватало внимания...

– Гретта, о чем ты говоришь, я так люблю тебя!!!

– Мне надоел, от тебя все время воняет бензином!

– Как ты похожа на свою мать...

– Не трогай мою маму!!!. Она так страдала, когда я выходила замуж.

– ...и поэтому ты путалась с моим братом!

– ...по крайней мере, он понимает толк в сексе!

– Гретта, ты погубишь наше семейное счастье!

– Только не пробуй меня разжалобить!!!

– Кириак, дружище, я словно тронулся, ведь у тебя отпадала кожа с пальцев?

– Как видишь, все нормально и я снова могу держать сигарету и тебе не надо мне помогать.

– Нет, Кириак, в это трудно поверить! Может быть, ты только муляж Гемоглобина, можно к тебе прикоснуться?

- Это не так важно, лишь бы ты верил.
- И все-таки, мне так хочется. Я знаю, что иногда с людьми такое случается.
- Главное – не бойся, это не самое худшее.
- Дай, я обниму тебя, дружище!
- Мы все стремимся к прекрасному!
- Вот теперь я узнаю тебя, Кириак!
- Все непонятное – всегда обыденно!
- Мы еще поспорим с тобой на эту тему.
- Нам нужно научиться заглядывать в себя!
- Полностью с тобой согласен – как можно глубже.
- Мать, наверное, получила похоронку позже, – говорил Сержант. – Какой только толк в ней, все равно все мертвы.
- Она не долго горевала, я добрался домой через пару недель.
- Пару недель!? – но они должны были погибнуть к этому времени?
- Я и говорю – она почти не горевала. Мне ли не знать свою мать – наверное, удрала с отчимом подальше в горы, нагрузила барахло и удрала.
- Значит, ты тоже дал деру...
- Разумеется, я не зелень, которую кидали в самые гиблые места.
- Да, из тех, кого бросили в атаку на голубую пустыню, никто не вернулся. По крайней мере, так у нас болтали, пока жандармерия не укоротила некоторым языки.
- Я помню драку и панику в крысиных ловушках.
- Они облили нас какой-то гадостью.
- Но мне повезло – в самом начале они не знали нашей слабости, и обыкновенный противогаз мог спасти, но только тренированных людей. До войны я был чемпионом по подводному плаванию и мог пронырнуть метров сто.
- Я тоже ждал момента, чтобы расстаться с веселым Максом. Но все же через ржавые холмы мне пришлось пройти. С тех пор железом во рту клацаю, боюсь, что я внутри теперь весь железный.
- Мы все были пушечным мясом.
- А пластилиновые топи? Люди проваливались по пояс и застывали. Даже спирт не мог их отогреть. Они замерзали тут же, сразу, и торчали, как серые чушки.
- Меня спас только развал фронта.
- Слава Богу, нам не надо уже воевать.
- Самое лучшее, что придумали люди – это мир.
- Здорово сказано, старина, – как в книге!
- Что же с нами будет? – спрашивала мать.
- Слишком сложный вопрос, чтобы на него ответить просто так.
- Мне иногда кажется, что я живу совсем в другом мире, не таком, как до войны, – говорила мать.
- Отчасти ты права, – рассуждал отец, – временной фактор стал играть меньшую роль и подложка проявляется явственней, но я не в праве распространяться на такие темы.
- Что-нибудь очень нехорошее? – настаивала мать.
- Нет, моя, родная, – улыбался он, – и к тебе не имеет никакого отношения.
- Мне так страшно... – шептала она.
- Не стоит волноваться из-за чепухи, – отвечал отец, – воспринимай жизнь как поток событий.
- Тебе легко говорить, – возражала мать, – ты пришел издалека...
- Нам всем одинаково тяжело... – говорил отец.
- Значит, нам ничего не простится? – не сдавалась мать.

- Вы ни в чем не виноваты, – отвечал отец.
- Вы же главнокомандующий! – кричал Полковник.
- Штаб был разбомблен, – отвечал Незнакомец.
- Правильно! Но резервный, в шестой зоне?
- И он тоже.
- А командный центр под Парижем?
- Они применили проникающие лучи.
- Не верю!!!
- ...слишком быстро, чтобы мы успели убраться. Большие потери...
- А компьютерный штаб в Скалистых горах?
- ...выдержал не больше трех залпов.
- Не может быть!..

– ...совершенно разные уровни. Они считывали наши планы до того, как мы успевали их реализовать. Практически, мы были крайне уязвимы. К тому же примерно через месяц мы поняли, что воюем сами с собой.

– Объясните!!!

– Дело обернулось таким образом, что боевые действия велись с подлунным миром, так называемой низшей подсистемой сознания. И это обернулось крахом... Реального противника, увы, не было... Миф... Легенды...

– И это вы говорите мне, мне кадровому военному! Теперь мне понятно, где таилась наша слабость – мы были, как вареное мясо на дорогах, мы его много накидали на радость им.

- Теперь там ничего нет.
- А, кстати, как вы прошли?
- У меня иммунитет.
- Какой еще, к черту, иммунитет?!
- Нам делались особые операции...
- Что это еще такое?
- ...чересчур дорогие, чтобы применять в массовом порядке.

– Господин президент, считайте, что вам крупно не повезло, лучше бы вы к Мясоедам забрели!

Моя мать кричала:

- Фрэд, тебе нечего сказать – ты бросил меня с пятимесячным Петом на руках!
- Гретта! милая, я что-то не узнаю тебя, подойди ко мне! – не унимался Лысый Ломоть.
- Нам здорово пофартило, что мы живы остались, – ревел Сержант, – заходи курнуть!
- Чарльз Дарвин, это опять вы? – спрашивал Доктор, – что-то никак в толк не возьму...
Может быть, так бы все этим и кончилось – наговорился каждый и дело с концом, но

они вторили не переставая и все разом:

- Ваше превосходительство!..
- Кириак, что с тобой?!..
- Фрэд! Фрэд!
- Гретта, я здесь!..
- Бедный Йорик!..

А Незнакомец оборачивался все быстрее и быстрее – так что временами мне казалось, что я вижу беспрестанное мелькание желтых зайчиков.

А когда они вовсе потеряли рассудок и, казалось, готовы были свихнуться от отчаяния – вспыхнул жгучим солнцем, да так ярко, что я глаза от неожиданности зажмурил, а когда открыл, то увидел, что Незнакомец стоит в огненном ореоле и говорит, обращаясь только ко мне: «Ты видишь – они слепы от страсти, как же я возьму вас всех?» И сразу в меня

такая ясность вошла, словно все, что я вам рассказывал, правдивее правды быть не может и никогда не будет, словно жизнь там, в городе, за Стеной, – самая настоящая, и все важное происходит только там, а не здесь, словно, стоит нам вырваться за Стену, и мы никогда кричать не будем, а Полковник – размахивать и грозить своим пистолетом, и еще – хотя мы их не видим, это не значит, что их нет. Есть они! Есть! Это точно! Просто они немного другие, и все! Вот что я понял.

Ну, а потом все просто кончилось. Покричали они – конечно, совершенно впустую, и утихли. Полковник, хоть и шумел громче всех, отвел и запер Незнакомца и сел его сторожить. Неделю сторожил, каждый вечер допросы вел. Мать Незнакомцу еду носила, только он наши консервы не ел. А в конце Полковник объявил, что трибунал назначается и что это будет самый справедливый трибунал. Ночью мы пошли с Доктором и вывели Незнакомца за Систему.

Иногда я думаю, что Полковник не зря всего боится, даже когда вся эта история кончилась, все равно боится, и мы все боимся, боимся и ждем. А чего ждем? Ждать-то нечего! Не придут они за нами, ни к чему мы им, так же, как и Мясоедам, которых они к себе таскают. Изгой мы, что-то вроде отверженных, чумных, или меченые, что ли. Но опять же, повторяю, я это только сейчас понял. Жалко, конечно, что ты никому не нужен, как-то неуютно, отрешенно, сам по себе, сидишь за стеклянной оградой. Мать вот жалко и Гемоглобина, который умер. Правда, Гемоглобину теперь лучше живется, уж поверьте, и совсем он не болеет. Незнакомец постарался, он для всех нас постарается, но только потом, не сейчас, через год, когда речка морозами схватится и на дальних отрогах появится снег, а может, и раньше. Мне, честно говоря, здесь до чертиков надоело, только что делать – не наше сейчас время, не наше – мясоедовское, лохматых, вот пусть они отдуваются. Недавно в горах появились совсем уже голые – без шерсти – Сержант говорил, в одних шкурах, а вожак у них на Незнакомца похож. Вот и разберись, что к чему. Запутался я, да и пора идти – мать зовет. Так что если увидимся, то не раньше зимы, когда на дальних отрогах снег появится, но до этого, жаль, далеко, я еще успею сбегать на Склон – вдруг что-нибудь узнаю и тогда расскажу, ну а сейчас – пока, побежал я – орехи колоть.

Об авторе

Настоящее имя Бубякин Михаил Юрьевич. Родился в 1953 году в Омске в семье военного врача. Детство прошло на Кольском полуострове. По образованию инженер-системотехник. Девять лет работал в издательстве «Сталкер» редактором направления русская литература. На настоящий момент «на бумаге» издано 12 романов и два десятка рассказов. Жанр романов от фантастики, сюрреализма до реализма. Издавался в издательствах: «ЭКСМО», «Яуза», «Крылов», «Сталкер», «Шико», «Сталкер», а также в различных журналах: «Донбасс», «Брега Тавриды», «Реальность фантастики», «Порог». Книги: «Самурай из Киото» (2008, «Крылов» СПб), «Месть самураев» (2009, «Крылов» СПб), «Черные ангелы» (2010, «ШИКО» Луганск), «Гибель Марса» (2010, «ШИКО» Луганск), «Дорога мертвецов» (2010, «ШИКО» Луганск), «Войны Марса» (2010, «ШИКО» Луганск), «Золотой шар» (2012, «Крылов» СПб), «Эпоха Пятизонья» (2012, «Крылов» СПб), «Возмездие теленгера» (2012, «Крылов» СПб), «Украинский гамбит. Война 2015» (2012, «Крылов» СПб), «Великая Кавказская Стена. Прорыв 2018» (2013, «Яуза», «ЭКСМО»), «Контрольная диверсия» (2015, «ЭКСМО»).

Андрей Скоробогатов

Право на существование

1 эпизод

Вчера вечером прошел дождь.

Приятно. Через осязание я почувствовал свежесть чистой дождевой воды, омывающей мой организм. Дождь смыл пыль с моей коры, позволил всем двадцати трем верхним листьям освободиться от гусениц и других вредных насекомых, с которыми сложно бороться. Это было вчера. Всю ночь я жадно пил корнями живительную влагу, несущую в себе неорганические вещества. Конечно, органика намного лучше, но и это мне необходимо.

Сегодня я чувствую себя бодрым и полным сил. Я готов к новому дню. Я жду солнце, яркое синее солнце этого маленького мира. Скоро рассвет.

Легкое касание и небольшое чувство тяжести на черенке третьего нижнего листа. Что это? Надо понять, что случилось. Так... Можно использовать зрение. В конце стебля, между черенками, меня есть один фасетчатый глаз, оставшийся ещё с тех времен, когда я был способен передвигаться. Но чтобы воспользоваться им, нужно развернуть глазной черенок. А это сложно и делать я этого не хочу – на подобное движение тратиться много драгоценных мышечных усилий, и оно слишком заметно. Пусть мой глаз останется повернутым на восход. Природа (или кто другой, о ком я не ведаю) снабдила меня достаточным арсеналом органов чувств, помимо фасетчатого зрения, чтобы понять, что же произошло.

Например, можно выделить специальную жидкость на место в черенке, где чувствуется тяжесть. Затем надо впитать раствор через поры на коре и провести в особых капсулах химические реакции, чтобы по соотношению определить состав предмета – или тип животного, которое попало на черенок. Это особый вид органа вкуса. Через определенное время это произойдет непроизвольно, а чтобы быстро оценить обстановку, есть нюх и сенсорный аппарат. Нюх говорит мне о том, что это животное, предположительно птица. А сенсорный аппарат...

Колебания, доносящиеся с черенка и передающиеся в центры слуха с тонких усиков-вибрисс, говорят о том, что это существо производит звук, различающийся по частоте и амплитуде. Проще говоря, пение.

– Фью-ть, фью-ть... пи-пи-пи! Фью-ть.

Подобные звуки может издавать только птица, и судя по всему, певчая или нектарница.

Итак, какая-то мелкая птица присела отдохнуть на черенке. Описание процесса кажется длинным, на самом деле на идентификацию объекта я затратил около секунды. Не буду обращать на нее внимания, она не опасна, и более того, может принести пользу, если питается насекомыми. Вот если бы это были обезьяны, или шестипалы, то тогда можно было бы и припугнуть, выпустив шипы, или шевельнув нижними листьями. Такие животные могут повредить побеги и сломать цветки-катапульты.

Покой. Ничто не нарушает его, за исключением еле заметных шевелений букашек в корнях и на листьях. Птица улетела.

И тут! Яркость окружающего пространства изменилась. Солнце всходит! Пора распрямить верхние листья, развернуть их навстречу потокам света, чтобы проводить фотосинтез, этот сложный и полезный процесс, доставшийся по наследству от предков-растений. Чтобы жить и растить новые побеги, чтобы цвести и размножаться.

* * *

– Мне скучно, Кит, – сказала Мэйт и надула губки. – Ты куда меня не водишь, сидим все время в городе, а тут скучно.

Кит подошел к девушке, сел рядом и погладил ее по спине. До чего же хорошо смотреться на ней эти короткие шортики! На затылке Мэйт на мгновение поднялся волнительный светлый хохолок, но в следующее мгновение она снова нахмурилась.

– Ты же знаешь, я люблю тебя, – ответил он, стараясь сказать это как можно более искренно.

– Не правда, не любишь!

– Нет, люблю! – воскликнул Кит, схватил ее за руку и принялся гладить перепонки между хрупкими пальчиками.

Мэйт улыбнулась, повернула к нему свое нежное личико салатного цвета и заявила:

– Тогда отведи меня в парк Тотемов!

Кит отпрянул.

– В парк Тотемов? Нет, но что тебе нужно в парке Тотемов?

– Там растут восхитительные цветы, бегают карликовые олени, а по лианам ползают маленькие шестипалы, вот такие вот, мне рассказывали!

– Говорят, туда вход по пропускам... И никто точно не знает, что в этом парке находится, он же существовал ещё до того, как построили наш город.

Мэйт задрала вверх носик, сбросила с плеча руку Кита и подошла к окну.

– Мума рассказал мне вчера, как пройти в этот парк. Он уже был там два раза, принес оттуда живую орхидею и... ты знаешь, он пообещал сводить меня туда. Правда, здорово?

Щетинистые пучки на щеках Кита встали торчком, он поднялся с кровати и стал нервно ходить по комнате.

– Это не здорово, не здорово! Вдруг там что-то опасное, не зря же его отгородили защитной стенкой. Хищные животные, или ещё что-то.

– Ты трусливый! – заявила Мэйт раздраженно. – Нет там никаких хищников, даже если были бы, ты обязан меня от них защитить!

– Глупости, – ответил Кит, оправдываясь. – Я не трусливый.

– Раз не трусливый, то пойдем туда сегодня же! Или меня Мума отведет – всё, точно.

Кит смирился с поражением, подошел к девушке и снова обнял ее.

– Хорошо, хорошо, только не сердись. Сейчас позавтракаем и пойдем в твой парк.

* * *

Солнечный день. Прямые солнечные лучи согревают меня, ускоряют химические процессы. Я доволен. Через пару дней, если не пройдет сильный ливень, надо будет дожидаться юго-западного ветра и выбросить пыльцу. Месяц назад с северо-востока ветер принес мне радостную весть – феромоны приветствия молодого женского организма. Значит, где-то там растет моя соплеменница, живет такой же большой и, я надеюсь, сытый организм, способный продолжить наш род. Я был счастлив тогда и вскоре зацвел.

Сезон дождей почти закончен. В этом году не было сильного наводнения, как раньше. Вообще время сейчас хорошее, спокойное. Мне уже почти сто лет, и я пережил четыре сильных паводка, два урагана, пять засух и даже один снегопад. Раньше вокруг меня росло семь моих братьев и сестер. Я обменивался с самцами запахами-сообщениями, пыльцой с самками, мечтал и питался, вместе переживал невзгоды.

Трое погибли в юном возрасте, два засохли в последнюю засуху. Одного моего брата за что-то срубили прямоходящие, а другого мне пришлось вытравить. Он покусился на мою территорию, на мою землю. Его корни соприкоснулись с моими, и я понял, что придется действовать. Это была его беда, что он укоренился рядом со мной, и мой яд оказался сильнее. Он был конкурентом, и я не жалею, что постепенно уничтожил его. Земля вокруг меня должна и будет принадлежать только мне. А остальных, что росли подальше, мне жалко до сих пор.

Вы спросите меня про мое мировоззрение? Я прагматик. Я делаю только то, что требуется и в чем я уверен. Мы, Цветки, разные, у нас, у каждого, есть свое подобие нервной системы и свой разум, а вместе с ним и свой характер.

Есть те, кто предпочитают отрастить побольше верхних листьев и ловить солнечные лучи. Есть те, кто обходиться только нижними листьями, а верхних имеет всего несколько штук, на случай крайней необходимости. Есть те, что пользуются преимущественно корнями и накапливают в своем стебле много воды, как кактусы. Я соблюдаю золотую середину, у меня в достатке и тех, и других листьев. Я люблю питаться. Я люблю цвести и размножаться. Наверное, у меня уже много детей, маленьких ползучих существ с одним фасетчатым глазом, полу-растений, полу-животных. Скорее всего, многие из них уже выбрали место для укоренения, и растут сейчас, занимая свое место в экосистеме нашего леса.

Так, что у нас с лианой? Три дня назад, изучив состав почвы, я обнаружил в метре от себя, между нижними листьями, молодые корни хищной лианы. Она способна опутать меня всего и выкачать все соки, если вырастет. Но мы не дадим ей сделать этого, о нет. У меня припрятано для таких случаев специальное оружие – яд. Я собираю его нижними листьями и накапливаю в особых жилах, расположенных по всему моему организму. Уже второй день я выделяю токсины в почву около лианы, думаю, ей недолго осталось. Так было и будет со всяким, что осмелится посягнуть на мой организм или на мою жилплощадь. Внимание! Колебание почвы. Ритмичное. Такое при ходьбе создают большие животные. Запах. Резкий, неприятный запах города и смерти. Звук. Речь небольшого прямоходящего.

– О-о, смотри, какой красивый цветок!

– Где, где?

Два голоса, два живых организма. Голоса чистые, молодые, это хорошо, такое редко бывает.

– Вон там, на пригорке! Какие большие разноцветные листья наверху, смотри! А как пахнет!

– Смотри, вон кости чьи-то... Нет, не ходи туда, Мэйт!! Это опасно, это...

Нога прямоходящего коснулась усиков-сенсоров на краешке замаскированной листовой пластинки. Створки-челюсти большого нижнего листа сомкнулись на жертве, а-ам.

– Ааа-аа!! Нееет! Спаси меня, Кит, оно схватило меня, схватило! Оно все липкое! Ааа!!

Жилы-мышцы в черенке напряглись и подняли свернутый лист с пищей над землей. Это сложно и энергозатратно, но процесс стоит того. Пища. Она ещё пытается выбраться, но, похоже, у нее нет специальных средств для этого. Это хорошо. Скоро снотворное окажет свое действие.

– Ааа!! Срежь его! Переруби черенок!! Спаси меня!!

Толчки на почве. Что они делают? Хм.

– У меня нет ножа! Я не могу допрыгнуть! Оно подняло тебя! Оно высоко! Ну, второй, подойди поближе, у меня есть для тебя соседний листок.

Нет, чувствую по звуку, уходит. Жаль.

– Я спасу тебя, я приеду за тобой! Я скоро, подожди!

– Ааа!! Не уходи, Кит! Не оставляй меня... Не оставляй...

Я доволен. Я буду сыт сегодня. Если, конечно, за моей едой никто не придет в течение получаса.

2 эпизод

Рано утром в отсек генерального смотрителя парка зашли двое в костюмах городской администрации. Первый был форстенийцем, приземистым Разумным некогда широко распространенной лесной расы, а второй – белокожим человеком с острой рыжей бородкой. По лицам вошедших генеральный смотритель понял, что случилось что-то серьезное.

– Господин Кимми, – сказал форстениец отрывистым, гортанным голосом. – Вы в курсе, что произошло вчера вечером?

– Нет, – признался смотритель. Он и вправду ничего не знал, так как ещё не смотрел отчеты подчиненных. – Змеи перелезли через стену?

– Хуже, господин смотритель, – человек подошел ближе и бросил на терминальный стол рамку с какими-то документами. – По вашей вине чуть не погибла дочь одного из сенаторов, юная Мэйт Гоогану.

– Пот Гоогану? Который из расы агаонцев? И в чем моя вина?

– Ее чуть не сожрал один из ваших «цветочков», господин Кимми, – сказал человек. – Благо, центральная регенерационная была свободна, и сейчас жизнь молодой девушки в безопасности. Я думал, подобная информация должна быть вам известна.

Глаза генерального смотрителя округлились.

– Цветочек? Вы хотите сказать, исполинский дриадник? Как эта девчонка туда попала?

Вошедшие молчали. Смотритель вскочил из-за стола, его лицо побагровело.

– Как она попала туда, я спрашиваю! Негодная девчонка! На ней наверняка была синтетическая одежда. Они не понимают, что режим питания для каждого дриадника подбирается строго индивидуально, его нельзя кормить чем попало...

– Господин Кимми, – перебил его человек. – Вы же не станете отрицать, что в этом присутствует ваша вина. Ваши подчиненные и вы, как генеральный смотритель, должны следить за тем, чтобы никто из горожан не пересекал защитную стену и не находился на территории парка без сопровождения. К тому же, подобные случаи имели место в прошлом году.

– Мне вообще кажется возмутительной ваша реакция по поводу этого случая, – добавил форстениец. – Из-за вас чуть не погиб Разумный, а вы печетесь о пищеварительных процессах этого чудовища!

Смотритель отошел от стола и принялся постукивать пальцами по шкафу с каким-то образцами.

– Следить обязан... Разумный, говорите, чуть не погиб... Вместо того, чтобы заниматься обвинениями в мой адрес, выделили бы лучше средства на модернизацию генераторов стены и двадцать дополнительных работников для охраны. И вообще, да что вы понимаете! Эти «чудовища», как вы выразились, старше города, старше большинства из его жителей. И они не менее разумны, чем мы с вами, или эта глупая агаонка и ее невнимательный папаша-сенатор. Этот мир создавался для Цветков! Мы живем в бывшем экспериментальном мире, по недоразумению переведенному в состав жилых. И все мы – захватчики, незваные гости для них. Но, к сожалению, о существовании дриадников в городе до сих пор знают лишь единицы. Я давно выступал за скорейшее раскрытие...

– Да, но для нас все это не важно, – оборвал его форстениец. – Администрация хочет, чтобы горожане больше не подвергались опасности. Завтра на рассмотрение сената будет вынесен вопрос о вырубке всех двадцати двух оставшихся дриадников.

Генеральный смотритель охнул от удивления, затем подошел вплотную к представителям администрации и перешел на крик.

– Вы права на это не имеете! Вы вспомните! Когда Конфедерация миров включила нас в свой состав, одним из обязательных наших условий было сохранение жизни этих уникальных существ! Мы столько трудов вложили в выращивание четырех новых молодых дриадников, это наши дети, а ваша администрация... Это вопиющий факт беззакония, я обращаюсь к Наместникам!

– Три «цветка» живут в большой оранжерее городской академии, – возразил человек. – Скоро, как нам сказали, у них будет потомство.

– Ничего вы не понимаете! Территория бывшего леса и так сокращена в три раза! В пакте о вступлении говорилось о сохранении жизни всех дриадников в естественных условиях – то есть в лесу, а не в оранжерее! Они не просто плотоядные деревья, все «цветочки» – Разумные, а Наместникам не понравится ущемление прав столь малочисленной разумной расы, уж поверьте мне!

– Ну, пусть даже ваши «цветки» и вправду разумны, – сказал форстениец, усмехнувшись. – При чем здесь ущемление прав?

Кимми покачал головой и вернулся за стол.

– Как же вы глупы... Впрочем, таково большинство. Скажите мне, вы же не станете, к примеру, сажать сенатора Гоогану в террариум, а всех остальных из расы агаона расстреливать? И утверждать после этого, что мы соблюдаем право разумного вида на существование?

– Не иронизируйте, – отмахнулся форстениец и направился к выходу. Человек пошел за ним. – Мы донесли до вашего сведения предварительное решение администрации. Также будет решаться вопрос о вашем увольнении. Ознакомьтесь с материалами, которые я принес.

Дверь за гостями закрылась. Господин Кимми остался сидеть за столом, беспомощно обхватив голову руками.

* * *

Я теперь знаю, как она выглядит. В последний раз соплеменница учуяла запах желез на моих верхних листьях и послала с северо-восточным ветром большое послание о себе.

Она ещё совсем юна, ее корням нет и пятнадцати лет. Сверху на ее тонком светло-зеленом стебле расположено семь нежных листовых пластинок, обращенных к свету, и всего два нижних листа, ещё ни разу не использованных. На ее теле почти нет шипов, и лишь недавно моя соплеменница отрастила себе соцветия. Как всё же жаль, что она растет далеко от меня, если бы ее ствол находился в зоне прямой видимости, мы бы смогли общаться и при отсутствии ветра.

Позавчера я лишился одного из своих нижних листьев. Кто-то пришел и отрезал его черенок большим острым предметом. Рана на моем теле до сих пор болит, хоть сок из волокон уже перестал выделяться. Хоть я уже не в первый раз теряю часть своего организма, все равно никак не могу привыкнуть к болевым ощущениям. Но ничего. В конце концов, это и не страшно, отращу новые листья. Пища, которая мне попала, все равно была невкусной. По крайней мере, ее оболочка, которую я частично растворил. Я отказываюсь понимать, куда смотрит природа – если тело организма столь неприятно на вкус, какую пользу столь бессмысленный субъект может принести миру?

Хотя польза, возможно, и есть – яду я впитал прилично. Лиана, которая ещё недавно угрожала мне, теперь окончательно засохла. Это замечательно, теперь я снова полноправный хозяин своей земли.

Я отвлекся. О чем же я думал? Так, надо вспомнить. Ах да, о нашей молодой соплеменнице. Она, несомненно, прелесть. Счастье переполняет меня. Нет, я сделаю это сегодня же, лишь бы дул соответствующий ветер.

Какие-то странные звуки с северо-востока. Монотонный нудный гул. Что-то странное там творится, жаль, что я не вижу. А что, если это как-то связано с моей соплеменницей? Может, повернуть мой фасетчатый глаз немного налево? Нет, не стоит, пусть он и дальше смотрит на восток. Ладно, не важно, в конце концов, все равно так далеко я не смогу ничего разглядеть.

– У-а, у-а, – послышался крик на юге, за ним такие же вопли, только подальше. Обезьяны. Вчера вечером небольшая стая пробежала по окрестным пальмам, но на меня так никто и не запрыгнул. Наверное, это хорошо – их пальцы слишком цепкие, и вероятность, что эти животные свалятся на нижние листья, ничтожна. Обезьяна попадалась мне всего три раза за все время, что я расту, и я бы не сказал, что это лучшее мясо, что я ел. Молочные поросята, регулярно мне попадающиеся, намного лучше.

Я совсем забыл про ветер! А ведь он как раз дует с юго-запада. Пора! Мои соки бегут быстрее и приливают к цветкам-катапультам, волнительное ощущение захватывает меня, я весь горю от радости и счастья. Как давно я не испытывал ничего подобного! Ещё мгновение, ещё немного оттянуть момент блаженства...

И вот, наконец! Все пять цветков сжались и выпустили маленькие облака желтой пыльцы. Ветер подхватил их и понес на северо-восток, к моей соплеменнице. Я расслаблен. И пусть из всех миллионов пылинок в ее сторону долетит лишь ничтожная доля, я верю, что моя пыльца достигнет ее нежных цветков, и у нас будет потомство. Это будет первое потомство для нее, как прелестно. Я рад.

– А тут у вас ещё один, что ли?

– Нет, тут ничего нет. Только пальмы.

– Ну не обманывайте, господин бывший зритель. Раз нам с ребятами сказали выполнить эту работу, то мы всё равно всё сделаем, даже если вы мне не укажете расположение.

Их много, штук пять. Кто это? Новая пицца? Это хорошо, после выброса пыльцы как раз не мешало бы основательно подкрепиться.

– Да вот же он, я помню, что он здесь рос.

– Точно, вот он. Осторожнее подходи, вон с той стороны.

– Вы уроды, изверги! Живодеры! Вы не понимаете, что вы делаете. Он живой, он о чем-то думает сейчас!

– А по мне так, фикус фикусом.

Опять этот мерзкий жужжащий звук. Только теперь уже совсем близко. Эти прямоходящие явно что-то собираются сделать... Пошевелю-ка я листьями.

– Дергается, гад! Сначала листья отруби. Наискосок режь.

Боль. Жуткая, нестерпимая боль. Неужели они пришли убивать меня? За что?

Об авторе

Родился в 1987 году в Свердловске (ныне Екатеринбург), где проживает до сих пор. Закончил УрИТ-УПК и УрГПУ, работает в сфере информационных технологий в крупном промышленном холдинге. Начиная с 2010-го состоит в оргкомитете всероссийского фестиваля фантастики «Аэлита», составитель и организатор издания ежегодных сборников рассказов «Аэлита». На бумаге издается с 2008 года, автор более 30 публикаций, в т. ч. в изданиях «Эксмо», «АСТ», журналах «Полдень», «Уральский Следопыт», имеет перевод-

ные публикации (на болгарском и на английском). Гитарист, основатель трёх групп/проектов экспериментальной рок-музыки.

Ненаучная фантастика

Эля Латыпова Летящая

Он сказал: «Вот и лети себе!» Ну, я и полетела. Психанула и полетела. Куда глаза глядят. Правда, ничего не видела, слёзы только. Не помню, как я оказалась в Небе. Помню, что выскочила из подъезда, стукнулась сильно плечом о косяк вывернутой двери. Меня встретил и посочувствовал единственно сохранившийся от тумана фонарь на широком столичном проспекте. Несколько каменных ступеней вниз, и я – во тьме затаившегося города. Никто не видит вырвавшихся на свободу слёз, а главное – он. Несмотря на комендантский час, долго неслась по черной улице, не разбирая дороги. Город не спал. Даже если бы очень захотел: гул и рёв тяжёлых машин заполнял всё пространство между домами. Я могла орать и рыдать, никто бы меня не услышал. В какой-то момент я перестала чувствовать под собой жесткость и беспощадность грунта. Меня не вывело из оцепенения даже то, что тянущиеся бесконечно вдоль дорог бронетранспортёры незаметно сменились на несущиеся тёмные рваные обрезки облаков. Пришла в себя лишь, когда в состоянии ступора, перестав дышать, камнем устремилась вниз. Только что передо мной разорвал тишину ринувшийся вверх самолёт. Покорно я почти долетела до земли, но вовремя спохватилась и восстановила своё дыхание. Благодаря ему, мне удавалось легко держаться в воздухе. Всё, как в моих снах. Сияющая сфера, наполненная чем-то удивительно прекрасным и лёгким, возникла где-то возле позвоночника, между лопатками – тоже как во сне. Вот, пожалуйста, взгляни, любимый. Я лечу. А ты не верил. Хотя может и верил, но... Не буду, не хочу больше о нём.

В общем, я всегда знала, что могу летать. И я знала, что рано или поздно это произойдёт. Правда, с тех пор, как всем стало известно, что инопланетяне оккупировали Землю и контролируют всех и всё, настроение как-то резко поменялось. Словно мы с Небом договорились о чём-то важном, только для нас обоих важном. Вроде оно даже обещалось меня предупредить, *когда, где и как* мы это наше с ним предприятие осуществим, а тут – нате вам! Нигде и никогда. Небо промолчало. Я, конечно же, и раньше догадывалась, что кто-то всем мешает здесь жить, но чтобы так, без какой-либо надежды на торжество свободы... Это с их-то техническими возможностями!.. А смысл тогда летать?! Чтобы посмотреть сверху на гаражи из соседнего двора? Раньше я думала, Небо – вот где она, свобода! Но как выяснилось, и там её тоже нет.

Долго я не смотрела в него. Словно оно меня предало, и вообще во всём, что происходит, было виновато. Чувствовала, что и ему оправдываться нечем. Нечем было до сегодняшнего дня. Просто сегодня я сообщила Никите правду. Никита рассмеялся. Сначала от души смеялся, а потом как-то зло. Помолчал, ухмыльнулся и на полном серьёзе ответил:

– Я так и думал, что ты что-то подобное отчебучишь. Странная ты какая-то. Словно у тебя не всё дома. Выбери, любимая, – сказал он заковыристо как-то, – либо я, либо эти твои фантазии. Также мне, нашла, чем шутить! Ты лучше тогда из окна вон выпрыгни! Сразу понятно станет, с кем имею дело.

Я обиделась и сказала:

– Прыгать не буду, но улечу. Устала я тебе доказывать.

– Вот и лети себе, – сказал он. И крикнул. – Дура!

Когда я ещё только представляла себе, как это будет, думала, что захлебнусь от восторга. На самом-то деле, чувство такое, как если бы я предупредила Никиту одеться потеп-

лее, потому что знала, что там за окном – мороз, а он меня не послушал и слёг с температурой, а я ему:

– Вот, дорогой. Я же говорила... – Примерно так я себя сейчас и ощущаю. Никакого восторга, если честно.

Предвкушение холода – это первое, что раньше останавливало меня в моих фантазиях. Но сейчас мне ни холодно, ни жарко. И я дышу ровно и спокойно, значит, кислорода тоже достаточно. Эта чудесная сфера во мне между лопатками пульсирует, снабжая всем необходимым, позволяя мне легко управлять своим телом и лететь. Кто-то, будь он на моём месте, с любопытством смотрел бы сейчас вниз на торчащие вершины деревьев и крыш, посмеиваясь над снующими между ними человеческими фигурками, как раз, над которыми я сейчас пролетаю. Мне же интереснее, что происходит во мне самой. Ведь я действительно не помню, что я такого сделала особенного. Я просто знала, что умею летать. Неужели этого достаточно?! Вдруг я захочу повторить опыт? А я захочу...

Интересный денёк. Совсем не то, что задумывала с утра. Когда я проснулась – решение уже было передо мной. Сегодня обо всём рассказываю Никите. Хватит выдавать себя за того, кем я не являюсь. Глупо, конечно. Лучше б и дальше гладила ему рубашки, готовила завтрак, а ночью летала бы себе и летала. Такая правда устраивала бы всех.

Я поднялась уже очень высоко. Светящиеся в сумерках серебристые облака – далеко внизу. Случайно бросила рассеянный взгляд ниже, в сторону Земли и обомлела. Её опоясали серо-бурые тени. Густые, плотные, юркие, словно угри. Они тесно переплетались между собой словно ремни. Сквозь них невозможно было разглядеть очертания самой планеты. Кое-где между тенями были разрывы, в которые я всматривалась, пытаюсь увидеть, что там происходит. Земля, изрытая ходами и тоннелями, из которых то и дело высовывались серые угри-тени, раскурочена и изъедена ими, словно гигантская живая круглая рыба. Они легко пробивали её плоть своими непрекращающимися атаками, оставляя за собой белые рваные края. Забитая кишачими и угнетающими её сущностями, Она, тем не менее, продолжала *дышать*, то ритмично раздуваясь, то вновь оседая.

Моё ровное дыхание помогает мне быть там, где я есть, ритмичное дыхание Земли позволяет лететь Ей. Стоит мне затаить его, и я понесусь вниз, провалюсь в никуда. Но на Земле столько жизней! Что будет с ними после того, как она решит перевести дух хоть ненадолго и стремительно понесётся куда-то? Эти тени не дают ей дышать свободно. Уж коли они сотворили с Ней такое, что тогда происходит с теми, кто надеется найти на Земле укрытие и спасение? Мясорубка какая-то.

Дышать – теперь для нас обеих вопрос жизни, что бы ни происходило вокруг. Дыхание держит планету на орбите, а мне не даёт испытывать панику от стремительно меняющегося вокруг меня мира. Поэтому я продолжаю контролировать, чтобы вдох сразу же последовал после выдоха. Чудесная сфера между позвоночником и лопатками благодаря этому пульсирует с ещё большим энтузиазмом и поднимает меня всё выше и выше. Я развернулась вокруг себя. Везде одно и то же. В голове мелькнуло: «А не вернуться ли мне домой». Как вдруг в одном месте возле горизонта я заметила что-то такое непонятное. То ли движение, то ли предмет. Любопытство взяло верх.

Приближаясь, ещё издали, я разглядела сотни летящих в Небо людей. Значит, я была здесь не единственная. Все видели то же, что и я: серость размножается и заполняет всё пространство нашего мира, проникая во все существа, в каждую щель.

Рядом со мной оказалась пожилая женщина. Она была одета в длинную экстравагантную юбку, остроконечную шляпку с узенькими полями, из-под которой выбивались седые редкие кудри, коротенькую курточку, с накинутым на неё длинным узким оранжевым шарфом и огромные мужские остроносые полуботинки. Глядя на меня широко раскрытыми светлыми глазами, она заговорщически сообщила, что нас хотят уничтожить.

Другая дама, с коротко выстриженной головой, в джинсах с огромным количеством карманов, в футболке с изображением группы Битлз тоже собрала вокруг себя слушателей, убеждая их в том, что хорошие инопланетяне решают сейчас, как нас спасти от надвигающейся катастрофы и переселить на новую планету. Чем дальше я углублялась в толпу, тем отчётливей осознавала, что мне не понятно, что здесь вообще происходит. Я не знала, в какую сторону двигаться дальше.

Пожилая дама, в окружении молодых ребят, продолжала рассказывать им, указывая рукой в космическое пространство:

– Через несколько часов произойдёт парад планет. Вы видите, как они выстраиваются там справа от нас в одну линию. Взгляните. Вот эта яркая планета Юпитер, рядом с ней Сатурн... А вот это Центр Вселенной. – Вокруг нас выстраивались друг за другом планеты. Зрелище ещё то. Словно в энциклопедии по астрономии. Только тут они были реальные. Мне казалось, что я вижу, как и их бока равномерно вздымаются, чувствовала ветер с их стороны. – В Центре Вселенной, так же, как в каждом из вас есть своя животворящая сила, свой талант. Именно сегодня в момент, когда состоится парад, из Центра будет произведен мощный выброс энергии. Созидательной энергии. Мне кажется, дорогие мои, мы можем это как-то использовать...

Сбоку от меня стояла парочка, мужчина и женщина. Они держались за руки и молчали. Я подумала: вот что мешало Никите принять мир таким, какой он есть, а не таким, как он привык его видеть? Глядишь, и он бы однажды почувствовал, что способен на большее, возможно даже, что и полететь, и мы были бы рядом, как эти двое. Пока другие рассуждают о спасении планеты, я знаю, им кажется, что в них самих Вселенная уже спасена, и что все другие мероприятия – пустая трата всего.

Мужчины, скрестив руки на груди, говорили, что, что бы мы ни делали, мир контролируется особыми службами. На самом-то деле, они всех давно зачипизировали, и теперь могут управлять нашим поведением. В итоге, нашими же руками им удастся уничтожить планету, нанеся ей решительный удар из своих космических приборов, а не из какого-то там за уши притянутого творческого потенциала Вселенной.

Как всегда, ничего не понятно. Кому им? Спецслужбам? Инопланетянам?

Никита, миленький! Вот я влипла! Хотела просто полетать. Не бывает ничего просто. Пора бы это знать! Ведь меня саму не устраивала участь посредственного использования своего дарования. Хотелось чего-то выдающегося. Вот, получай! Что же делать?

Те, что не примкнули ни к одному из сообществ, находились в растерянности и ожиданиях. Группка ребят сновали вокруг, предлагая какие-то обереги и талисманы. Я металась в поисках кого-нибудь, кто был бы способен что-либо толком разъяснить. Люди не могут придумать, что делать. Хочу узнать о Никите, что будет с ним, с нами. И чем быстрее, тем лучше.

Пожилой человек среднего роста, двигался навстречу. Седые волосы на его голове и бороде были аккуратно подстрижены. Парусиновые летние рубаха и штаны болтались и напоминали профессорский балахон. Люди расступались перед ним, а многие летели следом. Он то и дело доставал из кармана носовой платок, вытирал им пот со лба. Я сразу поняла, что он – тот самый. Оказавшись рядом, поздоровалась, представилась. Он назвался странным именем Индеборг. Я извинилась, что лезу со своими малозначительными для планеты и Вселенной вопросами, но чрезвычайно значимыми для меня. Я сказала, что на Земле – мой любимый человек. Он очень хороший, правда, до него долго доходят многие вещи. Мне важно знать, что будет с ним.

– То же, что и с вами, – ответил он, глядя прямо мне в глаза.

– А что будет со мной?

Симпатичный человек помолчал и, хитро прищурившись, ответил:

– Если ваш талант развит и устойчив, вы в состоянии будете изменить себя и мир вокруг, а если он слаб и подвержен влиянию извне, то вы останетесь такой же инфантильной и безответственной, и серость с удовольствием расщепит в своей кислоте вас и вашего туго соображающего Никиту. – Тут оратор развернулся навстречу другому летящему, направляющемуся к нему, тот, тоже хотел его спросить о чём-то. Не убедил и не утешил. Хотя с моей стороны рассчитывать на утешение было, по меньшей мере, эгоистично. Утешайся сама, милочка, большая уже.

Интересно, что сейчас делает Никита? Тяжело вздыхаю, совершенно позабыв об особой значимости этого действия в открытом космосе.

По-видимому, дыхание моё прервалось, и я чуть было не канула вниз. Находившиеся рядом летящие поддержали. Неожиданно мне в голову пришла потрясающая идея. Представив Никиту, делаю резкий вдох, такой резкий, что в груди закололо и в глазах помутилось, и тут же... я оказываюсь рядом с ним.

Он сидел за столом на кухне, пил кофе и курил. Никита выпучил глаза, побагровел, как рак, увидев меня, выронил сигарету. Молча нагнулся, чтобы убрать её.

– Никит, это я. Я прилетела, чтобы сказать тебе, что люблю тебя очень. – Он сосредоточенно убирал с пола мусор. Я подошла и обняла его крепко.

– Ты где была? Я всех тут на уши поставил. Этой полиции сейчас не до нас, ты знаешь об этом прекрасно. Что-то происходит. Они к чему-то готовятся, никому ничего не сообщают.

– Да, происходит. Вернее, произойдёт с минуты на минуту. Парад талантов. Жаль, что ты этого не увидишь. Не смейся. Ты должен мне поверить. Ведь ты мне веришь?

– Верю. – Буркнул он и обнял меня.

– Боже, какое счастье. Мы вместе, как и раньше. Всё это сон, какой-то дурацкий страшный сон. Возможно, что мы все спим и видим один и тот же сон. – Я глажу Никиту по голове, а он закрыл глаза и молчит. – Вот уже почти год, как никто на Земле не видит Солнца. Сейчас я знаю, почему, а до сегодняшнего дня мы видели только, что тучи опускаются всё ниже и ниже. Сначала они висели над самыми нашими головами. Потом многие пытались доставать их рукой, а потом люди стали исчезать бесследно. Мы привыкли к тому, что густой бесцветный туман встречает нас у самого порога. А вот сейчас он, посмотри, как столетняя паутина, забивает все углы и щели наших комнат.

Серая вата, разрастаясь и сгущаясь, шипит и шушукается, окружая нас плотным кольцом. В ней уже растворились мебель и стены. Остались только мы. Никита удивленно разглядывал, как со стола медленно, миллиметр за миллиметром исчезла сначала кофейная чашка, а затем и пачка сигарет. Потом, спохватившись, он протянул руку в туман, чтобы вернуть оттуда свою пачку. Сигарет на том месте уже не оказалось, а рука через несколько секунд покраснела и покрылась волдырями. «Серая масса с удовольствием расщепит в своей кислоте вас и вашего...» Я не знала, что делать дальше. Теперь я поняла, что седой видел, что это произойдёт, но ничего мне об этом не сказал.

– Никит, что происходит? Что мне делать?

– Теперь уже ничего. Сиди. Я сам справлюсь. Сейчас, наверное, все сидят и ждут.

– Чего ждут?

Он сильно поморщился, перевязывая платком руку.

– Сигареты закончились.

– Ты мне скажи, чего люди ждут?

– Не знаю. Я вот жду, когда это всё закончится.

– Не ходи к гадалке. Никит... – Я помолчала, подбирая слова. – Знаешь, я могу спасти нас. Только мне надо срочно уйти... Улететь.

– Издеваешься? Куда ты пойдёшь?

Собравшись с мыслями, я посмотрела на него и сказала:

– Никит, когда это произойдёт, думай обо мне. Это всё, что ты должен сделать. Ты меня понял?

– Бросаешь? – спросил он, ухмыляясь. Потом добавил уже серьёзно. – Я всегда думаю о тебе. Мне будет несложно сделать это. И вообще, что ты там опять надумала? – он резко отодвинулся от меня. – Посмотри, всё исчезло. Пока мы рядом, с нами всё будет в порядке.

– Никита! Я прошу тебя, доверься. Если я останусь, мы будем просто наблюдать, как исчезаем. Нельзя ждать и ничего не делать!

Вдруг перед глазами встала картина восходящего из-за кромки Земли Солнца, я видела, как все *летящие* выстроились в круг. Они что-то придумали! Там была пожилая женщина с оранжевым шарфом, и дама с изображением Битлз на футболке, и те мальчишки, что предлагали талисманы. Я быстро обняла Никиту за голову и расцеловала его лицо, затем резко вздохнула. Он что-то хотел сказать, но вокруг уже неслись облака. Мгновенно оказаться *на месте* мне не удалось. То ли Земля не пускала, то ли сама себя, то ли Никита. Приходилось прикладывать усилие, чтобы дышать ровно. Вдохи и выдохи, чередуясь, помогали лететь быстрее.

Я вдруг вспомнила себя, когда ещё была совсем девчонкой, и подолгу смотрела в Небо. Вспомнила и поняла, *что* именно я видела там, между Землёй и звёздами. Я видела километры, десятки, сотни километров заполняющего это пространство особого вещества. Это вещество – любовь. Её любовь к нам. Километры любви. Вот почему все деревья неизменно тянутся ввысь. Но тогда, в детстве, мне казалось, что Земля одаривает своей любовью исключительно меня одну. Любовь Земли – особое вещество. Им наполнена моя маленькая сфера между лопатками, мой талант, мой гений, помогающий мне сейчас лететь. Наверно, не случайно пришло воспоминание об этом. Словно Земля мне хотела сказать: «Когда это произойдёт, думай обо мне».

Всегда везде патологически опаздывала. Я увидела, что как только сомкнулись руки *летящих*, тут же всё космическое пространство напряглось и загудело. Сияние звезд поплыло, стало жарко и возникло марево. В Центре Вселенной я увидела вспышку. В сторону Земли вылетел едва уловимый сверкающий штрих, потом он стал похож на луч. Он прошёл сквозь выстроившиеся планеты, и дальше пронзил образованный *летящими* круг. Светло-голубой луч сначала был узким, но затем он начал расширяться и превратился в поток, расталкивая людей в разные стороны. Я летела вдоль сомкнутых рядов, пытаюсь найти возможность вклиниться. Но руки *летящих* настолько крепко были сцеплены в локтях, что побелели от напряжения. Они направляли созданный Вселенной Импульс. Было ясно: стоит кому-либо не выдержать и разжать их, как световое течение тут же прорвётся и разнесётся бесцельно в пустоту. Я оставила бесплодные попытки догнать упущенное и провожала взглядом уносящуюся к Земле Реку Света.

Её приближение заставило всю бесформенную заразу сжаться, образовав плотный стальной панцирь вокруг планеты. Я зажмурила глаза. Вокруг всё побелело. Мощную вспышку я увидела даже сквозь сомкнутые веки.

Когда мне удалось открыть их, то бликующий панцирь оставался невредим, а вокруг – море рассеянной зелёно-голубой пыли.

Я обернулась в сторону, откуда был рождён Импульс. Возможно, Вселенная была готова покорно смириться с неудачей. Сейчас Центр погаснет, Земля исчезнет, планеты разойдутся, и всех это устроит, все успокоятся.

Я старалась не прерывать дыхания. Сама не ведая, что творю, развернулась к Нему и крикнула:

– Ээй!! А знаешь, что сейчас находится между Тобой и Ею? – Я указывала в сторону Земли. – Километры, страшно сказать сколько, да я и не знаю, тысячи, миллионы километров любви, Её любви к Тебе!.. Прошу тебя, поверь мне!

Тихо. Звёздные ветры замерли. Так я и думала. Слишком самоуверенно. Я развернулась и полетела домой. Внезапно по спине пробежала горячая тугая волна. Тут же я ощутила мощный толчок, словно невидимая сила прошла насквозь. Я видела, как рассеялась на тысячи светящихся сфер. С бешеной скоростью я понеслась к своему дому, следом меня догоняли разбросанные в первой атаке светящиеся сферы других *летающих*. Космический вихрь. Вот кто мы теперь. Мы частицы гениального воображения Вселенной. Заточенным клинком мы вонзились в непробиваемый стальной щит, прорезая его словно пену. Никита стоял на кухне, окружённый со всех сторон густым кислотным туманом. Он был обожжен им, но он был живой. Мы быстро разогнали всю ту мерзость, что отгораживала от нас и наших близких настоящий живой мир. Проникая во все тайники и щели, мы гнали эту посредственность впереди себя до тех пор, пока последняя тень не была высвечена нами насквозь. Созданная *летающими* волна Вдохновения пронеслась гигантским цунами вокруг Земли, оставляя после себя чистый и ясный её лик. Нам безумно нравилось наше высокое предназначение, смысл которого так долго на протяжении всей жизни каждый из нас не мог для себя определить. Мы стали настолько бесшабашными и отважными, насколько нам позволял творческий фонтан, вырвавшейся на свободу из самого Центра Вселенной...

Об авторе

Родилась в 1970 году в Магнитогорске. Закончила филологический факультет отделение журналистики в Университете г. Уфы. Работала руководителем фотокружка, корреспондентом газеты от Министерства здравоохранения «Медик». Несколько лет проработала в художественном училище. На телевизионном канале «Шарк-ТВ» была автором и ведущей детских телепередач. Принимала участие в работе молодых специалистов над созданием Центра сознательного родительства: отвечала за выпуск брошюр по теме. Некоторое время работала старшей вожатой в школе, корреспондентом и ответственным редактором бортового журнала «БАЛ». В настоящее время пишет рассказы. Помимо газетных публикаций, печаталась в журнале «Уральский следопыт», «Мост», в коллективном сборнике рассказов «Звёздный ветер», в сборнике АЖЛ «Листая свет и тени» и ещё в нескольких других. Отдельным изданием вышел сборник рассказов под названием «Койот». Победитель литературного конкурса «Звёзды Внеземья».

Дмитрий Шатилов Язык Тилода

Квартира моя расположена высоко, лифт не работает, внизу сидит консьержка – от незваных гостей я защищен надежно, даже чересчур. И всё же как-то они пролезают, все эти расклейщики объявлений, продавцы ножей, борцы за экологию, мошенники и сектанты, пролезают и стучатся в мою дверь – как раз тогда, когда я, выпив чаю и запахнувшись в халат, сажусь за свою диссертацию о роли и значении русского «ща».

Случилось так и на этот раз. Только я начал работать, только сложился в моей голове очередной изящный период, как раздался звонок в дверь. «Черти вас принесли», – была моя первая мысль, вторую же подумать я не успел: столь странным на этот раз оказался мой гость.

Был он похож на обветшавшего интеллигента – сальные волосы, потёртый пиджак, рубашка не первой свежести и мятые брюки, подпоясанные жёванным-пережёванным ремнём. Шляпа, которую он держал под мышкой рядом с непонятным свёртком, и вовсе была гостьей из прошлого – подобный фасон вышел из моды лет тридцать назад. Таких субъектов я встречал время от времени в курилке исторической библиотеки, где они спорили о перспективах белых в гражданской войне, хвастались ненапечатанными статьями и утирали друг дружке нос ненаписанными монографиями.

Было в нём, правда, что-то отличное от этих людей, нечто непонятное и даже немного пугающее. Он казался полубезумным – в глазах его присутствовал странный блеск, как у людей, узнавших что-то чрезвычайно важное и спешащих поделиться этим со всем миром.

Гость заговорил первым. У него оказался слабый, надтреснутый голос, словно давным-давно он вволю надышался книжной пылью, а вот откашляться с тех пор так и не смог.

– Вы – Саша Владимирцев? – спросил он и, не дожидаясь ответа, добавил. – Я вам писал.

– Во-первых, – сказал я, – никакой я не Саша Владимирцев. И вы мне не писали. Я вообще вас впервые вижу.

Секунд десять он пристально меня рассматривал, а затем сказал:

– Да, вы не Саша, у Саши были усы. И как это я сразу не заметил? Но ничего, вы тоже годитесь. Разрешите войти?

– Не разрешаю, – сказал я и закрыл за собой дверь. – Сначала объясните, кто вы такой и зачем вам я.

Незнакомец задумался. Лоб его сморщился, брови заходили вверх-вниз.

– Зачем мне вы – это, конечно, вопрос, да. Я вам, разумеется, никакого письма не писал. Я и Саше Владимирцеву-то никакого письма не писал, это у меня так, вырвалось. Но какая в сущности разница – писал, не писал? Намерение было – значит, все в порядке. Перед Языком я чист, это самое главное.

– Вы что – сумасшедший? – поинтересовался я.

– Ну, разумеется, – ответил он. – У меня и справка есть – показать? Вот, смотрите, – он достал из кармана мятую бумажку. – Чёрным по белому написано: ши-зо-фре-ния! Между прочим, я в Алексеевке пять лет отлежал.

– Лучше бы вы и дальше там оставались, – сказал я. – Я вызываю полицию.

Как по мне, прозвучало это из моих уст вполне угрожающе, но незнакомцу все было трын-трава.

– Вот поэтому-то я и пришел именно к вам, – сказал он. – Другой бы на вашем месте что сделал? «Ах, я чайник на кухне забыл выключить!» – а сам тишком, ползком, и к телефону. «Алло, полиция, приезжайте поскорее!». Выдумал бы ещё, что у меня бритва в кар-

мане припрятана! А вы – честный человек, и я – честный человек. Я же не притворяюсь, что я нормальный, мне это вовсе ни к чему. Просто для самой сути дела совершенно не важно, здоров я или болен. Понимаете?

– Предположим, – сказал я. – И что же вы от меня хотите? Чтобы я впустил вас себе в квартиру?

– Конечно, – сказал он. – Понимаю ваши опасения, всё таки незнакомый человек, но вещи я вам могу рассказать очень интересные, а если всё же боитесь – ну, посмотрите на меня и на себя. Вы – человек спортивный, подтянутый, а я – развалина, по мне давно могила плачет.

Слова его мне польстили: действительно, за этот месяц я, поднимая гантели, сбросил почти пять кило. Весу во мне, правда, оставалось немногим меньше центнера, но прогресс был налицо.

– Хорошо, – сказал я, и мы прошли на кухню. Там уже кипел чайник, и на столе стояла вазочка с печеньем.

– Что же, – спросил он, – чаю-то не нальете? Я бы выпил горяченького, такая холодина на улице!

Но чаю я ему не предложил, а потому он вздохнул и перешел к делу.

– Начнем с того, что я филолог, кандидат наук. Мог бы быть доктором, но диссертацию мою зарезали. Чепуха, бред, антинаучно, наконец – а можно подумать, что человек, который изобрел колесо, только наукой и руководствовался! Дудки! Он, может быть, забавлялся только, этот человек: подметил кое-что, сопоставил у себя в голове – и покатило под горку. Весело! Я ведь даже выводов никаких толком не сделал, так – высказал предположение... Но это я заговариваюсь, а вам ведь, наверное, интересно, о чем она была, моя диссертация?

– Да не особенно, – сказал я и демонстративно зевнул. – Но вы же всё равно – пока не расскажете, не уйдете?

– Конечно, – согласился он. – Вы – молодец, прямо на лету схватываете. Так вот диссертация моя была об одном языке. Язык Тилода – не слышали?

– Нет, – сказал я.

– Так я и думал. Очень древний язык, похож чем-то на филиппинский, но сложнее, со множеством нюансов. Интонация, суффиксы, прононс – ну да ладно, теперь его, по всей видимости, можно с чистой совестью считать мертвым. Тогда, в девяносто третьем, когда я занимался этим вопросом, во всем мире на нем говорили только семь человек, и все они были глубокие старики.

– Очень интересно, – сказал я.

– А вы не перебивайте, слушайте. Главная особенность языка Тилода заключается в том, что в нём совершенно отсутствует такое понятие, как «свобода»...

– Ну и что? – снова перебил я. – У эскимосов, например, семьдесят слов для обозначения снега, так и что же с того? Каждый народ что видит, о том и поет. Может быть, тилодцам этим просто не хватало свободы? Может быть, – продолжал я, не обращая внимания на укоризненный взгляд собеседника, – их веками заставляли вкалывать на каких-нибудь банановых плантациях? Черт возьми, да там могло быть всё, что угодно!

– Не всё, – сказал он неожиданно спокойно, даже весело, и я в первый раз за время нашего разговора заподозрил его в притворстве. Он показал мне справку, да, и там совершенно точно было написано «шизофрения», но разве не может быть такого, что всё это просто розыгрыш? Что прямо сейчас со своей скрытой камерой надо мною насмеются режиссер какого-то юмористического шоу, а с ним и вся его команда?

– Покажите ещё раз справку, – потребовал я.

– Пожалуйста, – сказал он, и справка вновь появилась на свет. – Пока вы будете её рассматривать и проверять на подлинность, послушайте меня – я расскажу вам кое-что интересное.

– В ваших словах, – начал он, – есть определенный смысл. Конечно, история народа безусловно отражается на его языке, и произойди с тилодцами нечто, что заставило бы их усомниться в возможности свободы – если разрешите, я не буду вдаваться в толкования этого многострадального слова – я был бы полностью на вашей стороне. Но в том-то и дело, любезный... Как вас, кстати, зовут?

– Артём Александрович, – ответил я машинально. Справка, судя по всему, была подлинной, и всё же меня не оставляли сомнения.

– Так вот, любезный Артём Александрович, в том-то и дело, что ничего такого в истории Тилода не было. Это был маленький островок в Тихом океане, который открыли только в середине двадцатого века. Возможно, туда и заплывали иногда пираты, но... Нет, говорить о каком-то влиянии тут просто нет смысла – всё ограничивалось тем, что они набирали пресную воду.

Отрицание тилодцами понятия «свобода» имело под собой совсем другую причину. Видите ли, Артём – могу я вас так называть? – жители Тилода считали, что любые их действия – обрядовые, бытовые, все без исключения – суть лексемы некоего божественного языка. Именно это и обусловило то, что повседневная жизнь тилодцев была подчинена великому множеству ритуалов. Для каждого поступка у них имелся строгий кодекс правил и предписаний, своего рода регламентация грамматики и синтаксиса «высказывания». В совокупности, считали тилодцы, действия их народа и остальных людей образуют ту или иную божественную фразу. Бытие как непрерывная речь Творца – неплохо, да? Говорю, следовательно, существую!

Но важно даже не это. Важно то, что тилодцы верили: существуют некие «слова-поступки», которые ведут за пределы божественной фразы, особые действия, придающие отдельному знаку – вам, мне, кому угодно – свой собственный, не зависящий от замысла божественной Речи смысл. Вы понимаете меня, Артём? Нет? Попробую объяснить.

Согласно тилодцам, обычная наша жизнь имеет служебный характер. Мы рождаемся, умираем, ненавидим, любим, разрушаем и творим лишь для того, чтобы складывались должным образом фигуры божественной Речи. Божественная Речь – вот что оправдывает наше существование во Вселенной. Буквы существуют для того, чтобы складываться в слова. Отдельный знак ничего не стоит, вырванный из общего текста – он есть ничто. Но давайте отойдем от абстракций, спустимся на нашу грешную землю. Ведь этот отдельный знак, как я уже говорил выше, это вы или я, да-да, вы или я, и ответьте-ка на вопрос: разве вы – ничто? Разве содержание вашей личной Речи, той самой, что всю свою жизнь вы держите перед миром, отличается принципиально от речи Творца? Глядите в оба, Артём, за масштабом тут прячется сходство. У вас атомы, у него – горы, но над вами обоими одинаково стоит Язык. Свободы нет, говорили тилодцы – есть лишь возможность, положив в основание собственный знак, повести свою, не ограниченную чужой грамматикой Речь. Это и будет дано человеку, нашедшему для себя единственно верный «поступок-слово». «Для себя» – в данном случае значит, что такая лексема у каждого человека своя. Хотите, я покажу вам человека, нашедшего собственную лексему? – неожиданно предложил он мне.

Слегка ошарашенный услышанным, я кивнул.

– Смотрите, – развернул он свой свёрток и достал оттуда компакт-диск. – Здесь записано видео, автор – один мой знакомый, тоже филолог. У вас есть проигрыватель?

– Конечно, – сказал я. – Пойдемте, у меня как раз включён компьютер.

Мы прошли в мою комнату, и он засуетился у системного блока.

– Ну, где же эта кнопка? – бормотал он. – А, вот она... Так, засовываем, толкаем. Всю жизнь был не в ладах с техникой, – повернулся он ко мне. – Кассетники – еще туда-сюда, а вот диски... Смотрите, он не читает! Неужели испортился?

– Дайте посмотреть, – сказал я и, открыв дисковод, обнаружил, что диск лежит отражающей стороной вверх. Ох, уж эти гуманитарии, мелькнула у меня мысль – столько умных слов, а болванку – и ты не можешь записать по-человечески.

– Готово? – он смотрел на меня выжидающе.

– Да, – сказал я. – Сейчас запустится.

И видео запустилось. На экране возникла комната, и в комнате был человек. Он сидел на полу, посреди газетных вырезок, и сосредоточенно что-то из них клеил.

– Шляпа, – шепнул мне на ухо незнакомец. – Это он шляпу делает.

– Не мешайте, – попросил я. – Дайте разобраться самому.

– Не подумайте только, что это какая-то бессмыслица, – сказал он. – Видите ли, и Слово и Дело в данном случае могут быть чем угодно...

– Я понял, – сказал я, пытаюсь скрыть раздражение. – Не мешайте.

Какое-то время мы смотрели молча. Человек на экране действительно клеил себе шляпу, надел ее и теперь ходил по комнате, разглядывая стены. Когда он неожиданно воскликнул «Ага!», я вздрогнул. Человек же достал из кармана мел и начертил на стене круг. Больше ничего он не сделал.

– Ну и что? – спросил я. – Круг, а дальше?

– А нужно что-то еще? – парировал незнакомец. – Смотрите: вот он совершил Поступок, а теперь найдет и Слово. Сейчас он исчезнет.

– Куда? – спросил я.

– Понятия не имею. Туда, вероятно, где сейчас пребывают другие, прошедшие тем же путем.

– А есть и другие?

– Кто знает... Не отвлекайтесь, всё вот-вот произойдет.

В томительном ожидании протекла минута-другая. Человек на экране продолжал свои поиски, где-то ощупывая стены, а где-то прижимаясь к ним ухом. Нетерпение моё нарастало.

– Ну, скоро? – спросил я шепотом незнакомца.

Но ответил мне не он, а само видео. Человек на нём повернулся к камере лицом, улыбнулся и сказал: «Вот и всё». А затем произнес: «ЗИД» – и исчез.

– Это и было Слово, – сказал Незнакомец. – Слово и Поступок стали одним, и он ушёл. Это все, что я хотел вам показать.

– И что я должен со всем этим делать? – спросил я. Конечно, видео походило на какую-то второсортную фантастику, и всё же мне казалось, что оно было подлинным. Было в нём что-то настоящее, не постановочное – поведение, что ли, этого исчезнувшего человека. Действия его были абсурдны, и, тем не менее, в них присутствовала какая-то скрытая логика.

– Что делать? – переспросил незнакомец. – Не знаю. Теория говорит, что у каждого человека Поступок и Слово должны быть свои. Возможно, вам следует начать их искать. А можете ничего не делать – я вас не заставляю. Это просто информация к сведению. Что ж, – вздохнул он, – я своё дело сделал, а, стало быть, надо идти.

Я проводил его до двери. Странно было смотреть на него – маленький, безумный, с причудливой Тайной за душой.

– Куда вы сейчас? – спросил я с порога своей квартиры – уютной, чистой квартиры, где так хорошо писать диссертации о роли и значении русского «щ».

– К соседям вашим снизу, – ответил он. – Надо же ведь и им рассказать!

– Не ходите, – попросил я. – Там не филологи, как я, там алкоголики, – но было уже поздно. Подмигнув мне на прощание, он спустился на девятый этаж и минуту спустя уже вовсю трезвонил в квартиру. Я пожал плечами и вернулся к себе.

Какая странная встреча! Веря и не веря одновременно, я все же решил посмотреть, не сгодится ли вдруг услышанное мною Слово и для меня, не откроет ли оно передо мной какие-то новые пути, помимо тех, которыми мне суждено следовать? Конечно, как всякий честный человек, я хотел бы найти такое Слово сам, но раз уж представился случай...

– ЗИД, – произнес я в тишине коридора.

Но ничего не случилось, разве что зачесалась подмышка.

Об авторе

Родился в 1988 году в Красногорске, Московская область. В 2010 году окончил Московский государственный областной университет, учитель истории, аспирант. Работает продавцом автозапчастей. Публикации: 4 рассказа в журнале «Великоросс», 1 рассказ в сборнике «Русская фантастика-2016», есть еще где-то (точного списка не ведет).

Юморкон

Андрей Силенгинский **Подсознание мамонта**

Пауза заметно затянулась. Тишина нависла над Валентином так же грозно, как мощные надбровные дуги Мамонта нависали над блекло-серыми, почти бесцветными глазами.

Мамонт молчал. Валентин нервничал. Ему очень хотелось разогнать тишину, возобновить так внезапно остановившийся разговор, но он боялся. Молчать он боялся тоже. Приостановившись на самом краешке роскошного кресла, сложив дрожащие ладони на коленках и ссутулив и без того не слишком широкие плечи, он непроизвольно покусывал тонкие губы и панически пытался определить, что хуже – продолжать молчать, потому что сказать ему больше нечего, или брякнуть хоть что-нибудь, например, повторить свою последнюю фразу.

Стоит ли удивляться, что слова Мамонта, наконец-то произнесенные неприятным скрипучим голосом и вовсе не благодушным тоном, прозвучали для Валентина райской музыкой.

– Давай подождем тему конкретно. Ты мне паришь, что это вот – реально волшебная палочка?

Мамонт покрутил в руках пластиковый цилиндрок, толщиной с большой палец и длиной в две ладони. То есть, в две *его* ладони, а это были ладони то что надо, в каждой из которых легко мог спрятаться граненый стакан.

Леха Мамонт погоняло свое получил просто из-за фамилии – на его визитных карточках золотым по черному было выведено: «Мамонтов Алексей Вячеславович». Но как же иронична порой бывает жизнь – Алексей Вячеславович своей кличке подходил идеально. И дело не столько в гороподобном сложении тела, от массивного бритого черепа до слоновьих ног. Просто Мамонт воистину был мамонтом. Да что там мамонтом – мастодонтом. Те из вас, кто не имел сомнительного удовольствия быть знакомым с Лехой, с твердой убежденностью заявили бы, что таких людей сейчас нет, все остались в вечной мерзлоте эпохи малиновых пиджаков и килограммовых золотых цепей на шее.

Но Леха был. Существовал. Прорвался сквозь девяностые, небрежно раздвинул могучими плечами нулевые, и сейчас вальяжно восседал в своей собственной гостиной, поражающей воображение величественными размерами, кричащей роскошью и полным отсутствием вкуса. Впрочем, всего этого Валентин почти не замечал, ибо был крайне занят: дрожал от страха.

Вчера, когда они договорились о встрече по телефону, Мамонт был весел и добродушен. Сегодня же пребывал в отвратительном расположении духа. Причиной тому был вовсе не Валентин, но, во-первых, он этого не знал, а во-вторых, сие знание помогло бы весьма мало. Когда на вас надвигается разъяренный носорог, какая разница, что именно испортило ему настроение?

– Н-нет, – промычал Валентин. – Не совсем так. Я ведь выразился...

Мамонт заговорил тихо, вдвое тише, чем раньше, но почему-то вмиг заглушил судорожные попытки оправдаться Валентина.

– То есть ты пришел в мой дом разводилово устроить?

Валентин вдохнул полную грудь воздуха. С некоторым удивлением он обнаружил, что оцепенение отпустило. Страх его перешел отметки «ужас», «дикий ужас», «паника» и... страхометр зашкалило. Нет, Валентин не перестал бояться, просто отчетливо понял, что

нужно говорить, говорить, говорить, иначе не получится уже в этой жизни увидеть многие замечательные вещи, на которые очень хотелось посмотреть. В первую очередь – дверь этой вот квартиры с наружной стороны.

– Я выразился следующим образом: этот прибор в определенной степени может выполнять функции волшебной палочки. Вот мои точные слова, и я за свои слова отвечаю. – Этот оборот всплыл в памяти из каких-то не то книг, не то фильмов и показался очень удачным. Валентин воодушевился. – Кроме того, мы в шутку называли его волшебной палочкой в нашей лаборатории...

При слове «нашей» голос Валентина заметно дрогнул. Разумеется, лаборатория больше не была «его» ни в малейшей степени. После кражи столь ценного оборудования.

– Если вы позволите, я сейчас опишу, не вдаваясь в ненужные подробности принципа действия, внешний эффект работы этой, будем ее так называть, «волшебной палочки».

Дождаться позволения Валентин не стал, так как очень боялся новой паузы.

– Вы знаете, что такое 3D-принтер?

Леха засопел носом и чуть подался вперед.

– Я не понял, ты меня щас лохом обозвал?

Закрыв глаза, Валентин продолжил, не давая себе остановиться. Самому себе он сейчас напоминал ездока на одноколесном велосипеде – сохранять равновесие возможно только в движении.

– Простите, это был риторический вопрос. Не требующий ответа. То есть, как бы даже не вопрос, а утверждение, обличенное в форму вопроса. Конечно, вам прекрасно известно, что такое 3D-принтер. Так вот, прибор, который я предлагаю купить, – это своего рода продолжение, так сказать, следующий шаг в развитии такого рода техники.

Тут Валентин испугался, что делает недостаточно яркую рекламу своему товару. Осторожно разлепив веки – Мамонт сидел в своем кресле, а вовсе не нависал над потенциальной жертвой – Валентин поспешно поправился.

– Но шаг этот очень, очень значительный. Сравнить этот прибор с 3D-принтером – это все равно, что сравнить шестой айфон с проводным телеграфом... Или даже с африканским тамтамом. Остановлюсь на двух принципиальных отличиях. Первое – 3D-принтер изготавливает все детали из одного и того же материала. «Волшебная палочка» же воссоздает химический состав оригинала. Если, конечно, порошки необходимых материалов загружены в картридж.

Валентин указал подбородком на стоящий перед ним ящик размером с небольшой, но толстый чемодан. Мамонт задумчиво опустил взгляд туда же.

– Второе отличие еще сильнее поражает воображение. – Валентин увлекся, почувствовал себя на научной презентации. Захотелось взять лазерную указку и пройти по комнате, заложив руки за спину. Чуть-чуть захотелось, мимолетно. Одного беглого взгляда на Мамонта хватило, чтобы шмякнуться задницей обратно в реальность. – Не нужен ни компьютер с программой, ни чертежи, чтобы изготовить нужный нам образец. Все эти функции исполняет – и с успехом исполняет! – мозг оператора. То есть, того человека, который держит в руках «волшебную палочку». А точнее – его подсознание. Ибо именно подсознание человека представляет собой воистину могучий инструмент. Один американский ученый совершенно справедливо сравнил наше подсознание с океаном, а сознание – с тонкой водяной пленкой на поверхности этого океана. Вы разрешите небольшую демонстрацию?

Валентин встал, сделал шаг по направлению к Мамонту и требовательно протянул руку. Офигевший от такой наглости Мамонт безропотно расстался с цилиндром.

Валентин коснулся концом «волшебной палочки» ящика-картриджа и сделал необходимые пояснения.

– Допустим, я желаю изготовить копию картины Шишкина «Утро в сосновом бору». Разумеется, я не помню в точности, в деталях, как она выглядит. Но! Не помнит *сознательная* часть моего разума. А в *подсознании* вся необходимая информация есть, так как я видел эту картину неоднократно. И вот что мы получаем...

Лицо Валентина приобрело сосредоточенное выражение. Цилиндрик едва заметно завибрировал в его руке. На поверхности картриджа возникло неясное многоцветное свечение. Свечение это довольно быстро приобрело форму плоского прямоугольника, выползшего за края картриджа, но на все время производства оставалось изменчивым и абсолютно неузнаваемым. Закончилось все секунд через тридцать и очень внезапно. Свечение исчезло, оставив вместо себя картину в деревянной раме. Известную ценителям как живописи, так и конфет «Мишка косолапый».

Валентин стоял над шедевром с таким видом, будто только что отложил в сторону кисти. Острый подбородок был задран к потолку, в глазах сквозило усталое осознание собственного превосходства над всем этим суетным миром.

– Подделка? – спросил Мамонт.

– Копия, – веско поправил Валентин. – Разумеется, копия. С оригиналом ничего не случилось, он как ни в чем не бывало продолжает висеть в... там, где ему и положено висеть. Но, позволю себе заметить, это – чертовски точная копия. Если не принимать во внимание возраст полотна и красок, ни один искусствовед в мире не найдет ни единого неверного мазка. Подсознание – великая вещь!

Снова висла пауза, но она уже не испугала Валентина, он понял, что процесс пошел.

– И сколько ты хочешь за свою байду? – небрежно бросил Мамонт.

Валентин напрягся и назвал сумму.

– Ты охренел, лаборант?! – взревел Мамонт.

Решив не обращать внимания на «лаборанта», Валентин быстро уменьшил сумму вдвое. Твердо сказав себе, что больше не уступит ни копейки.

– Сядь, не отвечивай, – приказал Мамонт.

Валентин сел. Это было к лучшему, так как коленки снова начали подрагивать. Пока еще вполсилы.

– Вот ты скажи, лаборант, чего ж ты эту курочку Рябу продаешь, если она золотые яйца несет? – блеснул знанием классической литературы Мамонт. – Бабосы она, по ходу, лепить не умеет?

Валентин тяжело вздохнул. Это был больной вопрос.

– Умеет. Но...

– Фальшивка голимая? – ухмыльнулся Мамонт.

– Нет, – Валентин покачал головой. – Ни один банкомат, ни один детектор в банке не распознает подделку. Очень, очень точная копия...

– Ну? – угрожающе спросил Мамонт. – Не тяни себя за яйца, колись по полной, в чем лажа?

– Номер, – выдохнул Валентин с неподдельным страданием. – Номер на купюре всегда один и тот же. Всегда! – почти истерично выкрикнул он.

– Что я только не пробовал, часами пялился на разные банкноты...

Если бы Валентин догадался об этом коварном и странном свойстве подсознания раньше! Возможно, он не решился бы на свой дерзкий план хищения. Тогда ему и мысль не приходила о продаже, все представлялась таким простым...

Перед визитом к Мамонту Валентин все-таки «нарисовал» себе несколько сотен купюр крупного зеленого достоинства. Поклявшись тратить их исключительно в условиях крайней необходимости, по одной и в разных местах. А лучше – в разных городах. Но об этом он сейчас, разумеется, рассказывать не собирался.

– Ага, попадос, – Мамонт поскреб волосатыми пальцами подбородок.

– Что там еще? Бриллианты?

– Алмазы получаются синтетические, – опустив голову признался Валентин. Реклама рекламой, а врать сейчас может оказаться вредно для здоровья. – Очень невысокого качества.

Мамонт хмыкнул. Интуитивно он неплохо разобрался в экономике и возможную прибыль просчитывал влет.

– Тогда ты в натуре цену заломил, лаборант. Чтобы эта Ряба яичко снесла золотое, ее ведь надо золотом кормить, я все верно секу? И где навар?

Валентин изо всех сил снова попробовал воодушевиться.

– С одной стороны, вы все правильно понимаете. Хочешь золотое изделие – загрузи в картридж золотой песок. Да. Но с другой стороны... Вы ведь представляете разницу в цене золотого слитка и той же массы золотых украшений?

Это Мамонт представлял.

– А чего ж сам эту схему не прокрутил?

Валентину снова пришлось вздохнуть.

– Буду с вами откровенным...

– Да куда ты денешься, конечно будешь.

– Прежде всего, у меня нет стартового капитала. Но пусть даже я запрошу кредит, пусть мне его дадут, пусть я куплю, скажем, килограмм золота...

– Пусть тебе не проломают дыню, как только ты его купишь, – радостно подсказал Мамонт.

– Да, и это тоже, – Валентин печально кивнул. – Но даже если я наделаю килограмм золотых побрякушек. Куда я с ними?.. Без сертификатов, вообще без всяких документов. По ломбардам и комиссионкам? Так я дай Бог свое отобью... Для вас, с вашими связями, авторитетом, эта схема куда более приемлема.

Валентин поднял глаза и осмелился взглянуть Мамонту прямо в лицо.

– Это все не значит, что я не смог бы разбогатеть при помощи «волшебной палочки». Смог бы, не сомневайтесь. Но все это потребовало бы сил, нервов, а, главное – времени.

– А у тебя его нету, – Мамонт сверкнул золотой фиксой. – Тебе ведь, родной, дергать из страны надо. Причем, по резвому дергать.

– Надо, – Валентин не стал спорить. – Поэтому я пришел к вам, человеку, с одной стороны обладающему свободным капиталом, а с другой... для которого обратиться в правоохранительные органы было бы не по понятиям.

– Ты в мои понятия рыло не суй, понял, убогий? Надо будет, моим пацанам не западло будет тебя по всем понятиям в три мусарни отнести. Одновременно. Сечешь тему?

Сказано это было совершенно ровным тоном. Но Валентин почувствовал, как у него вспотела печень.

– Конечно, вы легко можете и даром забрать у меня...

– И на гниль не дави, – поморщился хозяин квартиры. – Леха Мамонт по беспределу никогда не встревал.

Едва Валентин почувствовал некоторое облегчение, Мамонт добавил:

– Это не значит, что если я захочу, ты мне сам все не подаришь.

Новая пауза не несла в себе ни страха, ни каких-либо иных эмоций.

Внутри Валентина была пустота, и он вполне равнодушно ожидал, чем все закончится.

– Ладно, – прервал молчание Мамонт. – Накидывай дальше, что еще мне нужно знать?

– Э-э... – Валентин привел мысли в относительный порядок. – Продукты питания – ни в коем случае. Тут наше подсознание пасует. В самом лучшем случае отделаетесь расстройством желудка. Вообще, с органикой у нее получается плохо. Мы нашей Леночке... ну, неважно, в общем, мы цветы сотворили... розы. Как настоящие были, но пахли отвра-

тительно. А к вечеру завяли. Техника... если сложная, то ничего не получится. Это нужно настолько специалистом быть, чтобы представлять, как оно все устроено... Я, например, фотоаппарат могу сделать. Паршивый, правда. Микроскоп вполне приличный получился. Телефон сотовый – не могу. Может, если бы потренировался...

Заправлять картридж проще простого. Материалы даже не обязаны быть чистыми, любая смесь подойдет, был бы необходимый набор элементов. Вообще, в самом картридже нет ничего особенного, за исключением блока сопряжения в нижнем углу. Его просто не надо трогать...

Мамонт невнятно хрюкнул и махнул рукой.

– Хорош тележить. Ты мне вот что скажи, про состав, этот, как его, химический. Как он воспроизведется, если я сам его, в натуре, не знаю?

Валентин улыбнулся улыбкой победителя.

– А вы думаете, мне был известен химический состав красок, которыми нарисована картина? Или технология их производства? Всего этого не нужно. Я же говорю: под-со-зна-ни-е! В своем подсознании каждый из нас – гений и суперэрудит! Чудовищный объем памяти и просто непредставимая способность к анализу. Любой человек, научившийся полноценно пользоваться своим подсознанием, воистину превратился бы в супермена.

Мамонт поморщился.

– Ладно, лаборант, красиво поёшь. Считай, что сделка оформлена.

Он высвободил свое мощное тело из объятий кресла и подошел к стене.

Золотая гравюра фривольного содержания плавно отъехала в сторону, обнажив дверцу сейфа. Ничуть не стесняясь визитера, Леха начал тыкать пальцем в кнопки. Валентин шумно отвернулся в сторону и на всякий случай еще зажмурился. В этой неудобной позе с накрепко сомкнутыми веками он и продолжал сидеть, пока ему на колени что-то не шмякнулось. Вздрогнув, он раскрыл сначала почему-то только один глаз и увидел несколько пачек зеленых денег.

– Вали, – коротко сказал Мамонт.

– Спасибо! – Валентин пятился к выходу, попутно трясушимися руками рассовывая пачки по карманам. – Было очень приятно с вами иметь дело. Надеюсь, мы еще увидимся...

– Надейся, что не увидимся, – перебил Мамонт. – Потому что, если я захочу тебя увидеть, то по очень плохой для тебя причине. Впитал?

* * *

Валентин судорожно собирал вещи. Точнее, наводил последние штрихи, так как к отъезду он был готов заранее. Прав Мамонт, покидать страну Валентину в любом случае надо в спешном порядке. Ничего, до понедельника еще ничего не вскрыется, а там... План бегства и заматания следов также был тщательно подготовлен. Все должно получиться!

Как все-таки все удачно прошло с этим бандюгой! По большому счету. Страху, конечно, натерпеться пришлось, не без этого... Но повелся Мамонт, повелся! Жадность, она, брат, сила великая... Казалось бы, все у этого троглодита есть, куда тебе еще? Ан нет, много никогда не бывает. Загорелись глазки, загорелись...

Интересно, он что-то конкретное имел в виду или взял по принципу «пусть будет, там что-нибудь придумаю»? Наладит какое-нибудь производство или станет использовать прибор от случая к случаю? С его-то возможностями... Эх, Валентину бы такие возможности! Ладно, нечего об этом теперь. Он провернул отличную сделку и просто шикарно устроится в новой стране.

И все же Валентин снова и снова возвращался мыслями к «волшебной палочке». Озарение настигло его уже на пороге квартиры. Настигло так оглушительно, что нетяжелая сумка

выпала из рук. Ну, конечно! Вот на что у Мамонта глаза загорелись! Наркотики! Пусть синтетические, но в неограниченном объеме при практически нулевой себестоимости. Это же не хуже, чем печатный станок.

Валентин застонал. Ну почему, почему эта простейшая мысль не пришла ему в голову раньше? Не нужен был никакой Мамонт, никакая продажа. Уехать с прибором, сориентироваться на новом месте, разнюхать почву и начать производство. Да, немного рискованно, но... Какого черта, у него никогда не нашли бы ни готовой продукции, ни сырья, ни оборудования.

С наркотиков мысли естественным образом перекинулись на оружие. Интересно, смог бы Валентин сотворить оружие? Огнестрельное. Да, он не служил в армии и никогда не видел автомат вблизи. Тем более, не собирал-разбирал. Но... обрывков сведений, полученных на протяжении жизни из случайных источников должно было хватить для подсознания. В конце концов, есть же интернет...

Валентин тяжело вздохнул и оборвал себя. Что уж теперь.

Затем он гордо вскинул подбородок. Да потому и не додумался ни до чего такого, что порядочный человек! Человек! Не Мамонт какой-нибудь. Это такие вот на лету подметки режут... Ни о чем жалеть не надо – Бог хранит от искушений! Если в мире зла станет больше, то виноват в этом будет кто-то другой. Чистые руки и чистая совесть дороже всех денег мира!

Валентин подобрал сумку и вышел из квартиры, переполненный чувством собственного достоинства.

* * *

Мамонт взял в руки палочку. Коснувшись ею ящика, почувствовал себя глупо. Но собрался. Затаив дыхание, смотрел на невнятное свечение, на этот раз совсем небольшого размера, с Лехин кулак где-то.

Взял получившийся продукт и тщательно разглядел со всех сторон. Даже обнюхал. Только после этого вспомнил, что стоит выдохнуть. Впервые с самого утра Мамонт улыбнулся по-настоящему радостно. Сказать, что гора свалилась с его плеч – значит, ничего не сказать. В последний раз нечто подобное он испытывал в девяносто третьем, когда айболит сказал, что Димон будет жить – пуля прошла в миллиметрах от сердца.

Леха прокосолапил на кухню и заглянул в мусорное ведро. Вытащил крупные осколки чашки – дурацкой чашки из дешевого фарфора с синими цветочками... любимой чашки жены, подарок, блин, от бабушки. Сравнил осколки со свежеизготовленной целенькой чашкой и удовлетворенно хмыкнул. Составил вместе две ручки и хмыкнул еще раз – выщерблены совпадали с точностью, как близнецы. В натуре, что подсознание творит...

Леха отправил осколки обратно в мусор и – снова не дыша – поставил целую чашку обратно в шкаф, в который он сегодня утром за каким-то хреном полез своими медвежьими лапами. Хорошо хоть жены дома уже не было.

Почесал в затылке, прошел в гостиную и сделал еще одну точно такую же чашку. Бережного Бог бережет. Эту уже Леха убрал в сейф. Не в тот, за гравюрой, а в другой, о котором даже жена не знала.

Потом снова вернулся на кухню, держа волшебную палочку в руке. Склонившись над мусорным ведром, сломал потрясающий воображение прибор пополам. И, напрягшись, еще раз пополам. Раскрошил обломки в кулаке.

– Понапридумают, уроды, – мрачно сказал Мамонт. – Сами не понимают, чего. В подсознании ты, значит, гений, ага. А если по жизни – debil?

Мамонт презрительно сплюнул. Прямо в ведро. После чего самолично выбросил мусор в мусоропровод. Подумал немного и отнес туда же картридж. На всякий, блин, случай.

Об авторе

Родился в 1973 году в поселке Восточный Охинского района Сахалинской области. Закончил Хабаровский Государственный Технический Университет по специальности инженер-механик. Работает начальником охраны. Печатается с 2005 года, вышло три книги (не считая электронных изданий): «Гость из главного мира», 2007, Гелеос; «На килограмм души», 2011, Млечный путь; «Поход скорпионов», 2012, Альфа-книга (в соавторстве). Плюс публикации в журналах «Реальность фантастики», «Техника молодежи», «Мир фантастики», «Наука и техника», «Порог», «Вселенная. Пространство. Время», «Шалтай-болтай», «Безымянная звезда», «Просто фантастика», «Я» (США), «Reading» (США), «Млечный путь» (Израиль), несколько рассказов в различных сборниках.

Сергей Филипский Хозяева Африки

Было прекрасное июльское утро. Я, Майкл Лайт, частный детектив, шел на пляж, когда вдруг зазвонил сотовый телефон. Звонок был от моего друга Айвана Айванова, сотрудника Института Времени. Айван сказал, что у них произошло несанкционированное путешествие во времени и попросил меня разобраться.

Позабыв про пляж, я немедленно отправился в Институт Времени. Айван встретил меня у проходной и, пока мы шли в лабораторию, ввел в курс дела.

Оказывается, у Института Времени – определенные успехи. Удалось создать так называемую хронокапсулу, которая в состоянии пронзить время и доставить в прошлое.

– А в будущее? – спросил я.

– Только обратно в настоящее при возвращении из прошлого, – объяснил Айван.

И далее рассказал о том, что на хронокапсуле установлен счетчик, который фиксирует пройденный ею хронометраж. Так вот. Выйдя после уикэнда, в понедельник, на работу, Айван обнаружил, что в выходные хронокапсулой кто-то попользовался. Об этом свидетельствовали показания счетчика.

Айван попросил меня разобраться.

– О, кей, – сказал я и приступил к расследованию.

Расследование я начал с того, что осмотрел хронокапсулу – эллипсоид размером с микроавтобус. Последнее проникновение на ней в прошлое было в 5000 лет до нашей эры, в район Центральной Африки. Это и было несанкционированное путешествие злоумышленников.

– Мы можем понаблюдать за ними, – сказал я.

– За кем? – спросил Айван.

– За злоумышленниками. Отправимся в точку во времени на полчаса раньше них, да и узнаем, что они злоумышляют.

– Отличный вариант! – воскликнул Айван. – Я до него не додумался...

Так мы и поступили. Забрались в хронокапсулу. Айван включил ее, и тотчас замерцали синие цифры на пульте управления, показывая, какой нынче год за кормой. Вот нас качнуло вперед – это хронокапсула затормозила. Мы выбрались из нее и очутились в джунглях.

– Мы в ста метрах от того места, куда вскоре придут они, – объяснил Айван.

– Это удачно, – сказал я, и мы спрятались в кустах, поджидая появления хронокапсулы со злоумышленниками.

Вскоре шандарахнула молния, и там, куда она ударила, возникла хронокапсула. Люк в ней открылся и на поляну вылезли трое – двое мужчин, один повыше, другой потолще, и еще девушка.

Стая белых птиц сидела на поляне и не думала улетать.

– Мы прибыли, – хихикнула девушка. – Давайте устанавливать Объединитель.

Они вытащили из хронокапсулы какой-то металлический ящик на четырех ножках, с кнопками и с рычажками. Разместили его на поляне. Тот мужчина, что повыше, защелкал рычажками и кнопками... От ящика послышалось гудение.

– Готово? – хихикнула девушка.

– Объединение уже произошло. Можно начинать диалог, – ответил высокий мужчина.

Произнес в микрофон, прикрепленный шнуром к ящику:

– Ты слышишь нас?

– Да, – отозвался динамик в металлическом ящике. – Кто я?

– Ты – вся фауна Африки, которая с этого момента представляет собой единое сознание, которое может общаться с нами посредством этого устройства, – объяснил высокий.

– И с этого момента ты будешь не позволять разным колонизаторам колонизировать Африку, – добавил тот мужчина, что потолще. – Только будешь допускать на территорию своего континента лишь нас троих! И еще будешь добывать для нас алмазы. Ведь так?

– Да, – откликнулась через динамик объединенная фауна Африки.

– Ну, что? – обратилась девушка к своим спутникам. – Сворачиваемся?

Они убрали Объединитель в хронокапсулу. Люк закрылся, и хронокапсула исчезла, взметнув напоследок разряд молнии.

– Это что же? – вымолвил Айван. – Эти трое захватили Африку?

– Причем, в рекордный срок, – сказал я.

Когда мы вернулись обратно в свое время, я призадумался над тем, как продолжить расследование. К счастью, я догадался сфотографировать на сотовый телефон лица злоумышленников. Теперь оставалось пробить их по базе данных через компьютер. Что я и сделал. В результате чего узнал их имена. Это были Виктор Сноу, Чарли Рэйн и Марта Скейт – электронщик, гипнотизер и профессиональная угонщица. Последнее место, где они засветились, была вертолетная стоянка неподалеку от Суэцкого канала.

Мы отправились туда на легковушке Айвана. Пока ехали, узнали от спутникового телевидения, что Африка сегодня – одно большое «белое пятно».

Засаду мы решили сделать на мосту через Суэцкий канал. Где вход в Африку, там и выход из нее, рассудили мы. Злоумышленникам нас не миновать.

Так оно и получилось.

Через несколько часов послышался стрекот, со стороны Африки появился вертолет и пролетел над нами. Его бортовой номер был тот самый.

– Это они! – сказал я, и мы бросились в погону.

Вертолет вилял, пытаясь скинуть нас с хвоста, но мы упорно не отставали. Пустыня так и мчалась нам наперерез...

Наконец, поняв, видно, что мы на за что не отстанем от них, злоумышленники применили то, что пришло им в голову. От вертолета отделился какой-то предмет на парашюте. Достигнув поверхности пустыни перед нашим бампером, предмет ударился об песок и стало понятно, что это – серебристый распахнувшийся кейс, из которого так и брызжут алмазы.

– И не жалко им? – удивился Айван.

– Не жалко, – сказал я. – У них этих алмазов – целый вертолет. Зато так они избавились от погони. Пока мы будем собирать рассыпавшиеся алмазы, они успеют удрать.

– А мы будем собирать? – спросил Айван.

– Конечно, – сказал я. – Ведь это – вещественные доказательства.

Прибыв в Институт Времени, мы призадумались, что дальше предпринять.

– Это что за электронный циферблат с кнопочками? – спросил я, показывая на поверхность хронокапсулы.

– Это дата в прошлом, куда происходит заброс, – объяснил Айван.

– Значит, этой датой можно управлять отсюда? – понял я.

– Да, – кивнул Айван.

И тут меня осенило.

– Мы поменяем им дату заброса! – решил я.

– Еще один отличный вариант, – проговорил Айван. – До него я тоже не додумался...

Так и поступили. Отправились в хронокапсуле в тот миг, когда злоумышленники отбывали в африканское прошлое. Айван подскочил к хронокапсуле со злоумышленниками... И далее полыхнула молния, отбросив Айвана на пол лаборатории. Подскочив, я помог подняться ему на ноги. К счастью, Айван от молнии не пострадал.

– Успел дату на корпусе заменить? – спросил я.

– Успел! – успокоил Айван.

– И куда же ты их зашвырнул? – поинтересовался я.

Айван почесал затылок и поведал:

– Далеко в прошлое. Очень далеко. Помню лишь, что в дате было много-много нулей...

Когда мы вернулись в настоящее время, я сказал:

– Ну вот. Африка больше не «белое пятно».

И вызвал по телефону аэротакси.

Каково же было мое изумление, когда на вертолетную площадку на крыше Института Времени приземлилось это самое «такси».

Это был... птеродактиль. С кабинкой для водителя и пассажира. С желтыми шашечками на боку.

– Это что же получается? – удивился Айван. – Получается, что теперь динозавры не вымерли?

– Получается, что так, – сказал я. – С временем лучше не шутить.

Об авторе

Родился в 1960 году на Дальнем Востоке в городе Шилка Читинской области. Сейчас живет в г. Воронеже. Образование высшее – физик (окончил Воронежский государственный университет). В настоящее время работает оператором множительной техники в Воронежском медицинском университете. Пишет юмористическую фантастику. Первая значимая его публикация – в московском журнале «Сокол» (Москва, № 1, 1995). Печатался в центральный российских журналах – «Знание-сила: Фантастика», «Техника-молодежи», «Юный техник», «Костёр», в воронежском литературном журнале «Губернский стиль», а также в сборнике современной фантастики «Ликвидация последствий» (Воронеж, 1998) и в двухтомной антологии «Страницы воронежской прозы» (Воронеж, 2004). Автор книги фантастических приключенческих повестей для детей «Шпионы крадутся хитро» (Воронеж, 2010). В № 2 (11) за 2010 год «Знание-сила: Фантастика» опубликован рассказ «Без проблем», в № 2 (15) за 2012 год – рассказ «До грядущего», а в № 2 (21) за 2015 год – рассказ «Начальник Игр».

Ефим Гаммер

Мысль в конце тоннеля

Исследуя мозг блохи, Яков Борисович Вельский обнаружил интересную мысль. Если изучать ее под микроскопом, то она виделась как бы в конце туннеля – очень уж далеко и недоступно. Если смотреть на нее близоруким глазом, то она мало-помалу растворялась в сером веществе, не выдавая место тайного своего присутствия даже намеком. Но стоит подключиться к ней при помощи сверхновой установки, заковыристо названной Циклохроно-трон, и – пожалуйста: любуйся, более того, слушай, чего она такое непознанное травит из глубин блошиного мира.

На экране диковинного агрегата мысль рисовалась полноценно, будто ее мама лишь вчера родила. Она щерила рот и попутно издавала доступные восприятию звуки: «у-а, у-а!»

Яков Борисович прочистил пальцем ухо, чтобы лучше внимать при контакте с нечеловеческим разумом. И что-то сообразив на уровне профессорских знаний, догадливо улыбнулся.

– Подойди-ка сюда, – подозвал лаборантку Олечку поближе к своему научному эксперименту. – Слышишь?

– А не обманываете техникой?

– Тебя обманешь!

Удовлетворенная комплиментом, девушка подалась впечатлениям от свидания с непознанным.

– Ишь ты! – восхитилась. – Разговаривает!

– Не молчит, – согласился научный наставник. – А на каком доступном языке излагает эта тварь? Как думаешь?

– Каком? Никаком! – отмахнулась Олечка. – Младенческом. У-а, у-а! – передразнила блоху.

– Иврит, крошка!

– Скажете, Яков Борисович! Бегите за Нобелевской премией. Надо же, блоха и иврит.

– Именно иврит, дорогая моя! Почему? Все очень просто. Если блоха выходит на связь с человечеством у нас в Израиле, то не русский же ей, право, нужен для сношения.

– Для сношения язык не обязателен, – поправила его Олечка, машинально задумавшись на тему, чрезвычайно далекую от проводимого опыта.

– Не будем, малышка, спорить о сексуальных предпочтениях, – веско сказал доктор биологии Иерусалимского университета. – Но что касается научных...

Олечка еще не вышла из мечтательного состояния, она примирительно подняла руки, будто готова сдать под натиском неоспоримых доводов.

– Ладно, Яков Борисович! Будем считать, переубедили. В Израиле, пусть так, без иврита не обойтись. При сношении. Но почему, собственно, вы считаете, что бездоказательное «у-а» – это иврит?

– Чего проще! В нашем алеф-бет, то бишь алфавите, согласных и с огнем не сыщешь. Это блоха и ухла, используя для контакта только гласные – «у-а».

– А из этого следует... – напряглась студентка-заочница, как на экзамене.

– То же самое, что и при усвоении иврита. Берем предложенные нам гласные и подставляем к ним самостоятельно согласные.

– И что в результате?

– Слово, девочка! Вспомни: «сначала было слово».

– Какое, Яков Борисович?

– О-леч-ка! А вот это открытие я доверяю сделать тебе, моей ученице.

- А как его сделать?
- Обратись к чужеродному разуму с приветственной речью.
- И получится?
- Получится! Начинай!

Девушка поморщила лобик и начала:

– Здравствуй, блоха! Надеюсь, ты не кусаячая, не заразная. И даже, если ты мужского пола, то под халат мой все равно не метишь. Чего же ты хочешь? Думаю, ты хочешь поделиться со мной продвинутым своим знанием биологии, чтобы я, наконец, сдала зачет.

– У-а, у-а, – ответила блоха.

– Что она сказала? Или это все-таки «он»? – Олечка повернула лицо к Якову Борисовичу. И увидев в его глазах свет далекой звезды, притягательный, зовущий к любви и близости, поспешно добавила. – Надо думать, это насекомое, в отличие от вас, руку и сердце мне не предлагает?

– Ей и не надо, малышка. Она и без ходок в ЗАГС способна разделить с тобой постель.

– Хамите, доктор!

– Не буду, не буду, – умиротворенно откликнулся экспериментатор.

– Тогда расшифровывайте ее донесение.

– Что ж, поехали. По логике вещей к двум блошиным гласным напрашиваются на свидание две согласные. В первый слог буква «д», во второй – «р».

– И что мы имеем? – нетерпеливо переспросила Олечка.

– А ты поупражняйся самостоятельно.

– Но тут, как ни крути, все одно получается – «дура».

– Чего же ты еще ожидала услышать, если отказываешься идти за меня замуж?

Олечка внимательно посмотрела на университетского наставника, затем с какой-то нерешительностью в голосе поинтересовалась:

– А если я передумаю?

– Тогда и блоха передумает, и мы по-другому расшифруем ее потаенную мысль.

– Расшифруем?

– Расшифруем, Олечка, расшифруем! Выходи за меня замуж, и мы отыщем в науке пути, чуждые сегодняшним намекам этой твари. И при некотором напряге мозгов получится у нас «Муза».

– Я согласна! – сказала Олечка. – Что ни сделаешь ради науки...

Об авторе

Родился в 1945 году в Оренбурге, закончил отделение журналистики ЛГУ в Риге. Живет в Иерусалиме. Стихи начал писать в 15 лет. Первые публикации в 17 – в латвийской газете «Советская молодежь» и сборнике «Голоса молодых». С 1972 года член Союза журналистов СССР. Главный редактор и ведущий авторского радиожурнала «Вечерний калейдоскоп» на радио «Голос Израиля» – «РЭКА». Автор 20 книг прозы, стихов, очерков, член израильских и международных союзов писателей, журналистов, художников, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству. Среди них – Бунинская, Москва, 2008, «Добрая лира», Санкт-Петербург, 2007, «Золотое перо Руси», золотая медаль на постаменте, 2010. Печатается в журналах «Литературный Иерусалим», «Арион», «Нева», «Дружба народов», «Кольцо А», «Приокские зори», «Новый журнал», «Слово\Word», «Вестник Европы», «Дерибасовская – Ришельевская», «Дети Ра», «Урал», «Человек на Земле», «Сибирские огни», «Дон» и т. д.